

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

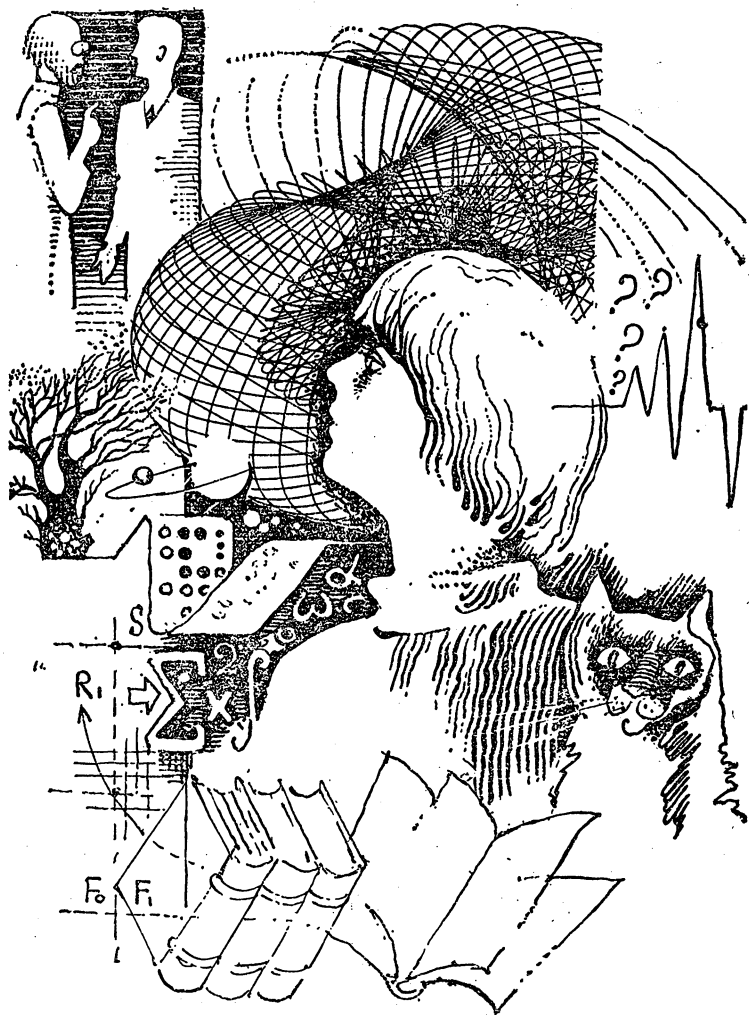
МИХАИЛ ГРЕШНОВ

ЭХО

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

МИХАИЛ ГРЕШНОВ

ЭХО

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1988

ББК 84Р
Г 81

Г $\frac{4702010200-305}{078(02)-88}$ 146—88

ISBN 5-235-00694-1

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1988 г.

ТАМАЛА

- Куда мы идём, Тамала?
- Увидеть тайну!
- Тайна — все время тайна...
- Ты увидишь ее сейчас!

Они шли по бесконечным увалам. Сглаженные ветрами холмы поднимались перед ними и опадали. Владимир представил, как неуютно здесь бывает зимой. Но сейчас хакасская степь полна зелени и цветов. Берег Оны далеко позади. Там лагерь исследователей, приехавших наблюдать солнечное затмение. Там и отец Тамалы, проводник экспедиции.

А Владимир, Тамала идут по степи, и Владимир спрашивает:

- Скоро?
- Еще немного.

Владимир не астроном. Владимир скульптор. Попал в экспедицию случайно, его утащил с собой Вересный, друг и вечный искатель. «Поедем, проветришься,— предложил он Владимиру.— В мастерской ты сам превратишься в камень». Проветриться стоило. Но Саяны, Хакасия — это же на краю света! «Пусть себе,— убеждал Вересный,— зато новые края, новые горизонты. Найдешь что-нибудь интересное». Интересного у Владимира было и так достаточно: скульптуры к арке в честь очередной летней олимпиады, памятник Кибаль-

чичу. Но Вересный — друг детства: родились в один год, жили на одной улице. «Сколько продлится экспедиция?» — спросил Владимир. «Три недели, месяц, — ответил Вересный. — Да брось ты подсчитывать!» Убедил, Владимир дал согласие. В смету он не вошел, ехал на свои собственные, поэтому начальник экспедиции не возражал: пусть едет.

И вот они с Тамалой в степи, холмы, как волны, поднимаются перед ними и опадают. Степь кажется бесконечной. Ветер ходит над ней, звенит в ушах, когда Тамала, Владимир сбегают с холма. И звенят жаворонки — их песня не прекращается ни на минуту. Вниз с холма и опять вверх. Немножко кружится голова, и кажется, степь качает Владимира и Тамалу.

Владимир порядком набил ноги, но Тамала не дает ему отдыха:

— Нам еще вернуться до темноты!

Владимир едва ковыляет за ней, готовый разругаться, рухнуть в траву, как вдруг с невысокого гребня Тамала показывает рукой:

— Гляди!

Лощина, округлая, как дно питьевого ковша, зеленая с синевой под ярким июньским небом. В центре, в самой низинке, неожиданная и, кажется, здесь ненужная серая глыба.

— Камень?.. — спрашивает Владимир.

— Не простой камень. — Тамала увлекает его с холма. — Живой!

Они подходят к камню. Высотой в человеческий рост, он стоит отвесно, чуть углубившись в землю. Кто его здесь поставил?.. Не базальт, не мрамор, оглядывает его Владимир. И не гранит.

— Живой, — повторяет Тамала.

Владимир, не отрываясь от камня, усмехается чуть заметно.

— Профессор Гриднев сказал — живой, — настаивает Тамала.

— Что за профессор?

— Из Москвы. Осматривал камень два года тому назад. Я был здесь, отец был, профессор сказал: здесь тайна.

Владимир все еще оглядывает глыбу, пробует на звук ногтем. Камень звенит.

— Еще говорил профессор, что камню тысяча лет. Удивлялся, почему его не опрокинуло ветром, не занесло — знаешь, какие здесь бури? Камень высвобождается от наносов.

— Интересно. — Владимир опускается к подножью камня.

Не засыпан пылью, песком. Углубление под ним — естественное при его тяжести.

— Я знала, ты заинтересуешься, — говорит Тамала.

— Как он здесь появился?

— Ну как... Мало ли в степи памятников?

— Захоронение? — Владимир вспомнил ряды могильных камней в степи на пути экспедиции.

— Может, захоронение. Профессор искал могилу Баир-хана.

— Кто еще такой — хан?

— Есть легенда о Баир-хане и его красавице-дочери...

Владимир не слышит последних слов. Прикидывает: что можно сделать из камня? Богиню степей? Как представить себе Богиню?.. Или сделать Тамалу? Вот такой, какая она сейчас: порывистая, красивая...

Опять стучит ногтем по камню. Камень отзывается звоном.

Когда оборачивается к девушке, Тамала говорит уже о профессоре:

— Хотел увезти камень в Москву. Но заболел и умер. Может, подарить камень тебе?

Тамала степнячка, хакаска. Студентка Красноярского медицинского института. Знает свои края, любит просторы, степь. Такие натуры отличаются щедростью.

— Подарить? — спрашивает она.

— Подари! — говорит Владимир.

— Видишь? — Вересный радуется. — И у тебя находка. Скучать не будешь. Пока это Луна найдет на Солнце. Да и что тебе затмение? Две минуты зрелища... А ждать — не меньше, чем три недели. Инструменты не все доставлены.

Палаточный городок на берегу Оны еще не сложился. Груз не разобран, должна подъехать вторая группа ученых. А те, что приехали, заняты. Только у Владимира ничего нет. Кроме дружбы с Тамалой. Но дружбой не проживешь. Владимир привык к работе и теперь в общей суе, подготовке ученых к предстоящему дню затмения чувствует себя не у дел.

— Переправить камень я тебе помогу, — обещает Вересный.

— К нам, — говорит Тамала. — Видел, какая у нас веранда? — оборачивается к Владимиру: — Работай, пожалуйста!

Вересный договорился с начхозом экспедиции, с рабочими, через день камень был у Тобоевых — в доме Тамалы. Тут его сгрузили, перенесли в галерею.

Галерея — конечно, звучит. Скромнее — застекленный коридор, место работы и отдыха Тамалы. В доме два входа: обычный, через который носили дрова, воду, и второй — через галерею в небольшой сад, заросший смородиной и стелющимся ранетом.

Тамала уехала обратно в палаточный городок к отцу, а Владимир принялся разбирать инструменты.

Он вполне представлял, какой сделает статую. С поднятой головой, с откинутыми ветром волосами — Тамалу, когда она показывала ему камень: «Смотри!» Юность, степной порыв будет в статуе. И еще вдохновение. И немножечко тайны, о которой рассказывала Тамала.

До затмения три недели, потом, пока будут свертывать городок, пройдет не меньше недели. Времени, определяет Владимир, хватит. И уверенности, желания хватит. Владимир даже не задает вопроса, выйдет ли ста-

туя. Выйдет! Может, потому, что Тамала подарила ему камень? Может, от задора, от юности, ведь и ему, Владимиру, двадцать шесть лет.

Первое прикосновение резца показало, что камень податлив. Принимает нажим, не дробится под лезвием. Владимир осторожно ведет резцом. Сначала делает абрис головы, плеч, детали будет ваять потом. Как хорошо идет! Только будь внимателен, будь очень внимателен! — предупреждает себя Владимир. Нет, он не испортит работу. Залог тому — сделать радость Тамале.

Познакомились они сразу. Поселок Ташлык — небольшой. Не просто разместить в нем участников экспедиции, — пусть даже начальную группу, в задачу которой входит отыскать место для городка, поставить палатки. В сельсовете рекомендовали проводника — Балахчи Тобоева. Послали к нему домой посыльного. «Я с вами!» — увязался за ним Владимир. Тобоева дома не оказалось. На стук вышла Тамала. Пока посыльный говорил с ней по-хакасски, Владимир разглядывал девушку. Внезапно она перешла на русский, видимо, сочувствуя Владимиру, который не понимал в разговоре ни слова.

— Отец согласится, — сказала она. — Хотя он и не совсем здоров.

— Может, не согласится? — спросил посыльный.

— Если возьмете меня с собой. Я делаю ему лекарства.

— Насчет тебя ничего не знаю, — сказал посыльный. — Сказано — позвать Балахчи.

— Вы меня возьмете с отцом? — обратилась Тамала к Владимиру.

— Я бы взял, — ответил Владимир довольно смело — девушка ему понравилась. — Но я сам в экспедиции на птичьих правах.

— Как это? — спросила Тамала.

— Я скульптор, — сказал Владимир. — К астрономии отношения не имею.

— Я тоже к делам отца отношения не имею,— ответила Тамала.— Но если меня возьмут, нас будет двое...

— Бездельников,— подсказал Владимир.

Девушка засмеялась, и Владимир понял, что угадал ее мысль.

Тамалу взяли с отцом, и так получилось, что она и Владимир постоянно бывали вместе.

Вспоминая о встрече, Владимир работает. Сколки из-под резца падают на пол, хрустят под ногами. Владимир обходит камень кругом — обрисовать плечи статуи.

— Хорошо! — Меняет резцы, молотки с более тяжелых на легкие.

Работа идет, Владимир в порыве, и пока делает плечи статуи, торс, ничего, кроме удовлетворения от работы, не чувствует. Напротив, предвкушает удовольствие от того, что Тамала будет все яснее выделяться из камня и как настоящая Тамала, живая, будет узнавать себя, удивляться, может быть, восхищаться. Владимир идет на хитрость. Пока он не будет делать лицо — до последнего приезда Тамалы: каждую неделю она обещала приезжать домой. А когда статуя будет закончена, Владимир с гордостью скажет девушке: «Это ты».

Тамала порозовеет — очень хорош у нее румянец, — всплеснет руками: «Не ожидала...» А Владимир, в свою очередь, скажет: «Дарю».

Может, все будет не так, но Владимир в порыве великодушия хочет, чтобы все было так, и за работой ему легко мечтается.

В Тамалу, признаться, Владимир влюблен. Не только в ее румянец, юность. От Тамалы исходит теплое обаяние, солнечное — Владимир рад подходящему слову. Тамала может поспорить, фыркнуть, если что не понравится. Может так просто взять за руку: «Побе-

жали быстрее!» И они бегут по степи. Может посмеяться и погрузиться о старом профессоре. Придумала красивую сказку — камень живой. Поверила в свою сказку. А Владимир верит в живую Тамалу. И статую сделает как живую. «Тамала! — говорит он, — Тамала!» — видит в камне лицо и фигуру девушки. Считает дни, когда она приедет из городка.

Тамала приехала на шестой день, когда у Владимира появились трудности. Споткнулся на коленной чашечке. Резец пошел не туда, куда вел его Владимир. Это случилось. В редком камне нет разнородностей, перепадов твердости — все это в порядке вещей. Стоит поменять угол наклона резца, сменить темп ударов, и дело выравнивалось. Так Владимир поступил и сейчас: поставил резец круче к поверхности, перешел на мелкий частый удар. Но резец упрямо повело в сторону.

Владимир бросил работу. Посидел, подумал, в чем дело. Может, он переутомился? Может, заболела рука? Ни переутомления, ни боли в руке не чувствовалось. Обошел статую. Опять взял инструмент в руки.

И опять у него не вышло. Ладно, подумал он, сделаю небольшой допуск — можно же сделать допуск!.. Но коленная чашечка получалась совсем не такая, какой он ее задумал!

Владимир был сбит с толку. В этом состоянии застала его Тамала.

— Тебе надо отдохнуть, — сказала она. — Отложи инструмент и ничего сегодня не делай.

Владимир отложил инструмент. С Тамалой они пошли на Сану — речку, на которой стоит Ташлык. Сидели на берегу, разговаривали. Вечер встретили на Камнях — так назывались глыбы песчаника, останцы размытой водами кручи. Тут у них произошел разговор — обстановка, видимо, подсказала тему.

— Мне всегда тревожно среди камней, — начала разговор Тамала.

— Вздор, — ответил Владимир.

— Вовсе не вздор! Почему племена поклоняются камням? Например, изваяниям на острове Пасхи?

— Изваяния сделали люди. Я тоже преклонился бы перед Зевсом работы Фидия.

— Я не о том,— возразила Тамала.— Ты ничего не чувствуешь возле своей статуи?

— Надо ее сделать. Но мне до Фидия далеко.

— Опять не то!..— Тамала дернула головой.

— Объясни,— попросил Владимир.

— Этот камень не давал покоя профессору Гридневу. Он его слушал. Приникал ухом и слушал.

Владимир молчал.

— А мне возле камня,— продолжала Тамала,— страшно.

— Тамала...

— Ничего ты не знаешь! Почему Гриднев искал захоронение Баир-хана?

— Почему? — спросил Владимир.

— Потому что есть легенда. А в каждой легенде — крупица истины. Хочешь, расскажу о Баир-хане и его дочери?

— Рассказывай,— согласился Владимир.

— Только ты не смейся, не возражай! Легендам я верю! — строго посмотрела Тамала в лицо Владимиру и только после этих предварительных слов начала рассказывать.

В очень давние времена кочевало в степи племя аюров. Это было мирное племя, не очень большое, небогатое, и жило оно степью и от степи. Мужчины были аратами, лучниками при вождях племени, женщины вели домашний очаг, стригли овец и делали одежду из овечьей шерсти и кожи. Племя не воевало, не посылало мужчин в походы и потому разрослось и стало народом. А когда стало народом, появились у него ханы и появились законы. И был среди них очень жестокий закон: когда умирал хан, на его похоронах убивали сто кобылиц, всех его

жен и младшую незамужнюю дочь, чтобы она верно служила ему в другой жизни.

Ханы менялись, и законы менялись, а этот кровавый закон продолжал жить. Существовал он и при Баир-хане, незаметном и ничем не славном правителе. И только после смерти хана произошло событие, которое оставило имя Баира в народной памяти и дошло до нашего времени.

Случилось невиданное — поэтому и запомнилось. Растил на старости хан единственную любимую дочь, и была она такой красоты, что солнце разгоняло тучи, чтобы поглядеть на нее, а цветы поворачивались ей вслед, когда она шла по степи. Что уж говорить о людях, о степных молодцах — наездниках, — каждый хотел бы взять ее в жены.

Но вот Баир-хан умирает. Убивают на похоронах кобылиц, жен хана. По закону надо убить его красавицу дочь. Но стражники хана, проводившие кровавую тризну, едва приблизившись к девушке, бросали мечи — не поднималась рука на человеческую, на девичью красоту.

Тогда старейшины, советники умершего Баира, стали думать, как быть. Наверно, они придумали бы смерть для ханской дочки, но тут воспротивились солнце, ветер и сама степь. Загудела вдруг, заколебалась земля, выросла посреди степи гора, раскрылась и на глазах у людей поглотила девушку.

Никто, говорит легенда, не горевал и не плакал — усмотрели в том волю плодоносящей степи. А скалу, камень, поглотивший ханскую дочь, стали считать живым и подносили ему в дар цветы и яркие лоскуты тканей — одежду для девушки.

Проходило время, проходили по степи племена и народы, было забыто место погребения Баир-хана. А легенда жила, и каждому народу хотелось, чтобы камень-памятник принадлежал ему. Так появилось много камней, которые стали считать живыми. Им поклонялись, их украшали, и постепенно это стало обычаем.

— Теперь обычай забыт,— окончила Тамала рассказ.— А тебе смешно или не смешно, я считаю камни живыми. Может, ханская дочь в одном из этих камней, среди которых мы ходим и разговариваем. Поэтому мне боязно.

— Это уж слишком...— заметил Владимир.

Но слова прозвучали неуверенно. Кажется, подобное было с ним вчера, когда отложил инструмент после того, как не вышла коленная чашечка. Бросить работу, подумал. Не бросил. Но ему, Владимиру, возле камня было не по себе.

— Поверье о живом камне есть и в нашей степи,— заговорила Тамала.— Но хватит об этом! — тут же засмеялась она.— Как по-хакасски золотой вечер? — Учила Владимира местному языку, и Владимир, к ее удовлетворению, был способным учеником.— Как будет река, звезда?..

Болтая, они вернулись домой.

О неудаче с коленной чашечкой статуи Владимир Тамале не рассказал. Почему — сам себе не ответил бы.

На следующий день Тамала уехала.

А чашечка и на втором колене, как ни старался Владимир, получилась опять не такая.

Прошелся по коридору, посмотрел на статую издали. Были намечены плечи, ноги. Голова еще в камне. И вдруг Владимир почувствовал робость: чья это голова? Нелепый вопрос. Но, возникнув, он уже не уходил: чья?..

— Тамала! — позвал Владимир — непроизвольно, имя выплыло из подсознания. Но обращено было к статуе. Владимир не мог сказать, почему — может, в смятении, которое охватило его.— Тамала!..— повторил он и тут же пришел в себя: что со мной?.. Вспомнил разговор на реке: профессор прислушивался к камню... На миг его

потянуло — прижаться, послушать. Встряхнул головой: что это я?

Поднял резец, молоток.

— Выправляю! — нагнулся к коленной чашечке, ударил сильнее.

Сколок отслоился, но не упал — шелохнулся на чем-то упругом. Владимир поддел его ногтем, как яичную скорлупу, потянул к себе. Обнажилась человеческая живая кожа.

Секунду Владимир глядел на смуглое пятнышко, перевел взгляд на голову статуи. Ему захотелось встать и уйти из галереи.

Он не ушел. Все последующие дни он удар за ударом снимал камень с чего-то непостижимого, но живого.

А когда закончил работу — оставалось только открепить ступни статуи от каменного подстава, — перед ним оказалась девушка: прекрасная, холодная, но живая.

Все в ней было прекрасным: руки, плечи, шея, одяние из упругого шелка. Веки, казалось, случайно закрытые, — теплые, вот-вот раскроются, и это больше всего поразило Владимира. Тело холодное, твердое, не чувствовалось дыхания, биения сердца, но веки — теплые, вот-вот раскроются. Может быть, у нее глубокий сон? Разбудить ее?..

— Кто ты? — спросил негромко Владимир.

В ответ — молчание.

— Отзовись!

Наверно, спрашивать было не время.

Жил Владимир здесь же, в стеклянной клетке: стол, два табурета, кровать в углу. Обедал в другой половине дома с молчаливой хозяйкой, матерью Тамалы. Других знакомств у него в поселке не было. Вересный не отлучался из городка — до затмения оставались считанные часы. Тамала приедет после затмения, ей интересно взглянуть на солнце через астрономическую трубу. В последний приезд она предлагала Владимиру ехать с ней:

«Поглядим вместе». Владимир отказался из-за работы над статуей. Тамала закоптила ему стекло и уехала. Владимиру не с кем было поговорить. Даже если бы он захотел поговорить — никто из астрономов не оторвался бы от работы, момента, которого ученые ждут годами.

Владимир был предоставлен себе.

Статуя лицом стояла к двери. Дверь Владимир не закрывал ни днем ни ночью. Четыре ступени из галереи вели в сад. Ступени были пологими, Владимир перешагивал их через одну.

Девушка спала. Камень, от которого ее освободил Владимир, не вынесен из галереи — Владимир собрал его у ног статуи в грудь. Камень надо будет исследовать. Не это, однако, заботит его сейчас. Владимир полон тревоги и ожидания. Статуя проснется. Не будет же она вечно спящей!

Но день проходит. Прошел. Село солнце.

Владимир прилег на кровать. Не спит — прислушивается. Поселок замер, смолкли собаки. Где-то поухал филин и улетел, кажется, за реку.

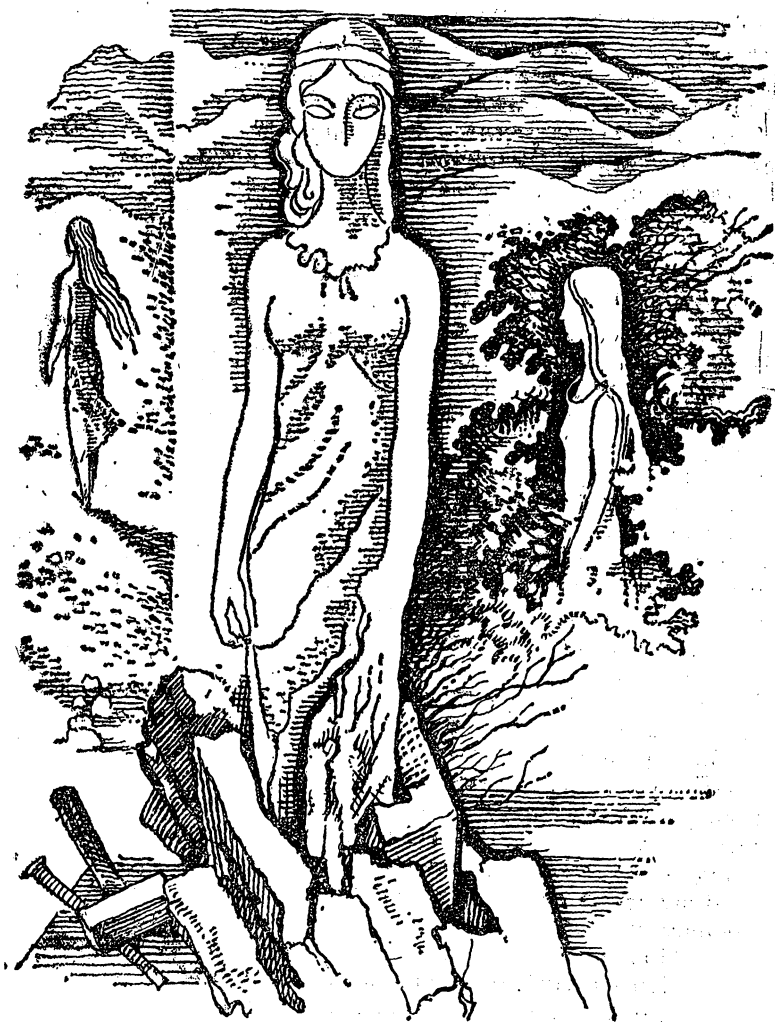
Часы на столе, но Владимир не решается подойти к ним, посмотреть время. Он ждет. Как это будет, когда статуя оживет? И что потом — завтра?..

За стеклами в саду ветер. Шумит листва. Время тянется, тянется. Подкрался сон.

Был он недолгим. Разбудил Владимира звук шагов, скрип половицы. Владимир поднял голову. Статуя шла к двери. Подошла к порогу. Четыре шага по ступенькам — и дальше она в саду. Владимир поднялся и пошел вслед.

Девушка стояла среди кустов смородины. Владимир подошел к ней.

- Почему все не так? — спросила она.
- Что не так? — отозвался Владимир.
- Нет костров. Только звезды.
- Звезды были всегда, — ответил Владимир.

— А где кочевье, стан?

— Этого уже нет,— сказал Владимир.

— Куда все делось?..

— Ушло,— ответил Владимир.— Все уходит.

Девушка повернулась к нему. Глаза ее были глубокими, темными. Владимир ничего не рассмотрел в них. Может, не понял. Потом она обернулась к степи:

— Хочу туда.

Восток посветлел. Поднялся золотой горб, и, словно вытолкнутая кем-то сильным, нетерпеливым, над горизонтом взмыла луна. Обозначились горы — далекие, смутные, как облака.

— Наши горы! — воскликнула девушка.— Но где шатры?..

Владимир молчал. Сознание его странно двоилось. Он был как во сне и в то же время разговаривал наяву. И девушка — вот она, до нее можно дотронуться рукой. Она все еще смотрит в степь, где ничего нет ей привычного. В темноте Владимир не различает ее лица — какие чувства обуревают ее? Не знает, чем ей помочь.

— Боюсь...— говорит она и, не оглядываясь, уходит в дом.

Владимир делает шаг за ней, останавливается. Тоже чувствует страх. И ту же раздвоенность: что происходит? Станный, невероятный сон?..

И почему он в саду? Владимир ощущает ветер, ночную прохладу. Ветер — это хорошо, думает он, приду в себя!.. Но разговор... Возможно ли это? Владимир подставляет разгоряченное лицо ветру. Он себя загипнотизировал. Сколько дней наедине со статуей...

Наверно, час Владимир стоит в саду, стараясь убедить себя, что ничего не было — все сон. И не решается войти в галерею. Вдруг статуя ждет его?..

Все-таки он возвращается. Статуя на месте, такая же неподвижная. Владимир облегченно вздыхает.

Проходит в свой угол, ложится.

Сон к нему не идет. Да он и не спал; сердце у него холодеет: непокорный резец, пятнышко кожи под отслоившимся камнем, только что разговор в саду... — все это было! И все бред. Та же неуверенность овладевает Владимиром. Хочется встать и бежать прочь.

В это время статуя поворачивается — какая там статуя, трясет головой Владимир, — идет к нему.

Наклоняется близко к его лицу.

— Есть степь, — говорит она, — горы. Уйдем туда.

Это она говорит ему — уйдем?.. И ждет? И надо ей отвечать?..

— Как я могу уйти? — спрашивает Владимир.

— Со мной.

Наклоняется ниже — глаза в глаза:

— Ты меня освободил — ты мой. Пойдем.

— Не пойду, — говорит Владимир.

— Не хочешь?

— У меня здесь друзья, Тамала...

— Я Тамала. Ты меня называл — Тамала!..

Владимир молчит.

— Есть другая? Ты ее любишь?..

Глаза по-прежнему глядят в его глаза, заворачивают — Владимир не в силах пошевелить рукой. Надо что-то ответить. Не заговоришь — превратишься в камень.

— Как ты... жила? — спрашивает Владимир.

Фраза нелепая, косноязычная. Девушка может не понять. Но она понимает.

— Я спала. В долгом сне...

Голос шелестит над Владимиром, как шорох травы там, в долине, где стоял камень. «Увидеть тайну!..» Было солнце и небо. И звонкий девичий смех. А тайна здесь — шепчет немыслимые слова:

— Ты освободил меня, ты мой. Пойдем.

Владимир не пойдет, не пойдет!

— Не хочешь?

— Нет.

Девушка отворачивается, уходит. Опять она статуя. На том же подставе.

«Бред, бред...» — звучит в голове у Владимира. Может быть, он устал? Может, на него повлияла легенда, раесказанная Тамалой? Так она вот — Тамала, только что говорила ему: «Пойдем». Невероятно, не может быть!

Мысли путаются в голове у Владимира.

Пробуждается он внезапно, и первый взгляд его — на небо, на солнце. Схватив закопченное стекло, мимо статуи — ночные сны — наваждение — Владимир выбежал в сад.

Все проходило так, как должно быть. Тень надвинулась на солнце, сначала отщипнув краешек диска. Потом, осмелев, заняла половину. Замолкли птицы, скот повернул с пастбищ в поселок — и вот уж вокруг сумрачно, вечер. Владимир вертел перед глазами стекло, увлеченный зрелищем. Тамала теперь смотрит в трубу, жалеет, что Владимира нет рядом.

И он жалеет. Надо было уехать с ней, не отходить от нее. Не было бы — Владимир ежится — ночного бреда.

Солнце скрылось все. Владимир опустил стеклышко.

— Прощай, — услышал он вдруг за спиной. — Не оборачивайся.

В небе и на земле стояла ночь.

— Прощай. Ты мне чужой.

За спиной прозвучали шаги — удаляясь.

Вокруг было темно.

— Тамала! — Обернулся Владимир.

Никто ему не ответил.

Яркий луч ударил в глаза. Начиналось второе утро. Зашевелились птицы. Владимир бросил стекло, кинулся в галерею. Здесь было пусто. Резцы, молотки лежали,

как Владимир оставил их вчера днем. Статуи не было.

Выбежал за порог, на дорожку. Калитка была открыта. Степь — как распахнутые ворота. Человек в ней — былинка. Где ты? — Владимир оглядывал горизонт, холмы. Может, тебя унес ветер, может, ты за холмами? Тамала...

Владимир вернулся в галерею. Сел на табурет. Попытался взять себя в руки, рассуждать здраво. Он освободил девушку от тысячелетнего сна. Она в степи — в родной степи, полной цветов и солнца. И еще в степи люди — араты, охотники. И шатры: сколько людей выехало на покосы. Она встретит своих.

А может, не надо быть рассудительным?

— Тамала!.. — говорит вслух Владимир. И не может понять, кого он зовет: студентку или ту, которая была здесь и ушла.

— Тамала!

В мастерской пусто.

Пусто вокруг.

КРАТКИЙ ВИЗИТ

Сторож Муханов заснул на дежурстве. А когда проснулся, его одолели угрызения совести: не мальчик, в сторожах ходит не первый год... Оглядел ток, гору зерна. Никаких нарушений не было. Но совесть продолжала мучить Муханова: признаться бригадиру или не признаваться? Решил не признаваться. А все-таки...

На этом «все-таки» Муханов застыл в оцепенении: через площадку тока, шурша и перебирая корнями по утрамбованной почве, двигался куст. Обыкновенный куст: с листьями, с ветками — ветки на ходу покачивались и шелестели. Корневища цеплялись, нет, опирались о почву, часть из них, словно их поддувало ветром, вытягивалась вперед, опускалась на землю, часть подтягивалась, застывала на месте, и таким образом куст двигался довольно быстро: Муханов не успел разобраться, что это за чудо — куст пересек площадку и зашагал по полю.

Муханов не подумал, что это сон. Не подумал, что куст привиделся ему сгоряча, нервы у Муханова были спокойными. Но что куст живой — это пришло в голову Муханову прежде всего, — настолько поразило сторожа, что он только мог глядеть на куст и глядел, пока тот пересекал поле и чуть позже, спустившись в ложок, исчез. Точным крестьянским взглядом Муханов приметил все: цвет куста — зеленый, рост — метр с небольшим,

быстроту передвижения — поднажав, куст можно было догнать крупным шагом.

Так было отмечено первое появление дриоканесов. Название мудреное, латинское, данное позже учеными. «Дрио» обозначает «дерево», «канес» — «собаки». Все вместе переводится: Деревья из созвездия Гончих Псов.

Придя в себя, Муханов решил и об этом не рассказывать бригадиру. Уж если скрыть, что заснул на посту, то рассказывать о движущемся кусте — нелепо: бригадир не поверит. Впоследствии Муханов пожалеет об этом. Потом очень остро встанет вопрос, кто первый увидел на Земле дриоканесов. А так как Муханов вовремя не признался, то он лишится приоритета.

Утро только что началось. На востоке таяли разрозненные облака — арьергард тучи, висевшей над землей с вечера. Муханов еще беспокоился: пойдет дождь, а зерно на току не прикрыто. Но дождь не случился. За ночь тучу развеяло, и солнце проглянуло сквозь ажурную пену тающих облаков.

Но не это занимало Муханова. Куст не выходил у него из головы. Может, пройти полем, спуститься в ложок? В ложок, пожалуй, он не пойдет, а вот посмотрим, не осталось ли следа. След был: царапины на голой повлажневшей за ночь площадке тока и дальше — полоса в росистой траве. «Вот так факт!» — мысленно воскликнул Муханов. В душе он уже стал надеяться, что куста не было — так, спросонья, — но след был, и это опять повергло сторожа в смятение.

Между тем ток стал оживляться. Пришли колхозницы Дарья Пичикова с дочерью Нюсей — с ними дворовая собака. Пришел моторист Костя. Загомонили. Подросла Мария Вечерникова — с ней тоже собака. Собаки тотчас начали возню. Со стороны села шли на работу еще колхозники. Муханову можно было бы уходить домой. Но Муханов не уходил. Не то чтобы ждал бригадира — встречаться с бригадиром он не хотел: еще пробол-

таешься невпопад. Муханова одолевало беспокойство, он ждал событий.

И события начались...

Костя наладил мотор, подключил к веялкам. Нюся с ведром забралась на кучу зерна. Другие, подошедшие позже, тоже приступили к работе, как вдруг Нюся сверху воскликнула:

— Глядите, чой-то такое?..

Костя поднял голову от мотора, колхозницы обернулись в сторону, куда показывала рукой Нюся. Муханов обернулся туда же.

Со стороны лога, по направлению к току, шагали два приземистых крепких куста. Очевидно, они спешили на шум мотора, на ток, потому что двигались, отметил Муханов, быстрее, чем куст, который он видел раньше.

— Ой! — воскликнула Нюся и, бросив ведро, съехала по склону кучи на землю.

Собаки, верные друзья человека, увидя в поле движущиеся предметы, бросились наперехват. Собаки ведь глупые — бросаются на автомобили, на мотоциклы. Но никогда не было, чтобы они бросались на кусты. В то же время и не было такого, чтобы кусты двигались. Наверно, собаки это почувствовали, потому что атака, начатая ими рьяно и энергично, стала захлебываться по мере того, как они приближались к кустам: уши и хвосты у них удивленно сникли, в голосах пропала бравада. Не добежав до кустов, они сначала попятились, а потом сконфуженно вернулись на ток.

Люди на току реагировали на появление движущихся кустов по-разному. Нюся продолжала говорить: «Чой-то такое? Чой-то такое?» Костя, отдавая дань необычному, выключил мотор и смотрел на приближающиеся кусты, опустив руки. Муханов твердил про себя: «Вот видишь, вот видишь...» Остальные побросали лопаты в пшеницу, стояли молча.

Кусты пересекли поле, ступили на ток. Подошли к мотору. Костя, стоявший на их пути, отстранился. Пустили

мотор — как иначе, если мотор заработал? Послушали с минуту и выключили. Потоптались на месте. Муханов на этот раз обратил внимание на их корни-ноги: жёсткие, ороговевшие, с когтями, как птичьи лапы, очевидно, чтобы зарываться в землю. «Вот как,— подумал про себя сторож,— зарываться, чтобы высасывать из почвы питательные вещества, даровой корм...» Кусты между тем пошли по направлению к селу.

— Вот так факт! — сказал Костя, не ведая, что эти слова пришли час тому назад в голову сторожу.

— Я уже видел... — сказал вслед удалявшимся кустам Муханов.

— Что видел? — спросил Костя.

— Нынче утром такой же.

— Ври,— возразил Костя.— Первой увидела Нюська.

Нюся, теребившая косынку, кивнула головой утвердительно.

— Нет! — спохватился вдруг Костя.— Что это значит? Они включили и выключили мотор! Кто они такие, чтобы трогать мотор?

— Рассказывают,— отозвалась Мария Вечерникова,— про домовых...

— Бабкины сказки! — возразил Костя.— Но мотор! Все видели, как они включали и выключали мотор?..

Подъехал бригадир Зорин — не от села, а от другого тока.

— В чем дело? — спросил он, не слезая с коня.— Почему нет работы?

— Кусты! — заговорили наперебой люди.

— Пришли и ушли.

— Остановили мотор!..

— Стойте! — крикнул бригадир.— Какие кусты?

— Шагающие кусты,— уточнил Костя.

Бригадир у него спросил:

— Очумел? Все очумели?..

Однако события разворачивались уже в селе.

Богдановка — небольшое село, триста с лишним дво-

ров: две улицы, площадь, клуб. Никто не думал, что оно станет объектом нашествия дриоканесов. Однако в это сентябрьское утро ему положено было войти в историю. Впоследствии будет рассмотрена каждая минута шести удивительных суток из его жизни. Не окажется жителя, с которым не побеседуют члены комиссий, симпозиумов и просто любопытные, нахлынувшие — как бывает в подобных случаях (вспомним тунгусское диво) — в пустой след.

Кусты, войдя в деревню, задержались возле первой избы. Прошли во двор — калитка перед ними распахнулась сама. Поднялись на крыльцо, вошли в избу — дверь на крыльцо была открыта, в доме завтракали. Кусты остановились у порога. За столом семья Пузырьковых — муж, жена и две ученицы-дочки побросали ложки, обернулись к пришельцам.

— Что это такое? — спросила хозяйка, Антонина Борисовна.

— Любопытно, — ответил муж. — Ряженные?

Кусты подошли к столу, заглянули в тарелки.

Пузырьков был мужчина не без юмора и потому сказал:

— Хотите — садитесь. — На лавке было место еще человек для трех.

Антонина Борисовна юмором не обладала, встревоженно обернулась к мужу:

— Петя...

— Однако... — сказал Пузырьков, поняв, что места для юмора здесь нет. Перед ним не ряженные соседи — кусты.

— Петя!.. — еще раз повторила Антонина Борисовна.

Кусты отошли от стола, походя заглянули в горницу и направились к выходу.

Пузырьковы бросили завтракать, вышли за ними вслед.

Дриоканесы были в соседнем дворе, у Глазкиных. Там они повторили все, что делали у Пузырьковых.

Вошли в дом, осмотрели стол — Глазкины позавтракали, ушли на работу, дома была старуха, мыла тарелки; старуха перепугалась, села на скамейку да и не встала. Гости заглянули в горницу, в чулан, ничего не тронув, вышли из двора и перешли улицу.

Бригадир, прискакавший с тока, застал их в четвертом дворе, у своего шурина Кононенко. Кусты тщательно осматривали деревянный сарай, пересчитывали, кажется, бревна, из которых он сложен. Особое их внимание привлек осиновый хлыст, привезенный на дрова, — хлыст был ободраный: кора клочьями свисала с него, ветви обломаны. Дриоканесы волновались возле него, шелестели листвой. Еще больше они разволновались у поленицы, стоявшей тут же, возле забора. Пузырьковы, двое-трое прохожих и бригадир, спешившийся с коня, ясно слышали поскрипывание и щебет. То ли ветки терлись одна о другую, может быть, листья — но это не был шелест, каким дриоканесы обменивались до сих пор. Это был щебет.

Весть о странных событиях распространилась по селу. Но весть никого не встревожила. Во-первых, люди не знали, что это пришельцы. Во-вторых, никто не представлял себе пришельцев в виде кустов. Будь это космонавты в скафандрах, будь чудовища — пусть даже разумные, — это вызвало бы переполох. Но кусты... Ничего, кроме удивления, люди не чувствовали. Даже собаки восприняли незнакомцев мирно.

Бригадир — единственная власть на селе, — понаблюдав за дриоканесами во дворе Кононенко, вспомнил, однако, что они включили и выключили мотор на току, — да и вообще бригадир раньше всех осознал необычное — принял единственное в этот день решение (как увидим, оставшееся без последствий): он позвонил в сельхозуправление, в районный центр.

Принял его звонок бухгалтер — начальник на работу еще не пришел: учреждения в районе работали с девяти утра.

— Шагающие кусты? — переспросил бухгалтер.

— Да! — прокричал бригадир в трубку: слышимость была неважная.

— А ты уверен? — последовал вопрос.

— Сам видел.

Некоторое время бухгалтер молчал, видимо, осмысливая услышанное. Осмыслил, сказал:

— Чертовщина какая-то.

— Передайте Анатолию Григорьевичу, — попросил бригадир.

— Передам, — пообещал бухгалтер.

На этом разговор окончился.

Когда минут через двадцать пришел Анатолий Григорьевич, начальник районного управления, и бухгалтер передал ему слово в слово разговор с бригадиром, Анатолий Григорьевич ответил:

— С похмелья. Кажется черт-те что.

— Зорин не пьет, — возразил бухгалтер, хорошо знавший бригадира из Богдановки.

— Тем хуже, — ответил начальник сельхозуправления. — Хлебнул первый раз — у него и замельтешило перед глазами.

Бухгалтер хмыкнул, и больше он и Анатолий Григорьевич к этому разговору не возвращались.

В Богдановке события развивались своим путем. Пришельцы обследовали местную пилораму, и это сопровождалось эксцессами. Пилорама потрясла дриоканесов: в громком щебете они метались от одного бревна к другому, от бревен к готовым доскам. Дважды выключали мотор, пытаясь прекратить работу по распиловке леса. Когда рамщик включил агрегат в третий раз, кусты, не прекращая щебета, поспешно ушли с территории пилорамы и той же дорогой — через ток, через поле — спустились в ложбину.

В селе начались догадки. Кто эти кусты? Что означает их поведение? Откуда они взялись?..

Ясность, а может, наоборот, сумятицу внес лесничий

Федотов. Прошлую ночь он провел в лесу, задержавшись на расчистке просеки.

— За полночь,— рассказывал Федотов,— небо раскололось молнией... и загремел гром. Не успел я подумать, что на дворе сентябрь, а не июнь, гроза вроде бы несвоевременная, как земля под ногами вздрогнула. Метеорит, должно быть! Может, кусты прилетели на метеорите?

— Сказал тоже,— возразили ему.— Тогда уж на корабле!..

Муханов, находившийся в толпе спорщиков, подумал: «Однако же я всхрипнул. Пропустил гром и молнию!..»

На следующий день в воздухе было замечено несколько летающих предметов наподобие челноков.

А наутро третьего дня в лесу был найден корабль пришельцев.

Нашел его неутомимый Федотов с племянником Митей, аспирантом Новосибирского университета.

Лесничему не давали покоя блеснувший метеорит и дрогнувшая под ногами земля. Размышляя об этом, Федотов вспомнил о племяннике, отдыхавшем у брата в Подолихе — в четырнадцати километрах от Богдановки. Федотов оседлал коня и поехал в Подолиху. Оттуда они прикатили вместе на Митином «Москвиче».

— В путь! — торопил Митя лесничего.

— Утром,— отсоветовал Федотов-старший.— Виднее будет. Куда сейчас — ночь.

Едва заалел восток, оба Федотова спустились в овраг. Тут они сделали открытие — тропинку, бегущую к лесу. Тропинка была необычная, вытоптанная не ногами, а продолговатыми треугольничками, вдавленными в сырую почву. Федотовы пошли тропинкой, решив, что здесь проходила машина, а треугольнички — след от протекторов. Через камни, поваленные деревья треугольнички словно бы перескакивали, отпечатков не оставляли. Машина была необычная.

На корабль Федотовы наткнулись через два часа

хода. Диск — сначала показалось обоим. Потом, когда, прячась за деревьями, обошли вокруг корабля, рассмотрели, что это не диск, а скорее капля ртути, слегка сдавленная сверху, отчего ее края приподнялись, а в середине образовалась впадина. По бокам корабля двойным пунктиром темнели иллюминаторы. «Два этажа...» — решили Федотовы. На правой стороне был открытый люк. Возле него стоял часовой — куст.

Осмотрев все это внимательно, Федотовы залегли в бурьяне, любопытствуя, не произойдет ли чего-нибудь. Ждать им пришлось недолго. В кормовой части открылась дверь, вылез металлический многоног — машина наподобие «пикапа», с открытым верхом, только длиннее, а вместо колес — ноги. В машине сидели три или четыре куста. Многоног, сверкая металлическими ступнями, пересек поляну и скрылся в лесу, в направлении, обратном тому, откуда пришли Федотовы. Провожая его глазами, лесничий и Митя поднялись во весь рост и тем выдали себя: сторожевой куст заметил их, повернулся в их сторону. Не прячась, Федотовы пошли к кораблю: Митя впереди, лесничий — за ним.

Куст пошевелил ветками. Тотчас из люка вышли еще два куста, остановились рядом с первым.

Откровенно сказать, старший Федотов, приотставший от племянника, не без опаски подумывал: не лучше ли уйти — от греха? Совсем другое настроение было у Мити. Подойдя к кустам на расстояние двух метров, он спросил:

— Откуда вы?

Кусты пошелестели листочками.

— У вас нет звуковой речи? — спросил Митя.

В ответ — молчание.

— Как же вы разговариваете? — продолжал спрашивать Митя. — При помощи радиоволн?

Кусты молчали.

— Нелегко будет с вами, — вздохнул Митя. — Корабль осмотреть можно?

Кусты опять промолчали, а Митя с лесничим двинулись вокруг корабля, приглядываясь к нему вплотную. Как определить его форму? Сплюснутая капля? Линза?.. Все это было. И все не определяло полностью форму. Похоже на зерно злака, пришел к выводу Митя. Растения, они и корабль построили в виде зерна. Федотовы любовались изяществом линий и чистотой отделки: ни шва, ни заклепки не было на всей громаде.

Разговор наладить не удалось. Кусты шелестели листьями, чуть шумели, как от прикосновения ветра. Может быть, отвечали, может быть, понимали. Люди не поняли ничего.

— Мы еще вернемся,— пообещал Митя.

На обратном пути племянник вогнал в пот пожилого лесничего.

— Быстрее! — торопил он.

— Митя... — задыхался Федотов-старший.

— Никаких разговоров!

Оставив лесничего на току, Митя бегом ринулся в отделение связи.

Многоног, только что ушедший от корабля, появился на животноводческой ферме. Двое кустов вышли из него, третий остался в машине — точь-в-точь шофер. Пришельцы обошли ферму, тщательно осмотрели кормушки, деревянную изгородь — в сепараторное отделение не заглянули. Два раза обошли кругом двуколку заведующего фермой — на лошадь, как и на сепараторное отделение, не обратили внимания, — взгромоздились на многоног и уехали. Инспектора, да и только: пришли, осмотрели и отбыли...

В это же время над лесоразработками и над леспромом кружил челнок, высматривая, что делается внизу. Покружил и ушел в сторону леса.

И в это же время в райцентре начальник сельхозуправления Анатолий Григорьевич вызвал к себе в кабинет бухгалтера.

— Слухи о ходячих кустах подтверждаются,— сказал он.

— Я же вам говорил,— ответил бухгалтер.

— Говорил...— Начальник указал бухгалтеру на стул.— Надо думать, что предпринять.

Они стали думать: доложить о кустах по начальству выше или потребовать от бригадира Зорина докладную.

— Слухи — это слова,— рассуждал Анатолий Григорьевич.

— Правильно,— в тон ему отвечал бухгалтер.— Слова к делу не пришьешь. Документ нужен.

В Богдановке между тем происходило совсем другое. Митя, как ветер, ворвался в отделение связи.

— Прямой до Новосибирска! — крикнул он начальнице отделения Марии Гладких.— Академгородок!

Вызвать Новосибирск было не просто, но объединенным натиском Марии и Мити через час это удалось сделать. Дали Новосибирск. Дали Академгородок — профессора Тугаева Емельяна Сергеевича, Митиного шефа по научной работе.

— Емельян Сергеевич, инопланетчики! — было первым криком Дмитрия в телефонную трубку.

Емельян Сергеевич не понял, о чем речь и кто говорит.

— Я говорю, Федотов! Пришельцы, понимаете,— из космоса! — От волнения Митя терял связность речи.— Какой корабль, Емельян Сергеевич! Техника!

После нескольких минут восклицаний и переспрашиваний со стороны Академгородка разговор наконец выравнился. Емельян Сергеевич уразумел, о чем речь, но, видимо, сомневался.

— Дмитрий,— спрашивал Емельян Сергеевич,— ты меня мистифицируешь?

— Голову наотрез! — уверял Митя.

— Понимаешь...— продолжал тянуть профессор.— В случае розыгрыша... Конфуз получится, Митя.

— Емельян Сергеевич! — торжественно клялся Дмит-

рий. — Душой и телом! Впервые в истории человечества!..

— Ладно, — сдался профессор. — Что нужно?

Нужно было многое, и Дмитрий начал перечислять по списку, который сделал, пока Мария билась над установлением связи. Главным в списке было электронное оборудование и лингвист — портативный вариант ЭВМ, расшифровавший язык майя и сейчас успешно расшифровывавший ронго-ронго с острова Пасхи. Емельян Сергеевич вздыхал на другом конце провода, но с Дмитрием соглашался.

— Только быстрее, — настаивал Митя. — Без промедления!

Кончался третий день нашествия дриоканесов. Они все так же рыскали по округе — молча и ничего не предпринимая.

Оборудование профессор Тугаев привез к концу пятого дня. Но было поздно. Пришельцы готовились к отлету.

Когда ученые с лингвистом, с кинокамерами и множеством других приборов появились на поляне у корабля, пришельцы кончали профилактику последнему многоногу — плазменной струей смывали с него пылинки, земных микробов.

На поляне было восемь движущихся кустов — может быть, весь экипаж корабля.

Увидя землян — впереди всех шел Митя с поднятыми вверх руками в знак того, что он безоружен и люди пришли с дружескими намерениями, — четверо кустов двинулись им навстречу. Остальные продолжали заниматься дезинфекцией многонога. Встреча состоялась на полпути между опушкой леса и кораблем.

Ни электроники, ни лингвиста не понадобилось. На первых порах сыграл роль переводчика обыкновенный транзистор «Мрія», захваченный кем-то с другими вещами в спешке без всякой цели. Транзистор вдруг заговорил в полный голос:

— Зачем вы пришли?

Спрашивали, несомненно, кусты. Кто же из землян будет спрашивать, зачем сюда приехали и пришли.

Ответил профессор Тугаев:

— Установить контакт.

— Мы не хотим иметь с вами дела,— сказали кусты.

— Почему? — спросили земляне.

— Получите наши обвинения — узнаете почему.

— Какие обвинения? — спросил Емельян Сергеевич.

— У нас все основания считать вас варварами,— последовал ответ.

Земляне смешались и спросили опять:

— Почему?

— Получите обвинения — узнаете.

— Вы хоть скажите, откуда вы?

— И это узнаете.

— Как вы сделали такой великолепный корабль? — спросили земляне — не в плане лести, в надежде, что разговор будет продолжен.

— Это вы тоже узнаете.

Четверо на заднем плане окончили работу над многогоном, дали ему команду, и он зашагал в квадратный открытый люк, который тотчас закрылся. Со стороны землян стрекотало несколько кинокамер. За их шумом никто не заметил, как, включившись, ЭВМ стала наматывать на пустую бобину ленту магнитозаписи.

— Как только остановится лента, отойдите подальше,— предупредили кусты.— Будем производить взлет.

Четверо, ведших переговоры, пошли назад, к кораблю. Те, что были у корабля, скрылись в выходном люке. Скрылись и эти четверо. Люк захлопнулся.

ЭВМ продолжала сматывать ленту с записью. Так прошло еще шесть минут. Когда лента остановилась, Емельян Сергеевич снял ее, спрятал в футляр и распорядился очистить поляну. Все потянулись в лес, унося с собой приборы и кинокамеры. Кто-то на ходу щелкал затворами аппаратов.

Закрылись иллюминаторы — исчезли, словно их не

было. Через минуту под глухой гром корабль поднялся над лесом, блеснул пламенем и исчез.

Осталась, как драгоценность, лента с магнитной записью. Со всеми предосторожностями ее вынесли из леса и в тот же вечер прослушали.

Странное это было прослушивание. В комнатухе за бригадирским столом полтора десятка ученых склонились над лентой записи, вставленной Емельяном Сергеевичем в аппарат. Дергались от нетерпения руки, от ожидания блестели глаза. Все это в тишине, в зачарованности, в благоговении, наконец, даже в страхе. Что узнают земляне? Прервалось дыхание, исчезла комната. Легкое шуршание ленты громом отдавалось в ушах.

— Мы нанесли краткий визит вашей планете,— раздалось из динамика,— и считаем ее варварской, достойной презрения. Мы ищем во Вселенной своих братьев — деревья, и мы нашли их. Но мы нашли на планете еще и людей, жестокую расу, и слова о варварстве и презрении всецело относятся к людям и их так называемой «цивилизации». Люди поработили деревья, превратили их в ничто, в подсобный материал для своих грубых, порой ненужных поделок. Деревья имеют форму, имеют душу, свою жизнь и судьбу. То, что производят над ними люди,— надругательство, геноцид. Мы обвиняем людей в преступлениях, направленных против наших братьев-деревьев.

— Ох!..— кто-то из ученых схватился за голову.

— Вот некоторые из пунктов обвинения,— звучало с ленты,— полный перечень мы представим Правящему Совету нашей планеты.

Вы истребляете леса. Истребляете рощи, кустарники. Какое лицемерие называть при этом дерево «зеленым другом»! Не было бы деревьев на земном шаре.— не было бы кислорода в атмосфере, не было бы жизни и вас, людей.

А между тем этого «зеленого друга» вы распиливаете железом на тонкие пластины-доски, устилаете ими по-

лы жилищ и топчете их ногами. Как вам не стыдно!..

Маленькая пауза, наполненная презрением. Не смеяться хотелось — мороз ходил по спинам ученых.

— Губите деревья на так называемые «дрова», — снова зазвучало из магнитофона, — сжигаете их для получения тепла — варварство самое большое и неоправданное, как будто мало вам солнца, магнитной, геотермической энергии или атмосферного электричества.

Безжалостно стряхиваете с деревьев плоды, а если где остаются — сбиваете их палками и камнями, ломаете ветки. Не замечено, правда, чтобы деревья шли непосредственно в пищу.

— Ох!..

— Но это, по крайней мере, было бы оправдано, объяснялось бы естественной потребностью — голодом. Зато сколько деревьев идет на предметы домашнего обихода — столы, стулья, шкафы. Изгороди делаются из деревьев — что может быть нелепее? Кое-где мы видели деревянные крыши — это ли не признак технической отсталости, тем более контрастной, что у людей имеется радио, телевидение?..

После этого вы называете себя друзьями деревьев!.. Наверно, хотели бы назваться нашими друзьями. Ни один пожар, ураган не делает столько вреда лесам, рощам, как человек. Вот уж подлинно: избавьте нас от таких друзей!..

Кто-то горько засмеялся и тут же притих. Остальную часть ленты прослушали в молчании.

— С укором мы отзываемся о наших сородичах, земных деревьях. Они ленивы, неподвижны, они непротивленцы. Зависит это от местных условий, от почвы, которая на Земле повсюду благодатна и плодородна. Ее не приходится искать, создавать искусственно — семена произрастают везде. Деревья не выработали в себе стойкости, стремления к борьбе и сопротивлению.

Этим и воспользовалась раса людей: огнем и железом истребляет подлинного хозяина планеты — расти-

тельность. Между тем не такая уж могучая и сильная эта раса. Как она делает, например, машины? Роятся шахты, добывается руда, плавится в печах, выделяя металл. Из металла выливают детали, обтачивают, обстругивают их на станках и только после этого собирают из деталей машину. Длинный, нелепый путь! Машины можно выращивать в земле, в рудоносных горах, так же, как выращиваются природой кристаллы и друзы. Нужна только киберпрограмма и направленная энергия — даровая, потому что ее дает планета. Так был построен и наш корабль.

Мы рассказали земным деревьям об ужасном положении, в котором они находятся. Об этом мы доложим нашему Правящему Совету. А уж Совет найдет способ, как помочь братьям.

Экспедиция с Веты, из созвездия Ри
(по-земному — Гончих Псов).

Отзвучали слова, лента пошла пустая.

— Слышали? — спросил Емельян Сергеевич.

Слышали. В первые секунды ни у кого не нашлось, что сказать.

Емельян Сергеевич закрыл магнитофон и сказал громко, но так, чтобы расслышали все:

— Это наводит на некоторые мысли...

Впоследствии он изложит мысли на симпозиуме в Академическом городке. А пока за окнами укладывалась спать Богдановка, не предполагая, что ее ждет в ближайшие дни.

Ждало ее столпотворение.

По пятам новосибирских ученых ринулись московские, ленинградские, киевские, ринулись журналисты и любопытные. Начались дотошные опросы сельчан о пришельцах — кто их видел, где видел, как. Бедному Косте не давали прохода: «Запустили мотор?» — «Запустили». — «А потом остановили?» — «Остановили». — «Как же — как?..» — «Так, — отвечал Костя, — запустили — остановили». Журналисты лихорадочно строчили в блокно-

тах. Кидались ловить других очевидцев. Нашествие любопытных принесло богдановцам больше переполоха, чем шагающие кусты: хоть беги из села.

Именно в это время появилось словечко «дриоканесы» — очень непривычное для богдановцев. Шагающие кусты, пришельцы — куда ни шло, но мудреное слово не приживалось. Зато с легкой руки журналистов вошло в науку.

Журналистами был поднят вопрос о приоритете — кто первым увидел дриоканеса. Первых почему-то нашлось очень много: Пузырьковы, колхозница Нюся, сторож Муханов, охотник из соседней деревни. Но пунктуальные журналисты все-таки выискали из первых первейшего — Нюсю Пичикову. Ее портреты появились в газетах, в журналах. Нюська заважничала, научилась принимать позы и улыбаться фотоаппаратам. «Телка!» — ругал ее втуне сторож Муханов. Ему было досадно, что он проспал тогда гром и молнию, скрыл, что увидел шагающий куст. И вот — Нюскины портреты во всех газетах... «Да разве в портретах дело? — ворчал Муханов. — Не в портретах ведь дело, а в том, кто первый увидел этих... как их...» Увидел-то все-таки он, Муханов!

Через месяц в Академгородке выступил с докладом профессор Емельян Сергеевич.

Зал был переполнен: отечественные ученые, зарубежные, представители прессы, радио, телевидения. Событие несколько отодвинулось, снимки кустов рассмотрены до дыр, магнитная запись изучена до последнего звука. Аудитория наэлектризована. Одни жалеют о неудавшейся встрече, о блеснувшей, но не давшей в руки технике. Есть немало скептиков, иронически настроенных журналистов: да был ли мальчик? Может, ничего не было?.. Снимки можно подделать, запись на русском языке — ее мог наговорить бригадир Зорин...

Но слушают профессора внимательно.

— Мы ждали пришельцев, ждали контакта с ними, — говорит Емельян Сергеевич. — И вот контакт был. Несом-

стоявшийся контакт — все теперь это видят и понимают. Ждали друзей к себе, а они пришли не к нам. Да еще оставили человечеству обвинение. Казалось бы, из-за чего разлад? Из-за деревьев? Нет, причина здесь глубже. Она в том, что мы — разные. И наши миры — разные.

Обвинение нас шокирует. Но давайте поймем пришельцев. Опустимся на планету, где людей — разумных в какой-то степени, чувствующих, таких вот, как мы в зале,— выращивают ради кожи, костей, волос, а потом умерщвляют и используют на поделки различного обихода. Разве не отшатнулись бы мы от такой планеты с гневом и с отвращением?

Шум в зале, голоса протеста. Емельян Сергеевич продолжал:

— Такую вот планету встретили люди-деревья. Реакция их естественна и понятна: не захотели иметь с нами дела.

Опять в зале шум, движение.

— Очевидно, эволюция на планете из созвездия Гончих Псов,— Емельян Сергеевич не обращал внимания на движение в зале,— шла путем, отличным от нашего. Из того, что оставили нам пришельцы, мы мало знаем об их планете. Но косвенно картину их обитания можем восстановить. Наверно, у них мало почвы, пригодной для произрастания деревьев. И наверно, почва разбросана небольшими клочками, может быть, по ложбинам, оврагам. В поисках ее растения научились передвигаться,— к этому их толкнула своеобразная эволюция. Можно предположить, что на планете свирепствуют ветры,— потому что форма куста наиболее приспособлена к борьбе с воздушной стихией. Мы не видели деревьев среди пришельцев, хотя не исключено, что на их планете есть и деревья. Кусты обладают разумом, и это неудивительно. У нас на Земле животные, птицы и обитатели водной среды тоже обладают зачатками разума. Очевидно, дриоканесы, разрешите мне употребить это слово, развили

в себе мыслительные способности и стали цивилизованной расой. Больше: обогнали нашу цивилизацию. Они знают горное дело, металлургию, станкостроение. И здесь они пошли другими, принципиально отличными от наших путями. Вспомните иронию, с которой они описывают наш процесс машиностроения!..

Слушатели в зале сидели накупившись.

— Тут мы могли бы,— говорил Емельян Сергеевич,— многому поучиться у дриоканесов. Как они построили свой корабль!.. Можно глубоко сожалеть о неудавшемся контакте. Но что поделаешь? — с горечью воскликнул Емельян Сергеевич.— Миры могут быть различными: противоположными друг другу, несовместимыми. Мы ничего не знаем о других населенных планетах, а потому отношение к себе со стороны пришельцев должны принять как должное!

— Схватили?..— иронически спросил кто-то в зале.

— Отказаться от употребления древесины? — продолжал Емельян Сергеевич.— Может быть, когда-нибудь и откажемся. Но тогда и наш мир станет другим...

Емельян Сергеевич сделал паузу и в заключение обронил несколько фраз, полных тревоги и опасений:

— Хочу обратить внимание на укор, сделанный пришельцами нашим деревьям, о том, что они не выработали в себе стойкости, стремления к борьбе и сопротивлению. А также на слова, что Совет планеты найдет способ помочь братьям — нашим земным деревьям. Не угроза ли это нам, человечеству?..

Тишина была ответом на вопрос Емельяна Сергеевича.

— Мне кажется,— предостерегающе закончил докладчик,— это не пустые слова. Над ними стоит подумать.

В самом деле, подумаем?

ГОД, КОТОРЫЙ НЕ ПРИШЕЛ К ЛЮДЯМ

Я не хотел рассказывать эту историю. Но я стар, мне недолго тянуть, и, кроме меня, никто не расскажет людям, как от них ушел год. Вернее, не пришел к ним — сгорел, подобно метеориту, не коснувшемуся земли.

Никто этого не заметил, кроме атомных часов — эталона. Они отметили после тысяча девятьсот девяносто пятого года тысяча девятьсот девяносто седьмой. Но комиссия, следившая по часам за ходом времени, посчитала, что механизм испортился, и заменила часы новыми. Факт этот не был даже опубликован...

Ничего не случилось особенного. В суете новогодних празднеств и карнавалов, в комнатах, полуосвещенных телеэкранами, у мартенов и на пограничных постах миг, когда старый год сменился новым, прошел почти незамеченным: кто-то затяжнее зевнул, у кого-то слишком долго опускались ресницы — и пусть себе. Правда, в этот миг скончался президент АБИ — Ассоциации биологических исследований.

Но ведь каждую секунду на планете умирает несколько человек...

Никто ничего не заметил, и очень трудно убедить теперь — да и тогда убедить было бы нелегко, что произошло событие фантастическое.

Я работал на метеоспутнике, следил за «Стеллой» — тайфуном дают милые женские имена. «Стелла» зародилась к югу от Алеутов, двигалась на Курилы. Какое-то время я шел над ней, передавал данные о направлении, скорости. Поглядывал на часы — тоже готовился встретить праздник. «Алло!» — проверил каналы связи: меня должны были поздравить. За работой — и за часами — проглядел неисправность: вышла из строя система подогрева кабины и спутника в целом. Температуру почувствовал кожей, и когда взглянул на термометры — столбики показывали пятьдесят градусов. Пока возился — безуспешно, — пытаюсь устранить неисправность, температура поднялась до шестидесяти. «Как в Каракумах!» — сообщил на базу. Оттуда последовали советы, что и как делать. Сделал — не помогло. Ртутные столбики браво росли, и тогда мне дали команду: «Катапультируйся!»

Меня вышвырнуло в тот момент, когда спутник взорвался. Обломком повредило на скафандре спусковые ракеты — включило искру. Ракеты рванули свечой, и, когда горючее выгорело, я пошел вниз как камень. «Конец. Вот и конец...» Две-три минуты, и из меня будет — чирк! — светлая полоса. Кто-то среди ротозеев внизу воскликнет: «Метеорит! Как красиво!» Это я... метеорит.

Но кончилось по-другому — иначе я не излагал бы этот рассказ.

Внизу появилось крыло-треугольник — из тех, что в конце века заменили фюзеляжные самолеты. Появилось внезапно, из ничего, — любой спутник, лабораторию я заметил бы издали. Крыло меня озадачило не только внезапным появлением. Я мог врезаться в него по пути, и эта возможность обрадовала меня не больше первой: сгореть или расплющиться. Однако скорость падения замедлилась, траектория изменилась, и спустя считанные секунды, когда я был над крылом, на его плоскости открылась воронка и, словно вихрем, скрутив по рукам и ногам, меня втянуло в нее.

Удивиться я не успел. Удивление придет позже. Меня всосало в воронку, бросило в темноту.

Но свет вспыхнул. Я стоял в тесной металлической коробке, как в лифте. Створки двери раздвинулись, открыв коридор.

— Пройдите! — сказали мне.

Я сделал по коридору несколько шагов.

— Снимите скафандр.

Кто говорил, я не видел: в коридоре никого не было. Динамика тоже не было, но я мог его просто не заметить.

Справа открылась ниша, как в наших шлюзовых камерах, куда вешаем скафандры. Я снял скорлупу, повесил на крюк.

— Две минуты стерилизации.

Все было обычным, даже рутинным — процедуры одинаково соблюдались на всех космических кораблях. Время стерилизации — тоже. Стою жду.

Две минуты немного, но достаточно, чтобы понять, как вовремя подвернулся корабль и каким неожиданным было спасение. Притом — воронка. Не знаю кораблей с открывающимися воронками на крыле. Так вообще — много ли чего я знаю или не знаю! Честно сказать, не опустился бы на крыло, если бы что-то не притянуло меня, не подправило траекторию. Непонятно, но, по существу, здорово.

В конце коридора над дверью возникла надпись: «Войдите». Я отвел дверь, вошел.

То, что открылось, поразило меня несказанно.

Это был отсек управления: пульт, смотровое окно, приборы. Но люди!.. Их было трое: мощный старик, с бородой, с усами под самые уши, с насупленными бровями. Девочка — как я на первый взгляд посчитал — в белом светящемся платье, с голыми до плеч руками, с ясными нестерпимо-голубыми глазами и с синими, под цвет глаз, сережками. Третьим был карапуз-мальчишка, сидел на полу с игрушками; на красном его свитере, на

груди, было написано: 1997. Все трое глядели на меня в упор, а я, еще не оторвавшись от ручки двери, бестолково моргал глазами: это же Дед Мороз, Снегурочка и Новый год, который они везут на Землю!

— Откуда? — тряхнул бородой старик, видимо, спрашивая, откуда я к ним свалился.

Машинально я ткнул рукой в потолок.

Старик кашлянул — показалось мне, не совсем удовлетворенно. Но тут запели приборы, Снегурочка обернулась к пульту, сказала:

— Подходим.

— Садитесь! — кивнул мне старик на свободное кресло и тоже обернулся к приборам.

Я сел.

Мальчишечка поднялся с пола, подошел ко мне с игрушкой, сказал:

— На!

Новогодний подарок, подумал я, принимая игрушку — расписного конька. Конек заливисто заржал у меня в руке, я вздрогнул. Мальчишечка засмеялся, полез ко мне на колени.

Дед Мороз и Снегурочка работали на пульте. Маленькие тонкие руки девчонки одновременно, кажется, умели нажимать десятки кнопок и клавишей. Пульт пестрел россыпью цветных огоньков, которые вспыхивали, переливались.

— Полночь, полночь... — бормотал Дед Мороз.

— Полминуты до полночи, — Снегурочка продолжала работать на пульте.

— Полночь...

— Десять секунд. Две... — отозвалась Снегурочка.

— Искра! — Дед Мороз нажал на рычаг в центре пульта.

Корабль вздрогнул. В боковых окнах вспыхнуло ослепительно желтое пламя, осветило кабину, лица мертвенным светом. Взорвалась сверхновая, веки невольно сощурились. Однако тут же на окна надвинулись свето-

фильтры, хотя и сквозь затемненные стекла виднелось море огня.

Мороз и Снегурочка сосредоточенно работали над приборами.

Мальчишка, после того как световые эффекты кончились, поерзал у меня на коленях, сказал:

— Расскажи сказку.

— Какую сказку? — спросил я.

— Какую хочешь.

Видно было, что мальчишка не уймется без сказки — так прочно он устроился на коленях, — я подумал и начал:

Где-то в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве
Жил-был славный царь Додон.

— Знаю, — сказал мальчишка.

Тогда я начал другую. Начало забыл — с середины:

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна...

— В царство славного Салтана. Знаю, — сказал мальчишка.

Я опять подумал и начал импровизацию:

— Космический корабль подходил к неизвестной планете. Это была черная планета, с черным солнцем и с черными океанами.

— Там будут чудовища разные — тахорги, — перебил мальчик. — Их будут убивать из бластеров. Знаю.

— Да-а... — сказал я. Мальчишка был силен и в фантастике.

— Ну?... — Мальчишка поднял ко мне круглое, курносое лицо.

Тут Снегурочка обернулась от пульта и сказала:

— Отстань! Прилипала...

Мальчишка, видимо, не обидевшись, но и без всякого интереса ко мне, соскользнул с колен и опять присел на ковер, к своим игрушкам.

Мороз, не отрывая глаз от индикаторов и стрелок на пульте, сказал Снегурочке:

— Накорми гостя. Сама поешь. Впереди еще,— взглянул на часы,— полсуток.

— Уровень...— кивнула она на один из приборов.

— Прослежу,— пообещал Мороз.

Снегурочка, встав с кресла и посветив мне глазами, сказала:

— Пойдемте.

Мы пошли тем же коридором, который привел меня в рубку. Коридор удлинялся перед нами, тут же смыкаясь за спинами, мы как бы плыли в комнате, которая передвигалась с нами. Была бы полная аналогия с горизонтальным лифтом, если бы мы не шагали и металлическая дорожка не отзывалась у нас под ногами.

Хотелось спросить, как это, что комната идет вместе с нами, спросить о корабле, о них, обитателях корабля: новогодний полет у них, карнавал? Но девчонка шла такая строгая, хрупкая, что фразы, которые вертелись на языке, казались мне грубыми, могли нарушить настрой, установившийся между нами. Ладно, успокаивал я себя, дайте срок: спрошу о корабле, об экипаже. И куда летят.

Наконец открылась боковая дверь и мы оказались в белой стерильно чистой кухне: стол, три стула по сторонам. Снегурочка сказала:

— Садитесь.

Я сел за пустой стол.

— Что бы вы хотели? — спросила она.

— Что есть.

— У нас не праздничное меню.

— Ничего.

Снегурочка набрала несколько цифр на табло, стол преобразился: салат, сыр, фрукты, гранатовый сок в фужерах.

— Пожалуйста,— Снегурочка опять посветила глазами.

Может быть, этот взгляд, нестрогий, домашний, стол, полный еды, ободрили меня. Лучшего момента для разговора не найти. Я задал первый вопрос:

- Кто вы такие?
- Спасатели.
- Кого вы спасаете?
- Вас.
- От кого?
- От вас.

Я, конечно, понимал, что спасают не меня лично — меня они спасли,— спросил:

— Человечество?..— Не без иронии: чудачки на корабле, маскарад.

Однако собеседница, не уловив иронии, может быть, игнорируя, ответила:

- Человечество.— Показала на стол: — Кушайте.
- Я не притронулся к вилке.
- Поясните.

Снегурочка, придвинувшая было к себе салат, отодвинула его.

— Не знаете, что на Земле готовится биологический взрыв?

— Да?..— спросил я спокойно, чувствуя, однако, что физиономия у меня деревенеет.

— Взрыва не будет,— сказала Снегурочка и поставила тарелку перед собой. Видя, наверно, что недоумение мое растет, придвинула мне фужер.

Я поднял фужер. Выпили. Я спросил:

- Откуда вы?
- Из будущего.

Фужер застыл в моей руке над столом.

— Вас что-то удивляет? — спросила Снегурочка.

— Удивляет?..— Она так спокойно сказала «удивляет».

Снегурочка подняла вилкой ломтик помидора и положила в рот.

— Мистификация! — догадался я почти с радостью и поставил фужер.

В ответ — пожатие плеч. Может, она не расслышала? Нет, расслышала.

— Ничего удивительного, — сказала. — Спасая вас, мы спасаем себя.

Я ничего не понимал. Но перед невозмутимостью собеседницы, перед лаконизмом ее ответов ко мне вернулось чувство удивления, как там, в движущейся по коридору комнате. И чувство смущения: может быть, мои вопросы выглядят глупо и я сам выгляжу глупо?

Снегурочка тем временем дожевывала второй ломтик помидора.

Собравшись с духом, я сказал:

— Если вы сейчас не объясните мне все, я пойду к Деду Морозу. — Я показал на дверь.

— Как вы сказали? — с любопытством спросила Снегурочка.

— К Морозу, — повторил я. — На пульт.

— Его зовут Роллт. Енджи Роллт, — сказала Снегурочка.

— А вас?

— Лидди.

— Лидди, — сказал я. — Пожалуйста. Расскажите, что можете.

— Еще? — спросила она и наполнила мой фужер — для успокоения.

— Не надо. — Я отстранил рдяную влагу. — Расскажите мне все!

Салат в тарелке она съела наполовину и теперь, посмотрев — мне показалось, с сожалением, — на приятно уложенные кружочки, оставила тарелку в покое.

— В тысяча девятьсот девяносто шестом году, — сказала, — эксперименты над генами в ваших лабораториях выйдут из-под контроля. Бактерии-мутанты вырвутся на свободу. Начнутся эпидемии, безумие, — Лидди кивала на каждом слове. — Миллионы смертей...

Нет, она не шутила. Она перечисляла, что произойдет, если мутанты вырвутся на свободу...

— Но ничего этого не будет,— закончила она перечисление.— И тысяча девятьсот девяносто шестого года не будет.

— Года не будет?..

— Он к вам не придет. Будет тысяча девятьсот девяносто седьмой.

Это было непостижимо, я откинулся на спинку стула. Лидди взяла с блюда фрукт, похожий на авокадо, и тут же положила его обратно, видимо не решаясь предложить мне. Я старался осмыслить услышанное: верить или не верить?

— Вы меня разыгрываете? — спросил я наконец.— Вы с карнавала?

— Мы из две тысячи восемьсот семидеятого года.

— Девятьсот лет! — воскликнул я.— И вы это можете сделать — уничтожить год?

— Мы это делаем. Слышите?

Корабль мелко дрожал от рвущегося позади него пламени.

— Что это горит? — спросил я.

— Время.

— Знаете, какой сумбур вы сделали в моей голове? — спросил я.

— Не знаю,— ответила она и предложила мне авокадо.

Возвращались мы тем же коридором и так же: отсек двигался вместе с нами.

Роллт спокойно сидел у пульта и, кажется, был доволен. Мальчишка лежал рядом в кресле вверх животом и числом 1997, дремал, ручонка свесилась с кресла, мальчик не заметил этого.

— Роллт! — воскликнула Лидди.— Он ведь совсем заснул! — Взяла малыша на руки, перенесла на диван: — Одуванчик ты мой!..

Мальчишка похлопал полусонно глазами.

— Маленький! — Лидди склонилась, чтобы свет не падал мальчугану в глаза. — Спи!

— Отнеси его, Лидди. Сама поспи, — сказал от пульта Роллт.

— А ты как? — спросила Лидди вполголоса, не оборачиваясь.

— Все налажено. Иди спи. Я тут поговорю.

Лидди, подняв малыша на руки, пошла к двери. Роллт нежно поглядел ей вслед.

Пригласил меня сесть рядом, в кресло, где прежде сидела Лидди. Я сел, Лидди в это время прикрывала за собой дверь одной рукой — другой обнимала мальчишку.

— Если что — вызовешь, — сказала она.

Роллт кивнул.

— Внучка? — спросил я, когда Лидди ушла.

— Жена, — ответил Роллт и, предваряя вопросы на эту тему, сказал спокойно: — Ей двадцать четыре года, мне — двадцать восемь.

Кажется, надо было привыкнуть ко всему необычному на корабле, но я не сдержался: жестом обвел подбородок, намекая на его бороду.

Роллт ответил вопросом:

— А что, у вас не носят бород?..

С Роллтом разговаривать было легче. Хотя я и не переставал удивляться на каждом слове, но с ним было раскованнее. Он не смущал меня блеском глаз, холодностью. Хотя — какая у Лидди холодность? Как она сказала: «Одуванчик ты мой...» Изложив возрастные данные, Роллт улыбался. Борода его уже не казалась страшной, брови суровыми. Карие глаза были просто внимательными, обращались на меня, на пульт — больше на пульт. Я кашлянул, намереваясь заговорить, Роллт кивнул: можно.

— Лидди, — начал я, — сказала мне необычайные вещи.

— Это она умеет, — согласился Роллт.

— Неужели это правда? — воскликнул я.

— Насчет года? — улыбнулся Роллт.

— Да.

— Мы его не пустим на Землю.

И тут не легче.

— Но, позвольте, — я попытался взять себя в руки. —

Отнять у каждого человека год жизни...

— Дешевле и лучше, чем лишить жизни полностью.

— Не согласен! — решительно возразил я.

— Вы ничего не поняли? — спросил в упор Роллт.

Вопрос отрезвил меня. Я даже немного съезжился.

— Эксперименты над генами, — медленно заговорил Роллт, — подошли к критическому порогу. Расшифрован наследственный код, аминокислоты расщеплены на атомном уровне. В лабораториях выращены химеры. Им даже нет названия — в научном языке не хватает слов. Через месяц-другой мутанты вырвутся из лабораторий. Никто не готов к борьбе с их полчищами — Лидди рассказала вам...

Роллт отвлекся, чтобы умирить на пульте мерцание одного из тысячи огоньков.

— В эту минуту, — снова обернулся ко мне, — на столе у президента Ассоциации биологических исследований план работы на предстоящий год. План не будет подписан.

— Вы...

— Мы его не убьем. Он умрет сам. Умрут все, кому суждено умереть в тысяча девятьсот девяносто шестом году.

Я промолчал.

— Вице, — продолжал Роллт, — который сменит президента, план не подпишет. Биологической катастрофы не будет.

Я, кажется, начал кое-что понимать.

— Этим мы спасаем не только вас, — закончил Роллт, — но и себя.

— А время? Год?

— Время сгорает в звездах. Об этом знают ваши ученые. Какой-то отрезок мы сожжем сами.

Сжечь время?.. Я беспомощно оглядываюсь по сторонам. Или это мне снится?.. Однако Роллт, живой, решительный сидит рядом, в иллюминаторах рвется пламя. Роллт сжигает время... «А на Земле? — думаю я. — Что творится в эти часы внизу?» Невольно упираюсь глазами в пол. Роллт не замечает моего смятения. Как он спросил: «Вы ничего не поняли?» ...Холодок ходит у меня по спине. Боже мой, уничтожить год!..

За бортом корабля клокочет вулкан: сгорает время. Не могу удержаться от восклицания:

— И это делаете вы — двое?..

— Есть решение,— с неохотой говорит Роллт.— Необходимое...

— Значит, вы знаете наши дела?

— В общем...— так же неохотно говорит Роллт.— Частная жизнь для исследований запрещена.

Этой фразой он, кажется, кладет границу нашему разговору. «Извините...» — говорю я про себя — мне неудержимо хочется спрашивать. Однако Роллт вскидывает бороду, упрямо смотрит на пульт, игнорируя мое любопытство и нетерпение. Впрочем, какое я имею право вторгаться в планы и в помощь, которую нам оказывают потомки?.. Я еще раз оглядываю кабину, пульт. Необычайное совершенство линий, мягкие краски стен, потолка действуют умиротворяюще. И только дрожь корабля, пламя за иллюминаторами показывают, какая производится здесь работа. И хотя трудно поверить в реальность происходящего: мое спасение, разговоры, игрушки, наконец, разбросанные по полу,— все говорит о реальности и непостижимых масштабах происходящего. Пытаюсь мысленно — Роллт работает над приборами — поставить несколько вопросов себе, попытаться на них ответить. Кто принял решение помочь нам? Как решение было принято? Правительство у них там, в будущем? Если правительство — всемирное? Кем рабо-

тают Роллт, Лидди?.. Количество вопросов растет как лавина. Но Роллт по-прежнему не отрывает от пульта глаз, а я не могу ответить себе, а догадываться у меня не хватает воображения.

Наконец, когда Роллт отрегулировал еще несколько огоньков на панелях, отнял руки от кнопок, я не выдерживаю и с прямою невежи спрашиваю:

— Как вы живете? У себя, там?..

— Так, — отвечает Роллт. — Ничего. У нас свои проблемы.

Чувствую, что начинаю надоедать собеседнику. Робко, нерешительно все же спрашиваю:

— Как вы меня спасли?

— Автоматика, — коротко отвечает Роллт, не отрывая глаз от приборов.

Тут мне приходит мысль: что будет со мною дальше?

— Да, — соглашается Роллт. — Задача...

Это, несомненно, ко мне. Он угадал мою мысль?..

Угадал. И мне надо готовиться к расставанию.

Но, господи, надо запомнить это мгновение! Сказка это, фантастика?.. Гляди, говорю я себе, запоминай. Что бы это ни было, оно никогда не повторится.

Я глядел и запоминал: глаза Роллта, игрушки на полу — конек, рыба, трехколесный автомобиль... Ничего мне не снится. Мысленно перебираю в уме катастрофу на спутнике, крыло, ужин с Лидди. Было это, было, говорю себе. И сейчас вот оно — ковер на полу с оленем, у оленя две пары рогов. Почему? Каприз художника или у них там такие олени? Что у них еще?..

В лобовое стекло глядит плотная темнота. Ни звезды, ни блеска городов под крылом, хотя это новогодняя ночь, Земля цветет огнями иллюминаций. Такой плотной тьмы я никогда не видел. Но я не спрашиваю о ней Роллта. Очевидно, океан времени надо сжечь в самый короткий срок. Очевидно, корабль обгоняет течение времени, — это доступно Роллту, Лидди.

Опять приходят вопросы. Мысли пляшут в мозгу,

разбегаются. Девять веков! Масштаб парализует сознание.

Роллт, кажется, дремлет над пультом. Поют приборы.

Наконец бородач поднимает голову.

— Я опущу вас на Поворотном,— говорит он.— Согласны?

Это все. Это конец. Они улетают дальше.

Но что он спросил? Согласен я на Поворотном? Мыс, на нем станция слежения. Я почти дома.

Киваю в ответ.

— Мы начали,— говорит Роллт,— с Меридиана перемены дат. Тут наш путь и окончится. Вас мы догнали восточнее.

— Да,— соглашаюсь я.

Роллт наклоняется к микрофону:

— Лидди.

А мне не хочется, чтобы Лидди пришла. Не хочется, чтобы необыкновенное кончилось. Они улетят, исчезнут. Попросить Роллта, чтобы взяли меня с собой? Безумная мысль!.. А разве не безумно мое спасение? Эта встреча?..

Входит Лидди — такая же, с ясным, чудодейственным взглядом. Роллт поднимается с кресла. Я тоже встаю: прощайте мечты, просьба, чтобы Роллт и Лидди взяли меня с собой... Лидди садится на место Роллта.

— Прощайте,— протягивает мне руку.

Пожимаю кончики пальцев — ощущение, будто касаюсь бутонов цветка.

Выходим с Роллтом из рубки.

— Наденете мой скафандр,— говорит он, пока идем коридором.— Он прост и удобен. Но дарить его вам я не могу. Как только приземлитесь, сбросьте его и отойдите в сторону. Он сгорит. Не пытайтесь тушить.

Он помог мне надеть скафандр. На пороге шлюзовой камеры он сказал:

— Опуститесь в тысяча девятьсот девяносто седьмом году. Никому не говорите об этой ночи, о встрече. Если

же вам придет в голову описать все это, сделать рассказ, поставьте в подзаголовок — фантастический. Только в этом случае, — улыбнулся он, — вам поверят. Хотя бы мальчишки.

Дверь камеры начала закрываться.

— Всего! — сказал Роллт, помахал рукой.

Пламени за бортом не было. Корабль прошел Меридиан перемены дат и теперь летел над Землей ради меня. Автоматы открыли люк, катапульта выбросила меня. Несколько секунд я летел над кораблем, пока не потерял инерцию, потом корабль ушел вперед, исчез. Внизу ясно обозначалось Японское море, мыс Поворотный.

Снижаясь на спусковых ракетах — парашютов скафандр не имел, — я вспомнил, что не задал Роллту и Лидди еще одного вопроса: почему на груди у мальчишки стояло число 1997? Поразмыслив однако, решил, что у людей будущего свой юмор...

Приземлился я на побережье, километрах в двух от станции Слежения. Сбросил скафандр, отошел в сторону. Не прошло минуты, как скафандр вспыхнул, — пришлось отойти подальше. Когда пламя погасло, ни выжженного круга на почве, ни пепла — ничего не осталось. Наверно, и корабль, подумал я, из того же состава. В случае аварии... Ни следа не должно остаться в настоящем и в прошлом. У представителей двадцать девятого века — свои проблемы...

И эта проблема... Я шел под звездами к станции — к горстке огней, брошенной в темноту. Спасают нас — спасают себя. Связь времен. Скрытая и непонятная для нас связь. Но она существует. Существоем мы и они. Одновременно и через пропасть времени... Голова от этих мыслей кружилась. Зато было понятно, что люди далекого будущего творили подвиг. И сделали это просто, буднично. Даже не подав знака, что спасли нас от гибели. Наверно, так надо. Наверно, в этом скрытая диалектика.

Станция Слежения рядом. Я остановился, поднял голову. Тысячи звезд глядели мне в глаза. Тысячи костров, дающих жизнь планетам, миллионам живых существ. Время сгорает в звездах, сказал Роллт. Если подумать — действительно: любая звезда сожжет атомные запасы за миллиард лет и погаснет. А звезды живут. Так что же такое — время? Энергия? Сама жизнь? Не свет, не тепло заставляют жить каждую клетку — время. Свет, тепло — лишь производные от времени. Это, наверно, поняли в двадцать девятом веке. Заставили время подчиниться, служить себе. Если надо — научились сжигать. У них свои проблемы...

Всю жизнь с той ночи я искал доказательства, что природой, людьми хоть как-то замечен трагически пропавший год. Не потому, что мне хотелось доказать истинность случившегося со мной происшествия. Я уважаю Роллта и Лидди, чтобы ловить их на слове. Но мне самому хотелось убедиться, что бывшее со мной — было, что год миновал, проскочил, исчез бесследно.

Президент Ассоциации биологических исследований скончался, на его место стал другой человек, и теперь, когда рассекречены архивы, подтверждено, что план опасных исследований не был подписан. Умерли в новогоднюю ночь многие, но над планетой свирепствовал грипп какого-то нового вида — в конце века вообще гриппы росли как грибы, и все новые, — повышенная смертность была отнесена на счет болезни.

А в остальном доказательства — так, пустяки.

Мировая кинозвезда Элен Зюсс воскликнула первого января:

— У меня на лбу появилась морщинка. Трагедия!

Трагедия обошла все газеты мира, но она мне ничего не доказывает.

Другой всемирно известный актер, увидя наутро в зеркале постаревшую, помятую физиономию, сказал:

— Кутнул же я в эту ночь!..

У остальных, как я говорил вначале, в момент смены

старого и нового года проявилась на миг замедленность, мгновенный сбой, но кого я ни спрашивал, никто этому не придал значения. Новогодняя ночь — кто не был навеселе?..

И только деревья... У них появилось лишнее годовое кольцо.

Но этого не превратишь в доказательство. Да и зачем?

Я все же решил изложить эту историю, написать рассказ. Но, следуя мудрому совету Роллта, ставлю в подзаголовок рассказа — фантастический.

А что было — то было.

Хотя календари с тех пор — все, как один, — отстают от времени на год.

ЭХО

Вынужденные посадки всегда грозят неприятностями, и пилоты, естественно, их не любят. Алексею очень не хотелось садиться, но корабль не тянул, а до Земли на полном форсаже больше чем полгода пути. Не отремонтировать двигатели — полгода превращаются в десять лет. Недопустимо, когда на губах уже чувствуешь вкус земной воды, а перед глазами лес — вот он, ты к нему приближаешься.

Ни воды, ни леса Алексей не видел за весь полет. Выжженные планеты или закованные в глыбы смерзшегося метана. Бесконечный песок пустыни, бури, самумы. С ума сойдешь, если ты не разведчик. Разведчикам с ума сходить не позволено.

Плохо с центровкой, думает Алексей, решаясь приземлиться на ближайшей планете. Сместилась центральная осевая, забило нагаром выхлопные каналы двигателей, ничего не поделаешь. Вообще, «Ястреб» должен был дотянуть без ремонта. Гарантирует же Земля исправность. Но тут Алексей виноват сам. Очень его заинтересовала пестрая планетка в Драконе. Посмотреть — шахматная доска. Разумная жизнь? У кого из пилотов не дрогнет сердце при этой мысли? Кто не потянется рукой ощупать эту чужую жизнь? Потянулся и Алексей. Оказалось, мираж. Приблизился — клетки поползли вкось и вкривь. Вышла не шахматная доска, а лунный

пейзаж с бесконечными кратерами. Такое зло взяло. Рванул от планеты в сердцах, и вот — сказалось на двигателях.

Алексей раздосадован. На шахматную планетку, на то, что не найдены братья по разуму, на скучный рейс, хотелось чего-то необычного, яркого.

Но яркого не было.

Первый взгляд на равнину, на которую опустился «Ястреб», вызвал отвращение и тоску: песок, сглаженные холмы, уходящие к горизонту, ветер.

— Чтоб тебя... — выругался Алексей на песок, на ветер, но дело сделано: корабль опущен.

В атмосфере, однако, было достаточно кислорода, хотя — при облете Алексей обогнул шарик четыре раза — не было замечено ни травинки, ни кустика: желтый песок, серый камень. Кислород выдавали вулканы. Это уже не новость. На некоторых планетах кислород поставляют вулканы. Были вулканы и здесь. Алексей из предосторожности сел подальше от них: не тряхнули бы почву, не опрокинули.

Немножко радовало, что работать можно было раскованно, без скафандра, но радость была настолько мала, что не развеяла всеобщей досады, и теперь Алексей прямо в дверь бросал инструменты для очистки выхлопных дюз. Инструменты гремели, Алексею казалось, тоже досадовали, и это ему доставляло какое-то облегчение.

Очистка дюз не ахти какая работа, делает ее автомат, но Алексей брался за ремонт рьяно: поскорее кончит — скорее покинет это безотрадное царство.

— Оп-ля!.. — прыгнул он вслед за инструментами.

— Оп-ля!.. — отозвалось ему в ответ.

Что такое? Алексей оглянулся: послышалось? Или подметки лязгнули о песок?.. Поглядел под ноги: нет, это не объяснение. Это так — для отвода глаз. «Оп-ля!..» было повторено человеческим голосом. Алексей отлично расслышал. Голос чужой, высокого тембра, звонкий. Не его голос. Но и быть голосу вроде бы неоткуда. Алексей

опять оглянулся: пустыня, солнце на небе, под ногами — тень корабля. Мысль опять вернулась к подметкам: вздор! И опять к голосу. Ну ни с какой стороны голосу быть невозможно!.. Ждала работа. Алексей стал подбирать инструменты. Настороженно, не зная почему, подошел к дюзам.

Часа три он работал, пока не освободил выхлопные ходы от нагара. Ни разговаривать сам с собой, ни мурлыкать под нос Алексей себе не позволил, хотя по опыту знал, что это отвлекает в какой-то мере.

Закончив, Алексей, отряхивая с рук остатки нагара, несколько раз хлопнул ладонь о ладонь. Тотчас услышал в ответ хлопки, словно кто-то поаплодировал ему в знак успешной работы. Алексей опустил руки.

Тишина кругом, даже ветер улегся.

Но Алексей слышал хлопки. Так же, как прежде голос!

— Эхо?.. — нерешительно спросил он.

— Эхо, — прозвучало в ответ.

Алексей замер, он нагнулся поднять инструмент и в этой неудобной позе огляделся вокруг. Ничто возле корабля не двигалось, не шевелилось. Равнина была пустынной, небо пустое. Только он, Алексей, да корабль в целом мире. В чужом мире — подсказала Алексею профессия космического разведчика. «Эхо» было сказано женским или детским голосом. Неприятное чувство возникло в душе — откуда голос?.. Преодолевая недоумение — надо же как-то объяснить услышанное, — Алексей начал собирать инструменты. Без паники, успокаивал он себя, без спешки!.. Поднявшись по трапу и втянув трап, взялся за ручку двери. Закрывать массивную дверь не просто, и, пока она закрывалась, Алексей явственно услышал с того места, где он только что стоял:

— Хи-хи-хи!..

Перекусив в камбузе и уже возясь с двигателями внутри ракеты, Алексей все еще слышал это ехидное

«Хи-хи-хи!..», словно оно прилипло к ушам или вошло в череп и засело там. «Что это?..» — в тысячный раз спрашивал себя Алексей. И в тысячный раз объяснял себе: обыкновенное эхо. Но тут опять слышалось: «Хи-хи-хи!..» Алексей раздраженно бросил:

— Еще чего?..

Сразу же испугался — вдруг кто-то ответит? Но никто не ответил. Тут же Алексей спохватился: он подумал «кто-то»? Значит, эхо — это опять для отвода глаз? Он думает о «ком-то»? Верит?.. «Хи-хи-хи...» Нет, это у него в голове. И еще в голове мысль о «ком-то». Она приросла, закрепилась в мозгу. От нее не отделаться.

Все-таки ему хотелось себя перехитрить. Алексей запел:

На воздушном океане
Без руля и без ветрил...

Пел Алексей отвратительно, слуха у него не было, и он знал об этом. Пение прозвучало как скрип ножа по тарелке. Алексей устыдился, смолк.

Приналег на гайковерт, расслабляя крепление, устремил все помыслы на центровку. Это отвлекало, конечно, на какое-то время, но проклятое хихиканье в голове выныривало то с одного, то с другого края, портило настроение.

«Надо в этом разобраться наконец!» — решил Алексей. Отложил работу, подошел к иллюминатору.

Та же унылость: равнина, усыпанная щебнем, песком. Справа к ракете подходил невысокий увал, срезал горизонт. Тут обзор был меньше. «Что за увалом?» — мелькнула мысль. Влево уходил тот же пейзаж, не на чем было остановить взгляд. И небеса были буроватые, словно отражали песок пустыни.

Почему-то Алексей почувствовал, что ему никогда не было так плохо. То, что рейс неудачный, — обыкновенно. Большинство разведчиков возвращаются ни с чем. Ну ископаемые. Полезные: руды, россыпи. Ну пейзажи, заснятые на память: ровные, пересеченные, грядистые, пу-

стынные. Вот и все. Даст космонавт имя планете — Людмила — теперь больше идут женские имена: Вера, Ирина. На Земле примут. Занесут название в каталог, похвалят за полезные ископаемые, подумают про себя: за морем телушка — полушка... А посылая в полет, каждый раз ждут: «Привези жизнь...» А жизнь-то как раз и неумовима.

«Хи-хи...» — пронеслось в мозгу.

Бывает же вот, рассердился Алексей. Вдолбится в голову!..

Глядя в иллюминатор, он ничего не решил. Вернулся к двигателям, осмотрел первый и тут же принялся ремонтировать второй двигатель. Закончил работу к вечеру. Проверил центровые по электронному контуру, удовлетворился.

Опробовал двигатели, пламя ударило в почву, корабль содрогнулся.

Можно было стартовать. Со спокойной совестью. Впереди через полгода Земля, с родниковой водой, шорохом леса.

Выключил двигатели. «Хи-хи...»

Может быть, это не эхо? — пришло вдруг в голову. «Алексей! — это он назвал себя по имени. — Ты же разведчик! Откуда это «Хи-хи...»? Звуковая галлюцинация? Разведчикам сходить с ума не позволено!»

Нет, он не нажмет на пуск. Не уведет корабль. Ничего этого он не сделает. Двигатели остыли. Выходные люки задраены. Алексей все еще сидел в кресле пилота. Руки не поднимались нажать на пуск. Что же делать?

— Утром, — решил Алексей, — обследую местность.

В ночь выходить из корабля ему не хотелось.

Едва рассвело, Алексей спустился по трапу. Не спрыгнул и не сказал «Оп-ля!..». Это бы звучало по-детски, а во-вторых — кто знает? — не ответят ли Алексею опять? Решил быть настороже и до поры держать язык

за зубами. Вчерашнее хихиканье прошло, спал ночь Алексей спокойно. И сейчас держится вполне уверенно. Куда идти? Поднимется на увал. Об этом Алексей думал вчера и сейчас осуществит свое намерение.

Солнце било в глаза. Увал наполовину в тени. До вершины метров триста, определил Алексей.

Двинулся. Песок поскрипывал под ногами. Обыкновенный привычный звук. Это действовало успокаивающе. «А чего беспокоиться? — спросил себя Алексей. — Песок и солнце». Но в вопросе была наигранность. Алексей это чувствовал и решил поддерживать в себе настороженность. Оружие он не держал в руке. Пистолет сунул за пояс. Но рукоять оставил снаружи.

Дышалось легко. Подъем Алексей преодолел без труда. Вот и вершина. Та же безотрадность с вершины — холмы, уходящие к горизонту, серость пустыни. «Напрасна, — мелькнула мысль, — эта вылазка...» Сделал несколько шагов вниз. Поскользнулся на щебне:

— Ах!

— Ах! — послышалось рядом.

Алексей остановился. Огляделся вокруг. Никого. Но голос он слышал. Повторить восклицание? Не было никакого резона повторять восклицание. Алексей спросил, как вчера возле ракеты:

— Эхо?..

Получил ответ:

— Эхо.

Тогда Алексей спросил в лоб:

— Кто ты?

В ответ прозвучало:

— Ты-ы.

Мурашки посыпались за воротник Алексею, поползли вниз, вниз. Но отступить поздно. Алексей спросил:

— Ты здесь?

— Здесь.

И вдруг опять, как вчера:

— Хи-хи-хи!..

— Давай в открытую,— заговорил Алексей.— Кто ты?

— Эхо.

— Мое эхо?

— Нет. Эхо.

— Тебя так зовут?

— Да.

Это уже был диалог. И хотя мурашки на спине Алексея превратились в холодный пот, Алексей решил диалог продолжить.

— Ты невидимка? — спросил он.

— Имка...— ответил голос, другой.

— Брось шутить,— сказал Алексей.— Разговаривать так разговаривать.

— Разве у вас нет имен? — спросил голос, третий.

— Есть,— ответил Алексей.— И много.— Вторая фраза была произнесена им, чтобы поддержать диалог.

— У нас тоже много,— ответил первый Эхо.

— И вас? — спросил Алексей.

— И нас.

— Хочу вас видеть.

Последовало молчание. Но Алексей явно расслышал, кто-то возле него вздохнул. Наверно, их нельзя видеть, решил Алексей, спросил:

— Как вы живете? — Опять ощутил близость кого-то возле себя. Пришел к выводу: Эхо материальны.

Но молчание продолжалось.

— Как? — повторил свой вопрос Алексей.— Какие вы?

— Разные.

Ответ не удовлетворил Алексея. Весь разговор не удовлетворял. Голоса, подумал он, как из динамика.

Солнце поднялось над пустыней, шло в гору. Пригревало. Алексей расстегнул верхнюю пуговицу комбинезона. Воздух над камнями начинал дрожать от тепла.

— Откуда ты? — прозвучал вопрос.

— С Земли,— сказал Алексей.

— Там все такие, как ты?
— Все,— сказал Алексей. Вспомнил: — И у нас есть эхо.

— Расскажи.

— Крикнешь «а!», — пояснил Алексей, — и оно ответит: «а!».

— Это не то, — засмеялись вокруг.

— Кто же вы? — чуть не в отчаянии спросил Алексей.

— Хочешь быть с нами?

— Хочу, — сказал Алексей, не подумав.

Тотчас же он исчез. То есть не увидел себя стоящим на земле, на камнях. Зато он увидел Эхо. На них были цветные накидки, плащи из газовой полупрозрачной материи, которые от малейшего дуновения воздуха колебались, дышали и развевались за плечами, как крылья. Сперва Алексей так и подумал — крылья, но это были одежды с широкими развевающимися шарфами. Может быть, шарфы держали их в воздухе, направляли полет?

И себя увидел Алексей в воздухе, с шарфом и в таком же плаще. Увидел висящим в воздухе свой уродливый комбинезон, из кармана которого нелепо торчала рукоять пистолета. Алексей повернулся к карману и выбросил пистолет.

— Правильно, — сказали ему. — Мы знаем — это оружие.

Мир вокруг Алексея был совсем другим миром: небо из буроватого сделалось фиолетовым, и на нем были звезды. Солнце пылало в короне, но удивительно: на него можно было глядеть не отводя глаз. Изменилась земля — она сияла, холмы чуть-чуть колебались в мареве, над каждым — светящийся ореол; долины между холмами синие, дальше, в перспективе, синева становилась фиолетовой. Вообще краски в этом мире были сдвинуты в синюю часть спектра. Воздух или, может быть, ветер струился над землей между холмами, кружил в физи-

нах, и казалось, что кругом текут реки, плещут озера. Дно у озер — золотое.

Алексей вместе с группой Эхо летел над землей. Наверное, их нес ветер, и это было приятно, как медленный полет на качелях. Звучала негромкая музыка.

— Красиво? — спросили Алексея, видя, что он засмотрелся на удивительный мир.

Тут же начали пояснять:

— Песок — это не песок, а золото.

— Скалы — не скалы — замки.

Алексей видел башни, шпили и балюстрады.

— Каждый камень, — продолжали рассказывать, — не камень, а дом.

— Ветер — музыка.

Полет продолжался. Новые картины открывались Алексею на прежней пустыне. Кущи садов. Полуцирк, полный народа в блестящих одеждах. Дорога, отсвечивающая металлом.

И необычайная легкость во всем. Легкость в теле Алексея, в движениях. «Что произошло?» — думалось ему. Сознание работало четко, и хотя все вокруг было необычайным и удивительным, Алексей чувствовал себя спокойно. Ни смятения, ни тревоги. Он только глядел и слушал. Полет воспринял как нечто само собой разумеющееся. Группа существ летела рядом как на крыльях. Алексею казалось, что у него тоже крылья. Легкость, музыка были сладостны, как во сне, хотя это не было сном, и Алексей понимал это.

— Хорошо у нас? — спрашивали у Алексея.

Чуть-чуть кружилась голова. От полета, от музыки? То ли от необычного, что виделось Алексею? От вопросов, прихлынувших к нему шквалом? Наконец что-то вроде беспокойства шевельнулось у него в душе. От этого и пришли вопросы: есть ли этот мир на самом деле или это иллюзия? Если есть, откуда он взялся? Откуда эти существа — Эхо? Или этот мир только для

них? Ими созданный, им доступный? Или волшебная повязка на глазах преобразила перед ним все?

— Почему на гребне увала была пустыня? — спросил Алексей.

— Она и сейчас там, — ответили ему.

— Откуда же этот мир?

— Мы сделали временной сдвиг на миллион лет, чтобы показать мир, в котором живем.

— Это так просто — миллион лет? — спросил Алексей.

— Во Вселенной все просто и в то же время — сложно.

— Я приземлил ракету, — забеспокоился Алексей.

— Ракета — вон она, — показали ему.

Корабль стоял в отдалении. Но и корабль был другим — из синей брони.

— Почему вы называете себя Эхо? — спросил Алексей. — Я вам рассказывал о нашем эхо...

— Случайное совпадение.

Между тем ветер относил Алексея, всю группу дальше и дальше.

— Тебе нравится здесь? — спрашивали у Алексея.

Алексей стал приглядываться к спутникам. Были здесь мужчины и женщины. У женщин золотистые волосы и глаза такой глубины, что если смотреть в них, то как в колодцы.

— Ты стал одним из нас, — говорили ему. — Погляди на нас — мы красивы.

Они были прекрасны.

— Ты можешь остаться с нами. Выбери одну из нас, — говорили женщины.

Алексеей вспомнилась Марина, его невеста, ихтиолог с Батумской биологической станции. Алексей посмотрел на корабль.

Корабль уплывал к горизонту.

— Ты слышишь музыку? — говорили ему. — Сколько в ней покоя, мечтаний...

Пролетали над озером. Оно волновалось. Солнечные блики плясали в нем, может быть, отражались от дна. В воде плавали рыбы и шевелились водоросли. И дорожки, замки были в воде. Или это казалось? Нет, кожей лица и рук Алексей ощущал прохладу.

Ему захотелось пить.

— Останься с нами, — говорили кругом.

Вкус земной ключевой воды возник у него на губах, как пробуждающий вздох. Алексей сделал глоток, но на губах было сухо. Озеро волновалось под ним. Жажда стала сильнее. Алексей взглянул на корабль — тот вставал черточкой на горизонте.

— Ты один из нас, — говорили ему. — Любое твоё желание выполнимо в нашем прекрасном мире.

«Хочу на корабль», — сказал себе Алексей. И тотчас ветер словно переменялся. Может быть, встречная струя подхватила его, всю группу?

— Почему ты уходишь? — спросили его.

— Хочу пить, — сказал Алексей.

Одна из женщин взмахнула шарфом, спустилась к озеру. Зачерпнула воды, поднесла Алексею в ладонях. Тот нагнулся и, ощущая теплоту и нежность рук, хлебнул из ладоней, согнутых ковшиком, совсем как из земных рук. Вода была прохладная. Но не земная.

Корабль теперь приближался. У Алексея спросили:

— Все-таки ты уходишь?

Алексей не ответил. Он хотел на корабль, и, словно повинаясь его желанию, ветер нес его к кораблю.

— Не уходи.

Вот подножье увала. Ракета видна почти вся. Алексею еще хотелось посмотреть на фиолетовый мир. Ветер упал, но вся группа осталась в воздухе. Алексей глядел на воздушные реки, холмы. Вспомнил воду, теплоту женских рук. Музыка звучала по-прежнему вдалеке. Музыка была чудесная, как все в этом мире. На какое-то мгновение Алексей заколебался. Может, уходя, он делает

ошибку? Музыка звучала, звала. К ней присоединился голос, другой. Пели Эхо.

Алексею вспомнилось древнее сказание о сиренах — об острове сирен, который можно было миновать, залепив уши воском, чтобы не поддаться очарованию. Воска у Алексея не было. Но у него была мысль о Земле, о Марине. Алексей был землянином. Он хотел на корабль. Он даже утешал себя: Земля когда-нибудь будет такой же прекрасной.

Ветер опять, подчиняясь его желанию, подвинул его к гребню увала.

Небо было фиолетовым, и на нем звезды. Почва, города — золотые. Скалы — не скалы — замки. Алексей глядел на этот ни с чем не сравнимый мир, на крылатых Эхо. «Останься...» — что-то нашептывало ему. «Останься», — просили Эхо. «Нет, — говорил Алексей, — меня ждет Земля!»

И опять невидимый ветер, желание подвинули его к кораблю.

— Тебе не нравится с нами?

— На Земле еще много дел, — сказал Алексей.

— Мы свои дела сделали все, — ответили Эхо. — У нас — гармония.

— Наслаждение.

— Отдых.

Они соблазняли землянина. В надежде оставить его с собой? Может быть, не хотели, чтобы за Алексеем пришли другие, в таких же уродливых комбинезонах, с оружием, вообще, много других?

— Ты увидел только частицу нашего мира, — говорили они.

— Присмотрись к нам. Есть еще более прекрасные.

Алексей не хотел больше смотреть. Или это было выше его понимания? Или слишком внезапно? Невиданно?

Ветер дотянул до гребня увала. Внизу Алексей увидел брошенный пистолет. Вот и вопрос, подумал Алек-

сей. взять пистолет или оставить на планете? Страшное убийственное оружие. Взять — оставить?.. Нелепый предмет, пришел он наконец к выводу, оставить нельзя.

Алексей потянулся к пистолету. Ветер услужливо опустил его на ноги. Алексей стал неловко — ноги подломились под ним. Так же неловко он схватил пистолет, в полете руки и тело отвыкли от тяжести, пальцы скользнули по рукоятке, нажали на спуск. Плазменная струя обожгла песок, подняла облако пыли и дыма. Звука не было — плазменные пистолеты беззвучны. Но откуда-то сзади, с бывшей мгновение назад синей равнины, донесся чудовищный рев. Он вошел в Алексея, потряс его. Переломил, швырнул наземь. Падая, Алексей увидел пустыню и, уже распластанный на земле, бурое небо над собой, рыжее солнце.

Тут же Алексей поднялся. Его не искалечило, не убило, но мир, который нежил его, ласкал, мог защищаться. Мог уничтожить.

Впрочем, ничего уже не было, кроме песка под ногами, щебня и ракеты метрах в трехстах от увала.

Не было Эхо.

Алексей медленно побрел к кораблю.

Поднялся по трапу, поднял за собой трап. Прикрывая тяжелую дверь, кажется, услышал шепот:

— Уходишь?..

— Ухожу, — сказал Алексей.

Минуту послушал, не ответит ли кто.

Ответа не было.

Алексей закрыл дверь и, проходя коридором, знал: ответа не будет. В корабле не было Эхо.

В каюте он записал на магнитную нить все, что видел и слышал. Вынул из шкафа мини-«Аякс», развинтил полушария, вложил внутрь нить и завинтил полушария до предела, отчего внутри шара включилась рация. Шар Алексей опустил в трубопровод и нажал кнопку. Через секунду табло показало, что шар поставлен на взвод. Как только корабль покинет планету, шар выйдет на

орбиту вокруг него, и, что бы ни случилось потом с кораблем и с самим космонавтом, «Аякс» будет сигнализировать о находке, пока его не найдут, не вскроют и не прочтут сообщение о планете, которую Алексей назвал Эхо, о жизни, встреченной им, о контакте с живыми Эхо. Контакт не особенно удался, об этом Алексей сообщил тоже. Но если корабль не долетит до Земли и люди когда-нибудь найдут шар, никто космонавта не осудит за неполный контакт. Алексей лишь разведчик. В случае благополучного возвращения шар можно будет вернуть на корабль, космонавт лично доложит об открытии.

Закончив с «Аяксом», Алексей подошел к иллюминатору, посмотрел на песок, на холмы. Если выйти из корабля, позвать — возвратится ли фиолетовый мир, Эхо? «А тебе хочется?» — спросил себя Алексей. С минуту он раздумывал, хочется ли ему позвать этот мир и остаться в нем. «Мы свои дела сделали. У нас гармония, отдых...» Только минуту размышлял Алексей над всем этим. И не понял, была ли эта минута слабости или тоски по неизвестному. Отвернулся от окна, прошел в пилотскую кабину, сел в кресло и запустил двигатели.

ПРОДАВЕЦ СНОВ

Среди лавчонок, баров, женских и мужских ателье, среди вывесок, предлагающих купить шляпы, губную помаду или перекусить на ходу, эта вывеска была совсем незаметной. Ни апельсинов, ни примелькавшихся галстуков на ней нарисовано не было. Стояло всего три буквы: СНЫ.

Грин не заметил бы вывески, если бы случайно не поднял взгляд. Тем более что он был раздражен. Вышел из автобуса на остановку раньше и разыскивал нужную улицу вовсе не там, где следовало. В Париже это бывает: если вам надо что-то найти, вам дадут десять разноречивых советов. Особенно если узнают в вас иностранца. Английский костюм Грина, трость — конечно же, англичанин! — сразу сделали его жертвой словоохотливых французов:

— Сойдите на улица Пуатье. Нет, лучше на рю де Льеж!

— Там на углу дом с колоннами, памятник...

— А лучше на Пуатье.

Грин сошел на улице Пуатье. Ни дома с колоннами, ни памятника...

— Надо было сойти на следующей остановке!

— Даже еще на следующей!

— А теперь пойдете вот так... — Это уже объясняли ему другие прохожие.

Грин искал антикварную лавку Лебрена. Покупать он ничего не хотел. Надо было взглянуть на статуэтку Анубиса — Грин египтолог. К Лебрену у него рекомендательное письмо. Вот он и ищет лавку. А наткнулся на вывеску.

Единственное окно, служащее одновременно витриной, узкая дверь. И лавочка узкая, стиснутая между другими. С одной стороны — «Сардины», с другой — «Дамские шляпы». Ступенька перед дверью, выходящей на тротуар. Обыкновенная мелочная лавчонка. Но вывеска!... Может быть, это шутка? Однако на оконном стекле рядом с дверью четкими буквами подтверждалось: «Сны на выбор». Это, в конце концов, интересно. Грин вошел в лавочку.

— Сэр! — поднялся ему навстречу человек за прилавком — угадал в посетителе англичанина. — Доброе утро, сэр!

Грин кивнул в ответ на приветствие и прикрыл за собой дверь.

— Не спрашиваю, зачем вы пришли, — продолжал человек, медленно продвигаясь за прилавком к нему, — об этом говорит вывеска магазина. Но что вам по вкусу?

Жестом он показал на полки, разделенные, как в ателье грампластинок, рядами карманов.

— Может быть, вам каталог? Полный или общеупотребительный? В полном шесть тысяч названий, в общеупотребительном — две с половиной тысячи.

Он был разговорчивым, продавец, — таковы все французы.

— Берут, что подешевле, — продолжал он, кажется, с сожалением, — марсианские сны, венерианские грезы...

— Аллегория?.. — спросил Грин, пораженный.

— Подлинные сны, сэр, не сомневайтесь. Есть сны с планет звезды Барнарда, есть с альфы Киля...

— Пойдите, — сказал Грин.

— Откуда угодно, — сказал продавец, прежде чем замолчать.

Он придвинулся совсем близко — на ширину прилавка, и Грин мог внимательно разглядеть его. Это был невысокий человек, ниже среднего роста, с большой головой, прикрытой полуколяпак, полушляпой, из-под которой висели грубые мочки его ушей. Лба из-под шляпы почти не было видно, зато подбородок отвисал вниз, отчего лицо было похожим на заостренный топор. Впалые щеки покрыты щетиной, но странно, щетина прилегала к коже, как шерсть. Больше всего поражали Грина рот продавца и зубы. Рот был обрамлен тонкими губами, влажными, как у собаки (странное сравнение, но другого не подберешь). Губы слишком тонкие и не прикрывали зубов. Зубы выступали вперед лопатками, и когда человек улыбался, виднелось не больше четырех верхних зубов. «Такой рот, — подумалось Грину, — не мог вместить тридцать два зуба! Что за лицо, — всматривался он в продавца. — Уродливое лицо!» И только глаза — веселые человеческие глаза — украшали его. Глядя в них, хотелось простить уродство, даже безобразие человека: мало ли вообще уродов?

Человек заметил, что Грин разглядывает его, заметил, видимо, какое впечатление производит внешность на посетителя, но ничуть не смутился.

— Меня зовут Бек. Морис Бек, — сказал он и слегка поклонился.

— Вы торгуете снами? — спросил Грин.

— Сэр! — воскликнул Бек.

Это, видимо, означало: «Похож ли я на обманщика?» На обманщика он не был похож. Ни на кого не был похож этот удивительный человек.

— Вы, конечно, купите у меня сны, — заговорил он, и Грин про себя отметил: «Куплю...»

— Ну вот! — воскликнул торжествующе Бек. — У меня покупает сны вся улица. Весь квартал!

— Весь Париж?.. — спросил Грин.

Продавец уловил иронию, но ответил совершенно серьезно:

— Нет, сэр, может быть, чуть побольше квартала.

Говорил по-английски он свободно и грамотно, но как-то особенно, словно выкатывая и округляя слова. Во всяком случае — с удовольствием, и это в нем, как и его глаза, нравилось Грину.

— Только, сэр, — продолжал он, — не посчитайте меня навязчивым: поделитесь потом со мной впечатлениями, что вам нравится в снах, что не нравится.

Кто-то заслонил свет в витрине, открылась дверь.

— Мсье Ренар! — воскликнул неугомонный Бек. — Милости прошу, заходите! Постоянный мой покупатель, — представил он вошедшего Грину. — Что вы сегодня скажете? — обратился к Ренару.

— Вы шарлатан, Бек, — ответил Ренар. — Ваши сны как огуречные семечки: красная им цена — не больше су за столовую ложку. Вы же берете за штуку от одного до пяти франков. Шкуру сдираете с покупателей!

— Но, мсье Ренар...

— Обман! — воскликнул Ренар. — Не может быть, чтобы камни разговаривали с людьми! Лет двести тому назад, Бек, вас за такие шуточки сожгли бы на костре и пепел выкинули бы в Сену!

— Мсье Ренар...

— И в наше время вы плохо кончите, Бек. Поверьте мне, такие шуточки вам никто не простит. Камни разговаривают с людьми! — повторил он.

На этот раз Бек не пытался возражать или прерывать Ренара.

— Где он набрал таких снов? — обратился Ренар к молча стоявшему Грину. — Он их сам фабрикует, вот что я вам скажу! Ну и фабриковал бы приятные компании в баре, пикники. Так нет — камни разговаривают с людьми! Где вы видели, чтобы камни разговаривали с людьми?

Грин нигде ничего подобного не видел, но промолчал.

— Вы первый раз в лавке? — спросил у него Ренар. — Встретимся в другой раз, посмотрю, что вы скажете, — продолжал он на утвердительный кивок Грина. — А скажете вы то же самое, что и я говорю: шарлатанство. А Бек колдун. Сжечь его надо!

Порылся в карманах, вытащил несколько франков. Щвырнул продавцу:

— Еще!

— Что вам предложить? — спросил Бек.

— То же самое.

— Говорящие камни? Планету гигантов?

— И камни и гиганты — пойдет!

— Хорошо, мсье Ренар.

Тут Грин заметил, что разговор с Ренаром Бек ведет по-английски. Ведет его так же ясно и кругло, обкатывая каждую фразу, как разговаривал с Грином. Ренар, в свою очередь, говорит на родном языке, не отвечая по-английски ни слова. Станный разговор. Или это кажется, удивился Грин. Удивиться ему в этой лавке придется еще не раз.

Продавец шарил по полкам, высыпая что-то из цветных мешочков в целлофановый прозрачный пакет, и, когда закончил работу, передал пакет в руки Ренару. Грин увидел, что в пакете была горстка цветных таблеток, круглых и плоских, похожих на медицинские. Ренар взял пакет, заглянул внутрь, словно оценивая, не мало? Удовлетворился и опустил пакет в нагрудный карман.

— Ладно, Бек, — сказал он. — Увидим, что еще тут.

Продавец смотрел на него, и глаза его были грустными. Впрочем, Грин заметил эту грусть раньше, во время разговора с Ренаром, словно разговор был не о том, о чем надо было поговорить, и предложить покупателю надо было что-то другое, но — что поде-лаешь?

Ренар повернулся и молча вышел.

— Ну,— спросил Бек, обращаясь к Грину,— что вам предложить?

— О чем вы грустите? — спросил Грин.

Кажется, вопрос застал продавца врасплох, тот смутился.

— О чем? — настойчиво повторил Грин.

— В этом,— продавец кивнул на полки у себя за спиной,— богатства всей Вселенной.

— Не слишком ли? — усомнился Грин.

— Не слишком, господин Грин.

— Вы знаете мое имя?

— Оно у вас на руке.

Да... у Грина часы — подарок друзей. Но... Имя на тыльной стороне часов, прилегающей к ремешку! Грин невольно поглядел на часы. Когда же поднял взгляд, перед ним был все тот же Бек, с ясными смеющимися глазами.

— Мистер Грин,— говорил он,— не принимайте всерьез высказываний Ренара. Он шутник. Он много говорит и всегда несерьезно. Он француз.

— А вы кто? — спросил Грин.

Бек словно не расслышал вопроса.

— Что же вам предложить? — спросил он.— С альфы Центавра? С Персея, Лиры?

Грин вспомнил свое решение купить несколько снов.

— Хорошо,— сказал он.— Я возьму. Только без вашей рекомендации.— Ему пришли на ум слова Ренара о шарлатанстве. «Не поддаваться уговорам,— подумал он.— Пусть Бек не руководит мною. Возьму наугад, что будет».

Между тем продавец ждал, готовый к услугам.

— Дайте мне из этого вот, из розового пакета. И из этого — из зеленого. И еще...— Грин показал на пакеты в разных концах полок.

— Хорошо, хорошо,— говорил Бек, отбирая таблет-

ки по его указанию.— Что хотите, то и возьмете. Это с Мицара... На миг задержал в руках пакет с розовыми таблетками.— О-о-о... Мистер Грин,— сказал он.— На первый раз этого я бы вам не посоветовал.

— Давайте, давайте,— настаивал Грин.

Со вздохом Бек отсыпал из розового пакета. Когда в его руках был зеленый, он опять обернулся:

— Мистер Грин...

— Давайте! — поторопил Грин.

Зеленая таблетка упала в целлофановый прозрачный пакетик.

Через минуту, вручая покупку Грину, Бек говорил:

— Принимайте на ночь. Перед тем, как ложиться спать. Запейте водой. Таблетки действуют сразу — мгновенно входят в чужой мир. Запейте водой,— повторил он.— Хуже, если чаем или кофе,— сны получаются искаженными. Любители сильных ощущений запивают таблетки джином. Но последствия, сэр, ужасны. Ужасны! Ощущения настолько обострены, что некоторые клиенты попадают в больницу. Но ведь и алкоголики попадают в больницу, не так ли?.. — Бек улыбнулся.— Все же заливать джином не советую.

— Вы мне все-таки объясните... — сказал Грин.

— Что объяснить?

— Насчет снов и других миров.

Бек посмотрел Грину в глаза:

— Миры очень разные,— сказал он.— И разумные существа тоже разные. Некоторые могут вызвать отвращение, ненависть, насмешку. Ното,— употребил он латинское слово,— хотят видеть себе подобных. Хотя бы интеллектуально совместимых... Представьте: камень, лежит тысячу лет. А это вовсе не камень. Он мыслит, существует, имеет форму. Являются пришельцы. Обтесывают камень, кладут в фундамент постройки. Если бы вас так — в фундамент...

Слова продавца были странны, как и он сам. Верить им или не верить у Грина не было оснований. Он

вынул бумажник, расплатился, взял с прилавка пакетик.

Получив плату, Бек, не глядя, бросил бумажки в ящик.

— Вы уронили пять франков на пол, — заметил Грин.

— Да... — Бек нагнулся поднять бумажку, зацепил шляпой за край прилавка. Шляпа сдвинулась набок, обнажив ухо. Солнечный луч, пробившийся в лавочку, падал на прилавок и за прилавок. Осветил ухо Бека и часть щеки. Ухо было длинное, как у зайца, закругленное на конце, покрытое белым пухом. Белым блестящим пухом! Это потрясло Грина.

Но еще больше потрясло обстоятельство, замеченное Грином, когда он выходил из лавки. Витрина была высокая, узкая, состояла из двух стекол, сложенных одно к другому впритык. На верхнем стекле, над линией стыка, стояла надпись: «Сны на выбор». Так можно было прочесть изнутри лавки. Так же читалась надпись и с улицы — одинаково с обеих сторон! Пораженный, Грин задержался, не выпуская ручку двери: вернуться? Вспомнил уши продавца, зубы лопатками. Отдернул руку, словно ручка двери раскалилась под его пальцами, и поспешно зашагал прочь.

Магазин Лебрена Грин отыскал. Но антиквара не оказалось: на несколько дней он выехал из Парижа. Статуэтку Анубиса Грин тоже увидеть не мог, старший продавец сказал, что она у хозяина в сейфе.

Не везло в этот день египтологу. И наверно, не повезет в следующие дни. Когда вернется Лебрен?

Чувство досады не покидало Грина до вечера. Тут еще эта странная лавка «Сны». Время от времени Грин нащупывал пакет в нагрудном кармане. И когда ловил себя на этом почти детском занятии, начинал злиться. Но тут вставала перед глазами физиономия продавца, уши в белом пуху, надпись: «Сны на выбор». Почему его поразила надпись, если и без того было столько по-

разительного в продавце, в разговорах? Да, надпись читалась одинаково изнутри лавки и с улицы. Как это сделано? Может, было две надписи? Нет, одна. Грин обратил внимание на нее, когда входил в лавку, — надпись на стыке двух стекол. Несколько раз смотрел на нее, когда был в лавке. Две надписи насаивались бы одна на другую. Надпись одна! Колдовство какое-то!

Вечером у себя в номере Грин достал пакет и высыпал таблетки на лист почтовой бумаги. Их было шестнадцать: четыре зеленых, четыре желтых, по четыре белых и розовых. Так просто — проглотить и лечь спать?.. С минуту Грин рассматривал цветные кружочки, выпуклые с боков, с закругленными кромками — чтобы легче глотать. «Начну вот с этой, розовой», — решил он. Вспомнил, как продавец предупреждал его: «Мистер Грин, на первый раз...» «Начну с розовой!» — упрямо повторил Грин, расстегивая запонки на сорочке.

Проглотив таблетку, Грин запил ее водой, лег в постель и погасил ночник.

Сразу же он оказался на улице, в толпе бегущих людей. Бегущих — не то. Люди мчались массой, потоком, затирали друг друга, огибая препятствия — машины или вагоны трамвая, — бились, как рыба в сети, на запруженных перекрестках. Кричали, ругались, грозили кому-то, плакали. Грин, не понимая, мчался с другими, не в силах остановиться, зацепиться за что-нибудь — ему оторвали бы руки. Единственной его мыслью было: не споткнуться и не упасть. Заметил, что тяжело дышит, как все другие, пот струйками льется ему за шею, застилает глаза. Когда бег его выровнялся — толпа влилась в широкий прямой проспект, — Грин стал прислушиваться, стараясь понять, что происходит.

— Это случилось! — слышалось там и здесь. — Это сейчас случится!..

— Они уже дали залп!..

— Нам надо спрятаться!

— Боже мой, куда же мы спрячемся?..

Грин, заражаясь этой мыслью, ощутил, что надо спрятаться и что он не знает, куда спрятаться.

Толпа бурлила вокруг, мчалась, стонала и сквернословила:

— На виселицу ублюдков!

— Попробуй достань!..

— Нам-то уже конец!

— О, подлые, подлые...

— Слышите?

Вдали ревел репродуктор: «Спасайтесь в бомбоубежищах! Торопитесь! Еще десять минут!..» Голос захрипел, захлебнулся, и только метроном отсчитывал полусекунды: так-так, так-так...

Грина оттерли к тротуару, к стенам. В панике он попытался плечами, локтями пробиться на середину улицы, но его тут же швырнуло в подворотню, и он почувствовал, что может свободно вздохнуть. Рядом с ним оказался старик, прижавший руки к левой стороне груди, старавшийся удержать сердце. На губах его была пена, широко открытый рот яростно втягивал воздух.

— В чем дело? — крикнул ему в лицо Грин. — Что происходит?

— Они дали залп! — ответил старик, откашливаясь. — Они уже начали!

— Что начали? — выходя из себя, крикнул Грин.

Вместо ответа старик спросил:

— Вы проспали или пьяны?

Грин готов был схватить старика, потряхнуть, но тот продолжал:

— Или вы с неба свалились?

— Я нездешний, — сказал Грин.

— Нездешний! — дернул плечами старик. — Из преисподней? С другой планеты?.. Не видите — они начали атомную войну! — крикнул он.

— Атомную войну!.. — Грин взглянул на ревущий людской поток, мчавшийся вдоль проспекта. По спине его пробежала дрожь.

— Куда мчатся эти бараны? — Старик перехватил его взгляд. — Через десять минут от них — от всех нас! — останется пепел. — Ноги подкосились под ним, он стал сползать на землю, вытирая спиной известку с белой стены. — Куда мне бежать?..

Поток вынес в подворотню юношу. Тот рыдал.

— Все пропало! Мои картины! — В руках его были кисти, холсты. — Мои замыслы, жизнь, любовь! Все пропало! Безумцы! — завопил он, вскидывая вверх руки. — Допрыгались, втянули в войну! Будьте прокляты! — потряс он руками. — Будьте прокляты!

Рванулся, смешался с толпой, но еще долго был слышен его пронзительный голос: «Будьте прокляты!»

— Никуда я не пойду дальше, — сказал старик. Он сидел на земле, раскинув ноги. Но тут же вскочил, втиснулся в толпу, побежал. Грин побежал за ним.

«Бомбоубежище. Бомб...» — блеснули красные буквы за два или даже за три квартала. Толпа, старик и вслед за ним Грин мчались к этой спасительной надписи.

— Восемь минут до атаки! — прорывал динамик, и метроном опять стал отсчитывать полусекунды.

«Только бы добежать», — думалось Грину. Как медленно приближаются огненно-красные буквы! Скорее, скорей!..

Возле убежища никакого движения не было — толпа стояла плотно, как монолит. Проем могучих, многотонных, раздвинутых под аркой дверей был забит людьми, старающимися втиснуться в коридор, в туннель, ведущий вниз, в подземелье; забито людьми преддверие, улица; люди напирали друг на друга и стояли так плотно, что между ними не могла бы проскользнуть мышь. «Пустите! — слышались время от времени задавленные приглушенные голоса. — Пустите!..» Но пускать было некуда, да и никто не пускал: толпа втиснулась в дверь, уплотнилась, застыла. Такая же теснота была в туннеле и в подземелье, наверно, была такая же теснота.

— Пустите! — кричал старик, прилипший к чьей-то спине. Грин в свою очередь прилип к спине старика, чувствуя, как на него давят уже десятки, сотни людей. Горячее дыхание жгло Грину затылок, вокруг были перекосенные искаженные лица, безумные, побелевшие от страха глаза, искривленные губы — люди были задавлены так, что не могли набрать в грудь воздуха.

— Пять минут! — проревел где-то над головой динамик.

— Пустите! — крикнул опять старик. Грин уперся руками в чьи-то плечи, всеми силами стараясь дать хоть чуточку места старому человеку.

— Я неудачник, — жаловался старик. — Я всю жизнь неудачник! Мне не везло в делах, не везло с семьей. Ни разу я не выиграл в лотерее. Вы выигрывали? — кивнул он в сторону Грина. — Другие выигрывали дачи, машины, я никогда не выигрывал ничего! И вот сейчас погибну на улице, как собака. Пустите! — Он стал яростно колотить по спинам, по плечам стоявших впереди людей. В ответ ему оборачивались, огрызались, бросали злые слова.

— Три минуты! — прогремел динамик. — Закрывайте бомбоубежища! Закрывайте бомбоубежища!

Двери начали сходиться, давя, уродуя, отбрасывая людей.

— Палачи! Убийцы! — взревела толпа.

— Убийцы! — кричал Грин вместе со всеми.

В этот момент раскололись земля и небо. Мертвенно-синяя вспышка вошла в глаза Грина, в мозг, в тело, пронизывая его насквозь, испепеляя.

— А-а-а!.. — закричала толпа.

Грин тоже хотел закричать, не успел — проснулся в липком поту.

Несколько секунд он прислушивался: не рушится ли, не горит за окном? Сердце колотилось о ребра, мышцы рук и ног медленно расслаблялись. Стоило немалых усилий понять, что все виденное было сном.

«А может быть, явь?» — прислушивался Грин к тишине. Толпа, бег, вспышка? Может быть, это здесь, в городе? Но постепенно приходили подробности: у старика на руках по четыре пальца, и у юноши по четыре пальца, глаза поставлены рядом, почти без переносицы!.. Это был чужой мир. Но как Грин оказался в нем? Если бы только сон. Грин сел на кровати, стиснул руками голову. Все это было!

Убежденность, что это было, пронизала его как молния. Грин потянул за шнур, поднял штору окна. Спящий город лежал перед ним. С двадцатого этажа гостиницы он виден как на ладони. Чертила красными огнями в воздухе башня Эйфеля, громадился вдалеке Нотр-Дам. Грин зажег свет, походил по комнате, стараясь успокоиться; спокойствие не приходило. Вспоминались новые подробности. «Осталось десять минут. Пять!..» Четко поставленная служба информации... Вспоминались многотонные двери бомбоубежища, хруст костей, когда они закрывались — давили и уродовали людей.

— Господи!.. — Грин опять зацагал по комнате.

Шагал час, два и уже перед рассветом, чтобы уснуть, принял вторую таблетку, зеленую.

Грин очутился на плоской бесконечной равнине, под выцветшим небом и маленьким красноватым бессильным солнцем. Стояла полная тишина, нигде не было видно движения — заколдованное, может быть, мертвое царство. Душой и телом Грин ощутил, что это старый мир, очень старый, проникнутый грустью воспоминаний и умирания. Грин шел, не зная, куда, лишь бы не стоять на месте, не оцепенеть в этом неподвижном и омертвевшем спокойствии. Ступни тонули в буром податливом мху, и все кругом было бурое — камни, почва. В белесом, вылинявшем от времени небе — ни облачка, на горизонте — ни кустика, только по правую руку пологие размытые дождями, может быть, тысячами холмы. Грин шел медленно, с трудом вдыхая сухой обескислороженный воздух. «Куда я иду? — думал он. — А не все

ли равно? Я живой в этом мертвом мире, потому и иду. Стоит остановиться — превращусь в камень».

Так он добрел до канала. Это был обмелевший канал, по дну которого текла слабая струйка воды. «Пойду вдоль канала,— решил Грин,— по течению. Приведет же канал куда-то».

Идти пришлось долго. Но канал привел его в город. Станный земляной город: гигантские кучи земли, похожие на кротовые, только куда там кротам — каждая куча величиной с двухэтажный дом. В городе были улицы, была площадь. На площади тоже холм, только повыше и пошире других. На нем металлическое ажурное сооружение в виде башни — первый металл, который заметил Грин. Вообще-то он не сомневался, что мир обитаем: канал и город подтверждали это, хотя Грин не встретил ни одного живого существа.

Холмы-дома, понял Грин, каждый холм имел выход на улицу: лаз в виде норы. Грин миновал несколько домов, прежде чем решился войти в такую нору. Ему пришлось нагнуть голову, хотя при его росте — метр семьдесят шесть сантиметров — нора была просторной. Удивительно, в норе — или в туннеле — было светло. Откуда свет, Грин не заметил, хотя внимательно оглядывал пол и стены. Они были темными, утрамбованными, до блеска притертыми, словно их долгое время приглаживали и шлифовали кожей. Откуда свет, Грин так и не понял — просто туннель светился. Пройдя немного прямо, Грин почувствовал, что туннель сворачивает вправо и, по-видимому, идет внутри холма по спирали. Так оно и было в действительности: внутри дома Грин сделал несколько витков. Но вот открылось круглое помещение, тоже освещенное, пустое. Круглую залу пересекал ручей, пол был покрыт бурым, уже виденным мхом. На одном берегу ручья мох был примят — ложе, догадался Грин. Но в зале никого не было.

Постояв минуту, Грин повернул назад, вышел на улицу. То же красноватое солнце, резкий сухой воздух,

от которого тянуло на кашель. Внутри холма дышалось легче. Он вошел в другой дом. И здесь туннель повел его по спирали. Была здесь круглая зала, и ручей, как в первом доме, и прямое ложе. Но и здесь никого не было. Никто не встретил Грина и в третьем, в пятом, в седьмом доме. И только в восьмом — совсем уже в центре города — Грин наткнулся на обитателя.

Это было существо в виде гигантской змеи, с круглой головой, с лапами. Кожа на спине, на боках бугорчатая, лоснящаяся и сморщенная, черная, будто начищенная сапожным кремом, только на брюхе бурая. Существо спало: ласты его были опущены в воду — как и во всех домах, здесь тоже ручей, — глаза закрыты. В круглом помещении оно изогнулось, как червь, голова его была повернута к входу — к Грину. Трудно было определить сразу, что у существа — лицо или морда: рот широк, сжат, губы твердые, кожистые. Вертикальные щелки закрытых глаз, и над ними огромный лоб, выпуклый, даже, показалось Грину, насупленный. Надо лбом — острый гребень жестких волос.

Существо спало, определил Грин. Но оказалось не так: существо грезило. В этом Грин убедился, когда оно вдруг открыло глаза и спросило:

— Откуда ты?

— С Земли... — ответил Грин, застигнутый вопросом врасплох.

— Появляетесь вы внезапно, — сказала существо. — Приходите и уходите.

— Я с Земли, — повторил Грин, потому что не знал, что сказать и как продолжать разговор.

— Знаю, — сказала существо. — С края Галактики.

Грин промолчал — опять ему сказать было нечего.

— Все равно вы нам не поможете, — сказала существо. — Вы еще черепахи в своем болоте.

— Почему вы так?.. — спросил Грин.

— Вы еще не вышли из пеленок, — последовал от-

вет.— Вы молоды...— В последней фразе Грин уловил что-то похожее на зависть.

— Как называется ваша планета? — спросил Грин.

— Элора.

— Как вы живете?

— Иди и смотри,— ответило существо,— я помогу тебе узнать все о нашей планете.

Глаза существа, черные, блестящие, величиной с блюдце, слезились.

— Иди,— повторило оно.— Смотри. Не забудь зайти в Храм Видений,— сказала оно уже вслед Грину, когда он повернулся, чтобы идти.

Грин выбрался из туннеля и опустился на камень, тут же, у входа, продумать разговор и осмыслить увиденное. И вдруг без всякого напряжения он стал понимать, что тут происходит. Мысли словно возникали перед ним, плавали в воздухе — каждую можно было взять и рассмотреть как предмет.

Элора — старый умирающий мир. Разум существует здесь миллионы лет. Были на планете громадные города, заводы, была технически развитая цивилизация. И все миновало. После технического прогресса пришла биологическая эпоха. Элоры поняли, что всю технику, машины — решительно все можно воплотить в живом теле. Стали перестраивать организм, развивать отдельные органы. Все оказалось удивительно ясным и упростило жизнь. Кожу сделали способной усваивать питательные вещества — справляются же с этим листья растений! Мысль превратилась в волну, планета оказалась как на ладони: посланная под определенным углом, мысль отражалась от ионосферы, падала на любой участок планеты, еще раз отражалась и приходила к владельцу в виде изображения. Мозг оказался способным порождать любые картины и грезы. Мозг вообще был неисчерпаем: делал открытия, постигал законы природы, решал математические, физические, философские задачи и построения. Гребень на голове превратился в

антенну, способную принимать передачи из космоса. Упразднились заводы, транспорт, телекоммуникации, каждый элор стал сам для себя вселенной.

— Чем же вы похожи на нас? — мысленно спросил Грин.

И получил мысленный ответ:

— Ничем. Ваш разум зародился у теплокровных зверей, живших на деревьях и спустившихся позже на землю. Мы, если можно так сказать, происходим по прямой линии от динозавров. Кровь у нас холодная.

Грин поднялся с камня и пошел в центр города, к холму, на котором блестела металлическая плетеная башня. Что-то подсказывало ему, что это Храм Видений.

Он не ошибся. Пройдя туннелем, который был шире, чем в обычных домах, и сильнее блестел, видимо, отшлифованный телами многих поколений элоров, Грин оказался в громадном зале, в котором, в отличие от других залов, ручья не было. Зато часть стены, противоположная входу, была превращена в экран, а может, белая металлическая пластина была встроена в стену. К верхним углам пластины подходили толстые провода — от металлической башни, догадался Грин. Зал был заполнен змеиными лоснящимися телами — здесь было двадцать, может быть, тридцать элоров, лица всех были повернуты к экрану.

А там возникали и исчезали видения, смысл которых сначала показался человеку непонятным. Да Грин и не присматривался к ним, оглядывая зал, элоров. Что здесь? Действительно храм? Или клуб? Или помещение для непонятного ритуала? На вошедшего здесь не обратили внимания — смотрели на экран, молчали. Грин тоже стал смотреть на экран.

На экране проходила вереница миров. Сумрачные, светлые, цивилизованные и необжитые, они сменялись один за другим, как кинокадры. Все это молча, молча, и, когда Грин простоял час, смена картин стала утом-

лять его. Утомляла она и элоров. Постепенно они начали разговор — комментарий к видениям. Что это был за разговор!.. У Грина сердце наполнилось холодом от этого разговора, спину свело от ужаса, как будто колющий песок сыпался ему за ворот.

Когда на экране появилась развитая цивилизация, с великолепными городами, с улицами, наполненными красивыми и веселыми людьми, кто-то сказал:

— Эти умрут. Все до одного.

Пришла другая картина: толпы, карнавал, праздник. И опять в зале раздался голос:

— И этих ожидает гибель и смерть.

Никто больше не сказал слова, не возразил, не выразил одобрения тем, на экране. Видимо, элоры были согласны с мнением собрата, продолжали смотреть на экран. А Грин более внимательно посмотрел на них: огромные слезящиеся глаза, бугорчатые тела, иссеченные морщинами. Старость чувствовалась в каждом элоре, старость заполняла зал до краев. Чем жили эти змеи, с человеческим лбом и разумом? Прошлым, воспоминаниями? Или злобой и страхом скорого исчезновения? Пресыщенные, достигшие всего и пережившие все, они уже ничего не желали. Ни себе, ни другим.

И вдруг на экране предстала частица Земли. Поле, жнецы, вязавшие пшеницу в снопы. Были здесь женщины, мужчины, молодые и старые. Работа нравилась им, они смеялись и, видимо, перекликались друг с другом. «Где это? — подумал Грин. — В Канаде, в Голландии?..» Но тут один из элоров сказал:

— Зачем они существуют?

— Чтобы есть, — ответил другой. С насмешкой добавил: — Жрать и умереть.

— Умрут, — сказал третий.

Грин попятился из зала, а когда оказался в туннеле, повернулся и побежал к выходу.

Проснулся он от стука. Стучали в дверь и, по-видимому, давно.

В окна глядело солнце и земное синее небо. Грин облегченно вздохнул — это не было продолжением сна. И сказал:

— Войдите.

Вошла горничная, в чепце, в переднике. Остановилась на пороге:

— Что с вами, мистер Грин, пять минут стучу.

— Ничего, — ответил Грин. — Что вам нужно?

— Я думала, что вы заболели, мистер Грин. Вынуждена была войти. Уже двенадцать часов, — посмотрела на медальон на груди. — Четверть первого...

Лицо у горничной было круглое, с яркими накрашенными губами. Верхняя губа чуть приподнята, отчего на лице застыла гримаса легкого изумления.

— Вам ничего не нужно? — спросила горничная.

— Ничего, спасибо, — ответил Грин.

— Я хотя бы переменю цветы.

— Перемените после, — сказал Грин, — пойду завтракать — тогда и перемените.

— Обедать... — поправила горничная и удалилась.

Прежде всего Грин позвонил в лавку Лебрена. «Хозяин еще не вернулся», — ответили ему, и Грин понял, что перед ним целый день, который некуда деть. Хорошо, хоть проспал все утро. Но тут ему вспомнился сон, змеевидные тела элоров, и Грин поежился: как это страшно... Нет, поправил сам себя: тоскливо.

Это чувство засело в нем, не давая сосредоточиться, найти занятие. Спустился в холл, но читать не стал. То и дело поглядывал на часы, пока наконец решил, что лучше всего пойти в Лувр, посмотреть древний отдел. В Лувре Грин бывал всегда, когда посещал Париж.

Так он и сделал: пообедал в ресторане, пошел в Лувр. Такси он не взял: идти по солнечным улицам в пестрой толпе было приятно, и Грин чувствовал, как постепенно из него выветриваются ночные кошмары, тело становится гибким, сильным, а шаг уверенным.

Но под сводами Лувра, в отделе египетских древ-

ностей, в запахе тлена и при виде высохших мумий, перед глазами начали оживать картины последнего сна. Грин поспешил выйти во внутренний двор музея и здесь присел на скамейку в сквере.

Ужасный мир! — дал он волю воспоминаниям. Смерть, гибель чувствовалась во всем: в белесом небе, в усталом солнце, в туннелях, отшлифованных кожей, в самих элорах. Неужели цивилизация может так деградировать? Пресытиться и замкнуться в себе? Как они говорили! Как ненавидят все живое, цветущее!.. Ненависть — признак дряхлости, умирания. Может быть, им чем-то можно помочь? Грин мучился на скамье, отвращение, жалость к элорам, брезгливость боролись в нем, и он не мог понять, чего все-таки больше в его душе, жалости или отвращения? Но тут же Грин подумал, что и человеческую кожу можно превратить в орган дыхания и питания, мозг — в локатор, и содрогнулся: никогда! Замкнуться в себе всему человечеству! «Бр-р,— повторил Грин,— никогда!»

В сквере он просидел до вечера. Сны-утопии, думал он, сны — предупреждения о том, какими путями нельзя развиваться цивилизации. А какими путями ей развиваться? На этот вопрос у Грина ответа не было.

Вернувшись, Грин прежде всего увидел, что таблеток на столе нет. Может, он положил их в карман? В кармане не было. В стол? И в столе не было.

Грин позвонил горничной.

Девушка вошла и так же, как утром, остановилась на пороге.

— Таблетки? — коротко спросил Грин.

— Мистер Грин, я их выбросила в мусоропровод. Они ведь совсем испортились: одни пожелтели, другие стали совсем зелеными...

— Как вы смели?.. — Грин смотрел в круглое лицо девушки, на глупо приподнятую губу, отчего на физиономии горничной застыло недоумение.

«Черт бы тебя побрал,— ругался он про себя.— Эти гостиничные служки всегда лезут не в свое дело!»

— Впрочем, мистер Грин... одна таблетка... Вот она! — Горничная порылась в кармане, достала белую таблетку, положила на стол.— Если не побрезгуете, мистер Грин... — Девушка покраснела.

«Ну что ж, у нее еще есть совесть»,— подумал Грин, глядя на пунцовые щеки девушки. Гнев его утихал.

— Простите меня,— упрашивала между тем девушка.— И не говорите об этом метру. Меня уволят с работы.

— Подите прочь,— сказал Грин. Таблетка лежала на столе, и только она привлекала его внимание.

— Жаловаться не будете? — обернулась в дверях горничная.

Грин молча кивнул ей вслед.

Таблетку он принял через час, после сомнений и колебаний — стоит ли? «Страшные сны»,— думал он. Но ведь он сам их выбрал! Все этот Ренар: шарлатанство... Нет, это не шарлатанство. Но и что на самом деле, трудно было сказать. Знакомство? Попытка контакта? Предупреждение?.. Грин держал на ладони белую таблетку. «Не все же миры такие мрачные?» — думал он. В Храме Видений он видел города, толпы веселых людей. Есть же цивилизации светлые, полные жизни и, наверное, недалеко ушедшие от нас в развитии. Зря он выбирал сам. Надо было довериться продавцу. Тот для начала дал бы ему не такое мрачное.

С этой надеждой Грин проглотил белую таблетку и запил ее водой.

Прежде всего он увидел перед собой колонны — четыре колонны.

Он стоял в кустарнике, который был ему по грудь. Но это вовсе не кустарник, определил он тут же — трава. И перед ним четыре колонны. Прошло еще секунды две, прежде чем он понял — колонны двинулись на него,— что это не колонны, а ноги, громадные ноги. И ког-

да он поднял голову вверх, увидел двух мальчишек, склонившихся над ним. Что это были за мальчишки! Высотой в трехэтажный дом!..

— Смотри-ка,— сказал один.— Он совсем перестал двигаться! — Грин, ошеломленный, стоял на месте как вкопанный.

— Мимикрия,— сказал второй мальчишка.— Обычная уловка зверей: принять неподвижную позу или притвориться мертвым.

— Мимикрия — это не то,— возразил первый мальчик.— Мимикрия — когда меняют окраску, а этот как был серым, так и остался.

Грин был в сером костюме.

— Ты прав,— сказал второй.— Просто он обомлел от страха.— Тут он протянул руку и схватил Грина.

Лучшее в положении Грина было не сопротивляться и выждать, что будет дальше. Так он и сделал.

— Он похож на нас,— сказал первый мальчик, глаза у него были голубые, величиной с колесо.— Откуда он взялся?

Второй мальчик рассматривал Грина и ничего не ответил.

— Нет,— сказал первый,— ты посмотри, как он похож на нас!..

Второй двигал пальцами и ладонью, отчего Грин с трудом удерживал равновесие.

— Отдаленно...— возразил он, все еще двигая пальцами.

— Прямостоящий,— продолжал спорить первый мальчик.— С четырьмя конечностями и головой.

— Суслик, когда стоит,— возразил второй мальчик,— тоже прямостоящий, с конечностями и головой. Отнесем его к профессору Чикли.

— Отнесем! — согласился первый. Ребята были юными натуралистами и очень обрадовались находке.

Мальчишка сжал пальцы, притиснул Грина. Тот задержался, у него перехватило дыхание,

— Ого! — воскликнули оба мальчика. — Вышел из столбняка!

Пальцы чуть-чуть разжались, четыре громадных глаза придвинулись к Грину вплотную.

— Ты осторожнее, — сказал первый мальчик. — Не раздави.

— А если он выпрыгнет — убежит?

Какое там! Грин мечтал об одном: как бы его не уронили. А ну-ка, с высоты третьего этажа!

Видимо, профессор Чикли был тоже натуралист, и его лаборатория стояла в поле — ближе к природе. Не прошло и трех минут, как Грин оказался у него на ладони — жесткой, пересеченной морщинами, как вспаханный земельный участок.

— Ха! — говорил он. — Любопытно! Прелюбопытнейше! Где вы его нашли?

— В поле.

— Ха! — повторил профессор. — С рождения ничего подобного не встречал!

— Новый вид? — обрадовались ребята.

— Трудно сказать... — Профессор рассматривал Грина. — Надо испытать его на разумность.

Борода профессора тряслась при разговоре, волосы были как проволока, и Грин боялся, что конец бороды сметет его при случайном прикосновении.

— Идея! — подхватили мальчишки. — Испытать его на разумность!

Профессор был удовлетворен поддержкой юных друзей и тут же повторил:

— Испытаем.

Не успев оглянуться, Грин оказался в бетонном вольере, глубиной метра полтора. Вольер представлял собой сооружение величиной, пожалуй, со стадион. К одному краю стёны вольера поднимались наподобие спинки жестяной ванны, а на самом верху было встроено вогнутое, как в широкоформатном кинотеатре экран, зеркало. В зеркале отражалось устройство всего вольера, и

Грин увидел, что это был лабиринт. Траншеи изгибались под разным углом, пересекали одна другую, заграждались стенами.

Под зеркалом было несколько ниш, к ним вели извилистые ходы траншей.

— Вот так! — сказал профессор Чикли, поставив Грина в траншею, в противоположном конце от зеркала. — Тут мы его и проверим.

Грин, пришедший в себя от неожиданной встречи и предчувствуя, что испытание не принесет ему ничего доброго, закричал:

— Что вы делаете?

Мальчики тотчас заметили:

— Пищит.

— Пищит, — ответил им в тон профессор. — Положим ему еду.

В одной из ниш под зеркалом появилось два яблока — громадные яблоки, величиной с арбуз.

— Пошел! — Профессор толкнул палочкой Грина, палочка была толщиной в трехдюймовую жердь. — Ты же, наверно, проголодался.

Грин не двинулся с места, им овладело оцепенение. Куда он попал? Что за испытание? Ведь он человек, а его посадили в вольер, как мышь! Все протестовало в нем, но как он мог выразить протест перед гигантами?

— Пошел, упрямец! — Профессор подтолкнул палочкой Грина так, что тот чуть не упал. — Ну, пошел!

И Грин пошел. В зеркале он видел проходы к яблокам. Есть ему не хотелось, но что делать? Упрямыться? Профессор жердью переломает ему ребра!

Грин шел прямым путем, и профессор поддакивал ему вслед:

— Так, так...

— Держу пари, — сказал мальчишка с голубыми глазами, — дойдет до яблок.

— Посмотрим, — откликнулся второй, который, видимо, был злокой и скептиком.

— Так, так...— говорил между тем профессор Чикли. Грин дошел уже до половины пути, как вдруг с грохотом перед ним встала стена. В зеркало Грин видел другие ходы, свернул налево.

— Дойдет! — сказал голубоглазый мальчишка.

Второй молча смотрел на подопытного.

Тут перед Грином встала вторая стена, и он опять повернул влево.

— Недурно! — одобрил профессор.

Голубоглазый мальчишка завопил в восторге:

— Дойдет!

Скептик помалкивал.

Перед Грином продолжали вставать преграды: третья, четвертая... Сжав зубы, он метался вправо, влево — вольер действительно был немаленький.

— Ха-ха-ха! — хохотали мальчишки.

— Ха-ха! — поддерживал басом Чикли, и это «ха-ха!» в бетонном вольере гремело как гром.

До яблок Грин добрался, хотя у него в кровь были разбиты колени, локоть правой руки: несколько раз он падал, натыкался на стены. Но он все-таки добрался.

— Ура! — захолопал голубоглазый мальчишка в ладоши. — Дошел!

— Чуть-чуть разумен, — согласился профессор Чикли и ласково сказал Грину: — Ешь.

Грин и не думал есть яблоки. Да и как их есть — каждое пришлось бы держать обеими руками.

— Ешь! — заорал на него второй мальчишка. В противоположность голубоглазому всю вторую половину испытания он молчал.

— Ешь, дурашка, — посоветовал ему Чикли.

— Не буду! — крикнул Грин.

— Опять пищит, — сказал голубоглазый.

— Интересно, о чем он? — задумчиво спросил Чикли.

— Испытаем его в магнитном поле, — предложил мальчишка-скептик.

— А что, можно в магнитном поле, — согласился про-

фессор и двумя пальцами вытащил Грина из бетонной траншеи.

— Отпустите! — взмолился Грин.

— Можно и в магнитном поле, — повторил благодушно профессор.

Тут Грин не стерпел и вцепился ему в палец зубами.

— Ой! — охнул профессор. — Ишь ты, — жестко сказал он тотчас, отдирая Грина от пальца, — кусается.

— Злобная тварь! — крикнули оба мальчика.

На пальце у профессора проступила лужица крови.

— Дайте, я с ним расправлюсь! — предложил мальчишка-злюка.

— Утопить! — сказал профессор, оторвав Грина за шиворот от ладони и встряхнув в воздухе.

— Не надо! Не надо! — закричал Грин, дергая руками и ногами, и от этого крика проснулся.

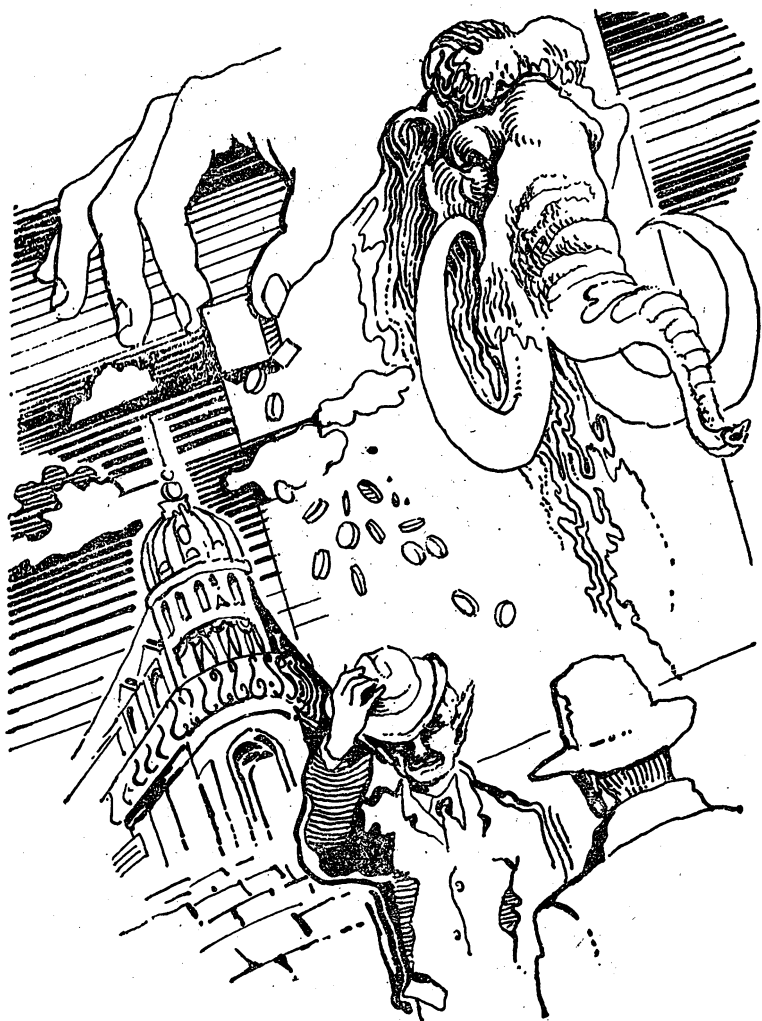
Была глубокая ночь, отель спал. Город спал с пригашенными огнями. Грин подошел к окну и простоял до рассвета, боясь вернуться в постель и увидеть продолжение сна. Хватит с него! Никаких больше таблеток! Правильно сделала горничная, что вышвырнула их, Грин сам бросил бы их в мусоропровод!

У него заболела голова, и он потребовал горячий крепкий кофе. Так он провел утро, стараясь ни о чем не вспоминать, успокоить нервы.

В десять часов он позвонил Лебрену.

— Хозяин вернулся, — ответили ему из лавки. — Можете приезжать.

Статуэтка Анубиса оказалась подлинной — подделки тут не было. Божок с головой шакала скалил зубы и, казалось, насмехался над Грином, Лебреном — они рассматривали его вдвоем, — казалось, презирал их, потому что пережил людей и богов и, конечно, переживет Грина, Лебрена, может, цивилизацию в целом: недаром он сделан, как говорили египтяне, из вечного камня. Грин был рад, доволен, что отвлекся от своих мыслей и

снов, весь день фотографировал статую, обмерял и делал ее описание.

— У меня есть для вас сюрпризы еще,— говорил Лебрэн, подбрасывая гостю то лунный камень с изображением Аменхотепа Четвертого, то свитки папируса, и этим завлек Грина так, что египтолог провел в кабинете Лебрэна, каморке, упрятанной в глубине дома, два последующих дня. У них было о чем поговорить: Лебрэн оказался не только торговцем, но и коллекционером древностей.

— Этот мир, ныне исчезнувший,— говорил он о периоде египетского Древнего Царства,— интересен моему. Пирамиды... В них что-то неземное.

Эта фраза напомнила Грину земляные холмы элов, лабиринт профессора Чикли. Напомнила продавца снов. Когда это было — встреча, разговор с ним? Прошло четверо суток.

Вечером Грин оставался в номере, вспоминая, даже пытаясь записать что-то из виденных снов. Ночь провел беспокойно, а утром решил поехать в известную ему лавочку. Что-то толкало его, и что-то отвращало от свидания с продавцом. И чтобы окончательно разобраться в своих ощущениях, Грин вышел из автобуса раньше — на улице Пуатье. Что он ответит странному человеку? Тот, конечно, спросит о снах. Может быть, Грин упустил возможность общения? Хотя бы с гигантами. У них высокоразвитая цивилизация. Но что сделал Грин, чтобы войти с ними в контакт?..

Чувство смятения не покидало Грина, пока он не дошел до знакомой улочки. Вот сейчас свернет за угол и увидит вывеску «Сны».

Грин свернул за угол, но знакомой вывески не увидел. Лавчонка была на месте: витрина, дверь, ступенька, вышедшая на тротуар. Но вывеска... Вывеска была другая: «Пуговицы». Грин замедлил шаги, подошел вплотную. Сквозь стекла витрины, соединенные встык, он увидел продавщицу с накрашенными губами, взбитой

прической и перед ней на прилавке — картонки с пуговицами. На витрине не было надписи: «Сны на выбор». Лавочка была та же, но продавщица, товар в ней — другие.

Грин не зашел в лавочку, прошел мимо. Вернулся и прошел еще раз. На улице никого не было, позднее утро: все, кому нужно, разошлись на работу, школьники — в школу.

Одинокая фигура Грина, видимо, привлекла внимание прохожего.

— Англичанин, сэр? — спросил он. — Угадываю по трости. Она у вас, как у Шерлока Холмса. Кого-нибудь ищете?

— Здесь была вывеска... — нерешительно начал Грин.

— «Сны»? — подсказал прохожий.

— Да, «Сны», — утвердительно кивнул Грин.

— Полиция, сэр, — ответил прохожий. — Наряд полиции! Кто-то донес на продавца.

Грин стоял, ожидая, что еще скажет собеседник.

— Удивительнее всего, сэр, — заговорил тот, — когда полиция наскочила на лавку, здесь уже были пуговицы.

Собеседник засмеялся, обнажив на миг редкие зубы:

— Представьте их физиономии, сэр!

— Куда же делся товар, вывеска? — спросил Грин.

— Никто не знает. Испарились. — Собеседник опять засмеялся. — Так, во всяком случае, говорят все, — добавил он.

— И вы верите? — спросил Грин.

— Почему бы не верить? Атомный век, поиски в космосе... А вам понравились сны? — вдруг спросил собеседник. — Хотя бы один?

— Не понравились, — ответил Грин. — Ни один. — К нему вернулось то же мрачное настроение.

Собеседник вздохнул:

— Жаль, сэр. Как трудно наладить контакт между галактиками. Ужасно трудно! Особенно между цивили-

лизациями, которые ценят форму, а не содержание. Принимают, так сказать, по обличью...

Грин промолчал. Собеседник помедлил и стал прощаться:

— До свидания, сэр. Желаю вам удачи в делах.

Приподнял шляпу. Концы ушей его были закругленные, розовые, покрытые белым пухом.

— До свидания,— сказал он еще раз и, не глянув Грину в лицо, повернулся и пошел вдоль по улице. Завернул за угол.

А Грин с удивлением заметил, что не может сдвинуться с места, точно прирос к асфальту. Не сдвинулся с места до тех пор, пока незнакомец не исчез за углом. Только когда он исчез, оцепенение прошло, и Грин кинулся вслед за ним. Но, увы, поздно: на улице никого не было. Ни души.

НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

I

Учитель-пенсионер Николай Иванович Волин вышел на прогулку, как обычно, в восемь часов. Четвертый год он не работает — оставил школу и превратился в свободного человека. У него масса времени, с которым он не знает, что делать. Время осаждает его с утра до вечера и даже ночью, когда не спится. Школа перешла от него к дочери, тоже учительнице, Ольге Николаевне. Живут они вдвоем. Желу Николай Иванович похоронил, когда девочке шел пятый год. Сейчас Ольге — двадцать один.

Сельцо Битюжное, из сорока четырех дворов, лежит на холме и состоит из двух улиц — центральной и боковой. На центральной улице клуб, магазин и бригада, с широким двором и навесом, под которым прячутся от дождя сеялки, бригадная автомашина. Школа и домик Николая Ивановича в начале улицы, на холме, а внизу протекает речка — Зеленая. Тут же, между холмами, лес: черемушник да калина.

В лесу Николай Иванович знает каждую мочажину и тропинку. Он и сейчас идет по улице, к лесу. Не спешит, да и спешить ему не к чему. Останавливается у бригадных ворот. Раньше здесь был колхоз «Заря», а теперь — бригада. Основная власть на селе — бригадир Лапшин, бывший ученик Николая Ивановича. Как раз он вышел из бригадного дома.

— Отдыхаете? — спрашивает у Николая Ивановича.
— Отдыхаю, Сережа.
— Все в лес? — Бригадир знает привычки старого учителя.

— Хожу-брожу. Гербарий Оленьке делаю.

Учитель еще поговорил бы с бригадиром, но тому недосуг: поправляет подпругу на лошади — едет в правление, в Жарово.

Перейдя мост через Зеленую, Николай Иванович сворачивает с дороги в гущину леса. Нужно нарвать горюцвета. Растет горюцвет на Круглой Поляне. Спуститься в ложок, потом подняться на Скальную Гриву — тут и Поляна.

Покой и сонная зелень обступают учителя. Тропинка петляет среди деревьев — его тропинка, Николая Ивановича. Он протоптал ее. Умрет — а тропинка, след его на земле, останется. Но еще много дней Николай Иванович будет ходить сюда так, как сейчас.

Спустился в ложок. Здесь сырее, выше трава. А вот и подъем на Скальную Гриву. Там и тут встречаются полянки-латочки. Старик пробирается от одной полянки к другой и вдруг останавливается. Впереди голоса — женский, взволнованный, и мужской, внешне спокойный, но и в нем проскальзывает тревога:

— Неужели застряли, Бин?

— Потерпи, Лола, пока не знаю причины.

— Я боюсь...

— Чего ты боишься?

— Кто-нибудь обнаружит нас.

— Место заброшенное. И неполадка, я думаю, пу-
стячная.

— В каком мы году, Бин?

— В тысяча девятьсот семьдесят пятом.

— О, Бин...

Странные звуки, будто железо царапает о железо.
И опять:

— Бин...

— Что, Лола?

— Вдруг это надолго?

— Не знаю. Что-то с ведущим контуром.

Голоса — впереди и чуть в стороне от тропинки. Николай Иванович сделал два-три шага, раздвинул кусты.

Сперва он ничего не понял: увидел что-то голубое с золотом и двоих, наклонившихся, как ему показалось, над выпуклым зеркалом.

— Помоги мне выправить.— Мужчина упирался в зеркало руками, как если бы хотел приподнять его.

Женщина тоже уперлась руками в зеркало — руки ее были голыми до плеч, тонкими и нежными.

— Тяжело, Бин...— пожаловалась она.

— Надо ее поставить нормально, Лола,— сказал мужчина и опять потянул за край зеркала. Шевельнулись кусты.

Тут Николай Иванович рассмотрел, что они стоят возле машины.

Видимо, машина потерпела аварию — свалилась на кусты и стояла накренившись. Выпуклое зеркало — это крыша машины, отшлифованная до блеска и отражавшая небо. Мужчина пытался выправить машину, стоял спиной к Николаю Ивановичу. Женщина, наоборот, — лицом. Старалась помочь мужчине стянуть машину с кустов, от усилия закусил губу.

— Тяжело...— опять пожаловалась она.

— Совершенно необходимо поставить машину нормально. Так она не улавливает силовых линий магнитного поля.

— Знаю, Бин, но что я могу поделывать?

— Ну-ка, еще раз, вместе,— сказал мужчина.

Тут глаза женщины встретились с глазами Николая Ивановича.

— Бин...— произнесла она.

Мужчина почувствовал страх в ее голосе, обернулся.

Теперь они оба глядели на Николая Ивановича. Учитель отметил твердые черты лица мужчины, капли по-

та на лбу. Лицо женщины было нежнее. Николай Иванович назвал бы его красивым, если бы его не портил страх.

Целую минуту они смотрели друг на друга — незнакомцы и Николай Иванович. За это время учитель заметил в одежде и в них самих много странностей. Легкое платье женщины в золотых блестках, волосы перехвачены обручем, который замыкался под подбородком тонким, еле видимым жгутом. Такой же обруч был на голове мужчины. Руки у него тоже были обнажены до плеч, каждый мускул на них как литой. Одежда у обоих из легкой отсвечивающей ткани — сиреневой у мужчины и серой у женщины. Оба высокие, разгоряченные, видимо, непривычной работой — машина, скособоченная, не поддавалась их усилиям.

— Не могу ли я быть полезен? — спросил Николай Иванович и в знак приветствия незнакомцам снял с головы шляпу.

Незнакомцы не отвечали.

— У вас — авария?.. — спросил Николай Иванович.

К счастью, он не посчитал их за диверсантов, не кинулся вызывать милицию. Николай Иванович от природы был кротким, доверчивым человеком, и первое, что пришло ему в голову, было вполне поддающимся объяснению: вездеход на воздушной подушке потерпел аварию, и пассажиры нуждаются в помощи. Он охотно поможет им.

Мужчина поднял руку ко лбу, отер пот над бровями.

— Да... — сказал он. — У нас авария.

Втроем они стянули машину с кустов, поставили ее на землю.

— Вот так! — сказал удовлетворенно Николай Иванович. — Куда же вы едете?

Ни появление Николая Ивановича, ни то, что он, засучив рукава, помог путешественникам стянуть машину с кустов, не привели их так в замешательство, как этот простой вопрос. Но и ответ, в свою очередь, не ме-

нее ошеломил Николая Ивановича, когда мужчина сказал:

— Мы едем... посмотреть мамонтов.

— Мамонтов?..— переспросил Николай Иванович.

— Меня зовут Бин,— словно решившись на что-то, сказал мужчина.— Ее,— кивнул на спутницу,— Лола. Давайте знакомиться, как ваше имя?

— Николай Иванович,— ответил учитель.— Но... при чем тут мамонты?

— Мы едем в прошлое,— сказал Бин.— Из будущего.

— Значит, это... это...— пролепетал учитель, оглядывая машину, сверкавшую золотом и стеклом,— машина времени?

Бин кивнул утвердительно, Лола участия в разговоре не принимала.

— И вы издалека? — спросил Николай Иванович.

— Из две тысячи семьсот пятьдесят восьмого года.

— О!..— только и произнес Николай Иванович.

Горел ослепительный день, пели птицы, две цветные бабочки летели одна за другой над поляной. Ничто не походило на сон. И эти двое не походили на сон. Какой сон, если Николай Иванович помнит до мельчайших подробностей, как он сегодня утром вставал и завтракал, разговаривал с Ольгой, с бригадиром Сергеем. И все-таки он сказал:

— О, господи...— хотя в бога не верил и вел на селе атеистическую пропаганду.

Лола спросила:

— Что вы сказали?

— Так, игра слов...— Николай Иванович смешался. И тут же сказал: — Как хорошо вы говорите по-русски.

— Мы не говорим по-русски,— сказала Лола.— Это лингвист-переводчик,— она показала на вмонтированный в головной обруч прибор наподобие микрофона.— С таким же успехом нас будут понимать пещерные люди...

Сказав последнюю фразу, она смутилась, однако Ни-

колай Иванович не понял ее бестактности — он был несказанно поражен.

— Однако,— пробормотал он,— что же мы стоим здесь? Пойдемте ко мне — будете гостями.

— Извините,— ответил Бин.— Надо исправить поломку.— Он нагнул к машине.

— Скажите,— спросила Лола Николая Ивановича,— как сейчас называется эта местность?

— Алтайский край,— ответил Николай Иванович.

— Слышишь, Бин? — воскликнула Лола.

На протяжении следующего получаса Лола разговаривала с учителем. Они отошли в тень старой березы — солнце поднялось выше, и стало жарко. Бин копался в открытом моторе. Машина не походила ни на одну из современных машин. Это был эллипсоид — капля воды, как можно видеть ее на оконном стекле. Утолщенная впереди и опадающая назад. Сходство с каплей придавала ей выпуклая крыша — не то стекло, не то зеркало,— отражавшая небо, деревья. Ниже, по окружности эллипсоида, было смотровое стекло, широкое спереди, суживавшееся к задней части машины. Ни колес, ни каких-либо опор Николай Иванович не заметил — стекло упиралось в днище машины. Собственно, это была кабина, с откидными сиденьями, приборным щитом и мотором, похожим на авиационный — сквозь стекло видно, что он сконструирован в виде звезды; Бин последовательно рассматривал все его пять лучей.

Лола с нетерпением поглядывала на Бина. Это не мешало ей отвечать на вопросы Николая Ивановича и задавать вопросы ему.

Вот что узнал от нее Николай Иванович. Лола и Бин — биологи. В Зоологическом Парке Планеты они восстанавливают виды животных, существовавших на Земле во все времена. Сейчас они возрождают фауну ледниковой эпохи: в Парке есть шерстистые носороги, саблезубые тигры. Нет мамонтов. Но они привезут мамонтов — оплодотворенные яйцеклетки и вырастят их

искусственно. Конечно, это будет нелегко сделать, но они с Бином справятся. Смогли же они вырастить четырех мегатериев. За ними пришлось съездить подальше — в третичный период!.. «Как называется у вас эта местность, Алтайский край?» — спросил Николай Иванович. «Чуть-чуть по-другому, — ответила она, — Алтаа — корень, как видите, проследить можно». — «А Россия?» — спросил Николай Иванович. «Сейчас — Единое Человечество, — ответила Лола. — Стран, как было когда-то, нет. Планета делится на климатические пояса: Экваториальный, два Умеренных, два Субумеренных и два Полярных. Алтаа в Северном Умеренном поясе... Расы? — продолжала она отвечать на вопросы Николая Ивановича. — Что такое расы?.. У нас Единое Человечество. Страшно ли путешествовать во времени? Не страшнее, чем в Надпространстве. Нет, аварий не бывает. Неполомки случаются. Выручает Служба Контроля. Обычно выпутываемся сами...»

— Как там у тебя, Бин? — обернулась она к своему спутнику.

— Кажется, нашел, — буркнул Бин, не разгибая спины.

— Вот видите! — сказала Лола, лицо ее просияло. — Неудобно задерживаться в цивилизованном прошлом, — чистосердечно признавалась она. — Встречи с аборигенами всегда нежелательны. Рождаются толки, мифы... Другое дело, когда изучаешь эпоху Ренессанса или этрусков. Тогда учишь язык, манеры. Это дело историков... А вы расскажите о себе, Николай Иванович.

Николай Иванович рассказывал о себе неохотно. Что он мог рассказать? О школе, где четыре класса помещаются в одной комнате? О деревушке, из которой он лет двадцать не выезжал? Ему хотелось больше узнать от Лолы.

— Зачем у вас обручи вокруг головы? — спрашивал он.

— Барраж, — отвечала Лола. — Мезонный барраж для обеззараживания воздуха.

— Как движется машина?

— Энергия передвижения — магнитное поле Земли.
Источник неисчерпаемый...

— Лола! — позвал от машины Бин.

— Вот и все, Николай Иванович. Будем прощаться.
Они подошли к машине, Бин уже держал дверцу открытой.

— Спасибо вам, — протянул он руку учителю.

Лола тоже пожала ему руку своей слабой и нежной рукой:

— Спасибо, Николай Иванович. Что бы вам оставить на память?

— Лола... — предостерегающе сказал Бин.

— Ах, Бин! — воскликнула она. — Давай хоть раз нарушим инструкцию! Все эти запреты, правила...

— Будь благоразумной, Лола.

Лола порывалась в небольшом саквояже.

— Вот вам, Николай Иванович. От меня с Бином, — протянула учителю очки с крупными стеклами.

Николай Иванович взял очки из ее рук.

— Для вас и для дочери, — кивнула из кабины Лола: под березой Николай Иванович рассказал ей об Ольге. — И никому... — Лола хотела что-то сказать еще, но Бин включил моторы. Машина качнулась и на какую-то долю секунды, показалось Николаю Ивановичу, затуманилась, будто ему застлало глаза.

— Прощайте... — услышал он голос Лолы.

— Прощайте, — Бин присоединился к ней.

— Прощайте, — сказал Николай Иванович, но не был уверен, слышали ли его. Контур машины размылся, исчез — у ног Николая Ивановича осталась помятая и затоптанная трава, рядом — сломанный куст.

Пели птицы, вдали погромохивало — надвигалась гроза. Николай Иванович повертел очки в руках и надел их. Очки не увеличивали, стекла казались обыкновенными.

Придя домой, Николай Иванович ничего не рассказывал дочери. Не показал ей очки. Ему было совестно, что он не принес для гербария горлицы. За горлицей он сходит завтра. Николай Иванович был потрясен встречей в лесу и ни о чем, кроме как о встрече, думать не мог. Плохо обедал, рассеянно отвечал на вопросы.

— Тебе нездоровится, папа? — спросила Ольга.

Он ушел в свою комнату, сославшись на ломоту в ногах, что у него обычно бывало в непогоду. За окном лил обложной дождь.

У себя Николай Иванович прилег на кровать и опять начал думать о встрече — рассказать дочери или нет? Прослыть лгуном в глазах дочери Николаю Ивановичу не хотелось. «Какое может быть приключение за речкой Зеленой?..» — спросит Ольга. Рехнулся старик. Вслух, конечно, не скажет, а может подумать. Но дочь увидит очки!.. Николай Иванович вынул из кармана очки, осмотрел их. Пришел к выводу, что очки обыкновенные: с чистыми стеклами, с утолщенными дужками из темной пластмассы. Николай Иванович надел их, но, кроме потолка и окна перед собою, ничего не увидел. Обыкновеннейшие очки... Однако Ольга спросит, откуда у него очки. Скажу — нашел, решил Николай Иванович. Но тут же сообразил, что найти такие очки за речкой Зеленой никоим образом невозможно. Ладно, переменил он решение, скажу, купил в Бийске и до поры не показывал, хранил в чемодане. Это звучало правдоподобно, и старик успокоился.

Утром Николай Иванович провожал Ольгу в Бийск. Она ехала с отчетом за прошедший учебный год.

— Деньги не забудь, — заботился Николай Иванович.

— Взяла, папа.

— Плащ.

— Тоже взяла.

Ольга металась по комнате, совала в сумку носовые

платки, туфли, чтобы переобуться в городе, — обычная суеда перед отъездом. Этот момент и выбрал Николай Иванович, чтобы надеть очки. В суеде Ольга не будет приставать к нему с расспросами.

— О, папа! — воскликнула она, увидя его в очках. — Откуда они у тебя?

— Да вот, — пустился в объяснения Николай Иванович, — купил в Бийске, приберегал.

— А они идут тебе! — похвалила Ольга.

Николай Иванович не ответил. Ощупью он присел на стул — будто не видел его рядом с собой — и продолжал смотреть сквозь стекла на Ольгу. Видел он вещи необыкновенные, которые заставили его забыть обо всем и лишили речи. Видел он Ольгу на бригадной машине, которая мчалась в лесу. Лес и дорогу Николай Иванович отлично знал — дорога вела на железнодорожную станцию. Но вот машина с разбега влетела в лужу, забуксовала. Вот шофер Матвиенко бросает под скаты ветки, и пассажиры, которые ехали в кузове, бросают ветки, и Ольга тоже бросает под скаты ветки. А машина продолжает буксовать, трястись и по-прежнему сидит в луже. Ольга посматривает на часы — как бы не опоздать к поезду. С машиной плохо совсем. Шофер действует лопатой, высвобождая скаты из образовавшейся рытины... К одиннадцатичасовому поезду пассажиры опаздывают. Берут билеты на двухчасовой.

— Папа, — говорит Ольга, — пойдем!

Николай Иванович прячет очки в карман и идет с дочерью, не чувствуя под собой ног. Что это он видел? Что это ему пригрезилось?.. Старик еле плетется за дочерью.

— Папа, ты чего такой странный? — спрашивает Ольга.

— Ничего, Оленька, ничего. Кружится голова что-то...

— Обязательно ляг в постель, — советует дочь. — Наверное, простудился. Видишь, после дождя похолодало. Возвращайся и ляг в постель!

Николай Иванович все же провожает Ольгу на бригадный двор, усаживает в машину. Рядом с ней молодая румяная Маша Седельникова.

— Осторожно,— говорит она, когда Николай Иванович подает ей корзину.— Здесь яйца, еду продавать.

Николай Иванович немного оправился после видения, которое наблюдал через очки дома. Что, если опять падать очки, поглядеть на Машу?

Дрожащими руками Николай Иванович надел очки. Он увидел Машу на той же дороге, бросавшую под скакты хворост. Потом увидел Машу у кассы на железнодорожной станции. Она взяла билет, небрежно сунула его в карман пиджака. Через некоторое время полезла в карман за платком, и билет упал на пол. Подошел поезд, пассажиры устремились к вагонам. Но Машу в вагон не пустили, у нее не оказалось билета. Передав корзину с яйцами Ольге, Маша метнулась в кассу.

Возвращался домой Николай Иванович, потрясенный не меньше, чем после встречи с путешественниками во времени. Так вот какой подарок преподнесли они старику!.. Волшебные очки! Очки, которые дарят видения! Найди Николай Иванович слиток золота, поймай шаровую молнию, он не был бы так удивлен, как удивился событиям этих двух дней. Очки! Зачем ему такие очки? Зачем Лола подарила их ему? Из легкомыслия? Или с умыслом? Если с умыслом — то с каким? «Никому...» — сказала она. «Что «никому»? — спрашивал себя Николай Иванович. Никому не давать очки? Он не даст. Прикоснуться никому не позволит.

Но это были не все потрясения, которые пришлось пережить Николаю Ивановичу.

Ольга возвратилась на следующий день вечером. Все это время Николай Иванович очков не надевал. Ожидал возвращения дочери.

— Ой, папа,— рассказывала Ольга,— мы ведь опоздали на поезд! Застряли в лесу. Пока вытаскивали машину, время ушло, хорошо хоть успели на двухчасовой.

Но в Бийске в этот день уже ничего не удалось сделать. Отчет я сдала сегодня.

Николай Иванович сидел на стуле и часто моргал ресницами. Холодок бродил у него по спине, лицо заливало бледностью. «Очки! — думал он. — Очки предсказали все!..»

— Тебе привет от Чеботарева, — продолжала говорить Ольга. — И от заведующего гороно.

Она копалась в сумке, вынимала гостинцы и не смотрела на старика. Взгляни на него в этот миг, она бы перепугалась.

— Знаешь, что я хочу купить на отпускные? — спрашивала Ольга.

— Что?.. — неестественно тонким голосом спросил Николай Иванович.

— Костюм джерси, — сказала она. — Кремовый. Одобряешь?

Николай Иванович промолчал, чтобы не выдать волнения. Он все еще не пришел в себя.

— Молчишь? — продолжала болтать Ольга. — Значит, куплю. Молчание — знак согласия.

— Оленька... — спросил Николай Иванович все тем же тонким, неестественным голосом. — Маша на вокзале билет теряла?

— А ты откуда знаешь? — удивленно посмотрела на него дочь.

— Да так... — сказал он. — К слову пришлось.

— Нет, — удивилась дочь, — откуда ты это знаешь?..

Ночью Николай Иванович не спал. «Что такое очки? — рассуждал он. — Зло или благо?» Предсказывают будущее. Он увидел в них Ольгу. Предположим, что это галлюцинация. Ольга его дочь. Галлюцинация может быть на почве родственных чувств. Но Маша, Маша!.. Рассуждения на тему о галлюцинациях, чувствовал Николай Иванович, вздор. Через очки можно увидеть будущее людей! Поистине божеский дар преподнесла ему Лола. Но что делать с этим даром ему,

старику-пенсионеру? Зачем ему этот дар? Сотню раз Николай Иванович задавал себе этот вопрос. И чем больше спрашивал себя, тем более грандиозным казалось ему то, чем он владеет. Судьбами людей — вот чем владеет он, старый учитель. Но ведь это ему не нужно. Это страшно, в конце концов! Как посмотрела на него Ольга!..

Первые петухи пропели, вторые, а Николай Иванович продолжал терзаться. Уничтожить очки? Но ведь есть смысл в том, что Лола дала ему именно их, а не что-то другое. «В чем этот смысл?» — старался докопаться до главного старый учитель. Кажется, что-то начало открываться ему. Или оно сидело в нем, было врожденным? То, что мы называем натурой, складом души?

Николай Иванович был человеком мягким, гуманным. Может быть, бесхарактерным. Не умел приказывать, помыкать людьми. Наверно, поэтому он и оставался всю жизнь сельским учителем. Единственное, что было в нем неизменным, — это любовь. Любовь к детям, к жене, к дочери. Любовь и стремление делать добро. Или хотя бы — не обижать никого. Так он и прожил всю жизнь: учил детей, читал колхозникам лекции, писал старикам заявления в собес или в сельсовет, когда в этом была нужда. Пользовался на селе уважением и негромкой славой доброго чудака.

И вот, далеко за полночь, ворочаясь в жаркой постели, Николай Иванович принял решение: не употребить ли драгоценный дар Лолы на добро людям? Словно осенило учителя: неспроста дан чудесный подарок. Конечно, он должен служить людям! Очки служили путешественникам для обозрения будущего, для предотвращения опасностей и несчастий. То же будет делать и Николай Иванович: употребит стекла для предотвращения несчастий односельчан. Будет предупреждать людей о возможных бедах и горестях!

Перед рассветом Николай Иванович уснул. А утром

вышел из дома с твердой решимостью делать односельчанам добро. Ольге он ничего не скажет. Может, после когда-нибудь... Он ведь ничего пока не сделал.

Положив очки в нагрудный карман, Николай Иванович пошел по деревне. Кому первому оказать помощь, размышлял он. Пахомовым или бабке Кириянихе? Пахомовы жили напротив, Кирияниха рядом. Никого из них Николай Иванович во дворе или возле двора не увидел и пошел дальше.

На бригадном дворе шофер готовил машину в рейс. Тут же стояла Марина Потапова с новой корзиной в руках. В корзине, завязанной сверху старенькой марлей, кудахтали и беспокоились куры. Марина везла их на рынок в Бийск. Николай Иванович надел очки. Он увидел, как Марина садилась в поезд, как торговала на рынке. Кур она продала выгодно — об этом можно было судить по ее довольному виду. Но тут все переменилось: Марина размахивала руками, хваталась за голову. «Украли, граждане,— кричала она.— Украли!..» У нее украли кошелек со всей выручкой. Но это было там, в будущем. Сейчас она стояла у машины, фыркавшей синим дымом, и медоточивым голосом спрашивала шофера:

— А что, Петя, можно грузиться?

Николай Иванович подошел к ней и сказал:

— Марина, не ездь ты на базар.

Марина открыла на него синие нагловатые очи. Лет двадцать тому назад Николай Иванович любовался чистыми, как небо, глазами девочки-ученицы. Теперь это были глаза пройдохи-барышницы.

— У тебя вытащат деньги,— шепотом предупредил ее Николай Иванович.

Марина еще шире раскрыла глаза от недоумения и полезла в кузов.

— Ай-ай-ай!... — покачал с сожалением головой Николай Иванович.

Вечером Марина приехала из города без копейки, но

с твердым убеждением, что виноват в ее несчастье старый учитель. Ничего, решила она, я тебе выскажу.

Николай Иванович между тем расширял свою деятельность. В этот день он предупредил Сумароковых, чтобы не выгоняли корову — корова сломает ногу, — и предсказал письмоносу Грише, что тот упадет с велосипеда. Все так и случилось: корова сломала ногу, и Сумароковы суетились вокруг скотины, забыв на время о предупреждении Николая Ивановича. Гриша, точно, упал с велосипеда, наскочив на чурбан у ворот Белкиных, и, потирая ушибленную ногу, долго раздумывал, как это Николай Иванович сумел угадать происшествие, которого с Гришей отроду не случалось.

Как раз было время задуматься и Николаю Ивановичу, стоит ли продолжать свою деятельность в пользу односельчанам. Сбылись три его предсказания, три несчастья, и ни одного он не сумел предотвратить. Может, в его системе не было какой-то продуманности? Может, он подошел не с того конца? Не лучше ли предсказывать людям радость? Добрые письма, удачи, рождение мальчиков или девочек? Но Николай Иванович не прислушался к сомнениям, шевельнувшимся в сердце. Радость, думал он, она и так придет, без него. Куда важнее отворачивать от людей беды. Послушайся его Сумароковы, и теперь они не бегали бы по деревне, предлагая односельчанам, хотя бы в долг, мясо и ливер, — только бы распродаться. И Гриша не думал бы о неожиданном происшествии. Почему никто не прислушался к голосу Николая Ивановича?

Наверно, оттого, что Николай Иванович не был ни дипломатом, ни хитрецом. Душа у него была нараспашку, и, кроме чистоты и добра к людям, ничего в его душе не было. Заходить издали, изъясняться экивоками он не умел, и потому предсказания делались им до смешного нелепо.

Подойдет, например, к плетню Осиповых.

— Петр Иванович, можно тебя? — крикнет хозяину.

— Можно,— отвечает Петр Иванович — мужик ростом в сажень, белозубый, здоровый. Он хорошо выпался, с аппетитом позавтракал, собирается на работу: бригадир объявил сенокос.

— Не топи баню в четверг, Петр Иванович,— предупреждает его учитель. Ему хочется, чтобы слова звучали душевно и чтобы Петр Иванович поверил ему. Слова, правда, звучат душевно, но Петр Иванович спрашивает:

— Почему не топить баню?

— Сгорит она у тебя, Петр Иванович.

— Как это сгорит, Николай Иванович, бог с вами.

— Сгорит, Петр Иванович.

Красные щеки Петра Ивановича начинают бледнеть. От хорошего настроения не остается следа. В это время выходит на крылечко его жена.

— Слышь, Прасковья Андреевна,— говорит растерянно Петр Иванович,— баня у нас сгорит в четверг.

— Чой-то надумал?..— Прасковья Андреевна подходит к плетню, здоровается с Николаем Ивановичем.— Как баня сгорит?..

— Не я надумал,— оправдывается Осипов.— Николай Иванович говорит.

— Неужто сгорит?..— растерянно спрашивает хозяйка у Николая Ивановича.

— Сгорит,— подтверждает Николай Иванович и, оставив чету в тревоге, идет дальше по улице.

В четверг баня сгорела.

По деревне поползли слухи и толки. Люди стали опасливо поглядывать вслед учителю, перешептываться. А Николай Иванович входил во вкус: Караваемым предсказал смерть старухи, два года лежавшей в параличе, молодоженам Теленкиным — скорый развод.

В деревне только и говорили о напастях, смертях, пожарах. Все это увязывалось с именем Николая Ивановича. И с его очками. Не было очков — был старик как старик. Появились очки — появились несчастья.

Колдун не колдун, говорили между собой колхозники,— Николай Чудотворец.

Слухи множились, обрастали фантастическими подробностями.

— Кашей! — ругалась синеокая Марина Потапова. — Подходит и говорит: «У тебя деньги вытянут...» И вытянули! Семьдесят два рубля! Может, он сам в этой шайке!..

Слухи дошли до Ольги.

— Папа,— сказала она как-то отцу за ужином,— о тебе плохо говорят в деревне.

— Пусть говорят! — ответил дочери Николай Иванович с таким видом, будто он владел высшей истиной.

— Как это — пусть?.. — удивилась Ольга.

— А так! — с еще большей беспечностью сказал Николай Иванович. — Пусть говорят — и все!

Ольга растерялась: отец, такой покладистый, мягкий, неузнаваемо изменился. Даже реденький чубчик на его голове встал торчком.

— Странно ты рассуждаешь, папа,— сказала она.

— Ничуть не странно! — парировал Николай Иванович.

— Раньше этого не было... — попыталась Ольга продолжить беседу с отцом.

— Чего не было? — спросил Николай Иванович.

— Ну, этих... разговоров. — Ольга не могла сказать отцу, что о нем говорят в деревне.

— Я же тебе сказал,— отчеканил старик,— пусть говорят!

Ольга не поняла, что с отцом, решила переменить разговор:

— Ты мне обещал горицвет, папа. В последнее время ты совсем не бываешь в лесу.

Николай Иванович ответил:

— Мне теперь не до горицвета.

Этим он поставил дочь в еще большее недоумение.

Что наехало на старика? Ольга решила отложить разговор, пока у отца улучшится настроение.

Дошли разговоры и до завклубом Жени Мешалкиной.

— Так и предсказывает?..— удивилась она. Обрадовалась: — Это же здорово!

Юный ум комсомолки сразу определил перспективы невиданного феномена.

— Что, если его затащить в клуб? — рассуждала она. — Устроить вечер гипноза? Или угадывания мыслей? Здорово получится!

Тотчас она приступила к практическим действиям. Остановила на улице Николая Ивановича.

— Я слышала о ваших удивительных способностях, — заявила она в лоб, без обходных маневров.

— Каких способностях?..— спросил, растерявшись, Николай Иванович. Он не ожидал нападения.

— О предсказаниях, — начала перечислять Женя. — О чтении мыслей. Как у вас появились эти способности? Еще говорят об очках...

Николай Иванович тронул очки в нагрудном кармане — как быстро доходят до всего люди.

— Знаете что? — продолжала атаку Женя. — Давайте поставим вечер! Это будет чрезвычайно здорово! Наденем на вас чалму — будете индийским факиром. Явку я обеспечу — клуб будет полон.

— Женя...— Николай Иванович не знал, что ей ответить. Надо отказаться от выступления.

— И не думайте! — не сдавала позиций Женя. — Это будет и-зу-ми-тельно! Поразим всех! Потом съездим в Еловку, в Жарово.

— Позвольте, Женя...

Но Женя не унималась.

— Если у вас появились такие способности, не хроните их, Николай Иванович. Это замечательно, гениально!

Николай Иванович тоскливо озирался по сторонам.

— В воскресенье поставим вечер,— Женя не давала старику пощады.— Среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье,— пересчитала она по пальцам.— Пять дней в нашем распоряжении!

III

Может быть, она была права, Женя Мешалкина? И Ольга тоже права? Может быть, надо было так и сделать: пойти к людям и объяснить все, как есть. Рассказать о встрече с путешественниками во времени, об их подарке. И тогда все бы обошлось, было бы найдено объяснение и решение, как быть и что делать дальше. Николаю Ивановичу не следовало держать очки у себя — хотя бы он посоветовался с Ольгой. Не бросаться опрометчиво в пучину благотворительности, которую односельчане не умели понять и принять. Было трагическое, и комичное, и нелепое в том, как Николай Иванович навязывал благотворительность людям. И хотя он действовал от души и считал, что действует правильно, но пребывал он в мире иллюзий.

Вот и Женя. Тут бы Николаю Ивановичу задуматься, может быть, дать согласие (без чалмы, чалма — это лишнее). Но Николай Иванович отверг ее предложение, отказался от вечера — к великому огорчению инициативной завклубом.

Настоящая буря в деревне разразилась, когда Николай Иванович предрек подростку Коле Синицыну, что он попадет под сенокосилку. На сенокосе ребята работают очень охотно. Гонять лошадей, сидеть на стуле косилки — для ребят первое дело.

Встретив Колю на улице, Николай Иванович надел очки и сказал ему:

— Не езд на сенокос, сиди дома.

— Пошто эдак, Николай Иванович? — спросил мальчик.

— Попадешь под косилку.

— Фу-ты!..— фыркнул Коля и поехал на луг.

Косилка наскочила одним колесом на камень, и Коля вылетел из седла. Ему переехало ногу — не сломало, но помяло, содрало кожу. Мальца увезли в больницу.

Тут же собрались косари, женщины с граблями в руках и начали судить Николая Ивановича:

— Когда это кончится?

— Приструнить его по закону!

— Ходит и каркает, старый ворон!..

— На скольких беду накликал! На Сумароковых, Осиповых, теперь — на Кольку!

— Бабочки! — горячилась Марина Потапова, — ее не назвали в числе пострадавших. — Он жизни не даст со своими очками. У меня деньги вытащили — семьдесят два рубля! Надо же что-то делать!

Подъехал бригадир на коне.

— Куда смотришь? — накинулись на него женщины. — Волин смутил деревню! Доноси по начальству — пусть его к рукам прибирают!

Бригадир верил и не верил слухам, ходившим в деревне. Когда-то он был прилежным учеником у Николая Ивановича, любил старика.

— Женщины, — успокаивал он, — погодите!

— Чего годить? Кольку в амбулаторию повезли. Он так всех перекалечит, до одного!

— Может, это случайность?

— Какая случайность? — шумел народ. — К Осиповым пришел и сказал: не топите баню — сгорит. Сгорела!..

— У меня семьдесят два рубля... — затынула Марина.

— Кончать надо! Ты бригадир — принимай меры!

— Ладно, — сказал Лапшин, видя, что защита старика подливает лишь масла в огонь. — Поговорю с Николаем Ивановичем.

Вечером бригадир остановил коня перед домом учителя. Николай Иванович был один, вышел навстречу.

Ольга с учениками уехала в Жарово ставить концерт по случаю окончания учебного года.

— Здравствуйте, Николай Иванович,— поздоровался бригадир.

— Здравствуй, Сережа. Заходи...— пригласил Николай Иванович бригадира в комнату.— С чем приехал?

— Дело есть, Николай Иванович,— бригадир опустился на стул.— Дело, Николай Иванович...— повторил он.

— Какое дело?

— Да вот...— Бригадир не знал, как начать.

— Говори, говори, Сережа,— ободрил его Николай Иванович, как когда-то ободрял в классе.

— Бросьте вы это! — наконец решился Сергей.

— Что бросить? — спросил Николай Иванович.

— Предсказания эти.

— А-а-а...— сказал Николай Иванович.

— Деревня возмущена,— продолжал бригадир.

— Возмущена? — переспросил Николай Иванович.

— Может, вы и правильно делаете...— Для бригадира Николай Иванович по-прежнему оставался учителем, старшим советчиком. Сережа чуть-чуть робел перед ним, как когда-то робел у классной доски.— Может, оно все правильно,— говорил он,— да только не так что-то. Обижаются люди.

Николай Иванович молчал.

— Очень прошу вас,— бригадир истолковал молчание Николая Ивановича так, что учитель согласен с ним.— Бросьте вы ваши предсказания.

Но Николай Иванович думал о другом. Он вовсе не соглашался с Сережей. Он выполнит свою миссию до конца. Люди рано или поздно поймут, что он несет им добро, будут прислушиваться к его советам. Никому плохого он не желает.

— Значит, договорились? — спросил бригадир, поднимаясь из-за стола.— Вы эти штуки бросите!

Николай Иванович молчал. Старики — народ упрямый.

Однако все разрешилось неожиданным и даже трагическим образом.

Утром Николай Иванович надел очки и стал следить за соседкой Кирьянихой. Кирьяниха кормила утят. Утка у нее издохла, и утята доставляли Кирьянихе немало хлопот.

— Жрите, проклятые,— говорила она.— Да не разбегайтесь по всей деревне. Позавчера вас было четырнадцать, вчера тринадцать...

— Матрена Васильевна,— окликнул ее Николай Иванович, подойдя к забору.

— Чего тебе? — недовольно откликнулась Кирьяниха, она была старше Николая Ивановича и, несмотря на его обходительность, называла его на «ты».

— Не выпускайте утят со двора,— посоветовал Николай Иванович.

— Пошто?..— подозрительно обернулась к нему старуха.

— Коршун...— сказал Николай Иванович.— Коршун побьет ваших утят.

— Не выпускать, значит? — спросила старуха.

— Не выпускайте,— обрадовался Николай Иванович — хоть один человек наконец-то его слушает.

— А что я их,— не без злости спросила старуха,— под юбкой держать буду? Целый-то день?

— Как знаете...— обиделся Николай Иванович.— Я вас предупреждаю.

— Предупреждаю...— ворчала старуха.— Ишь ты, предупредитель.

Она открыла калитку и всех до одного утят выгнала на улицу. Желтые шарики замелькали по дорожке, полезли под забор Николая Ивановича, рассыпались по двору.

И тут — не успела старуха прикрыть калитку — камнем с неба свалился коршун.

— Кыш! Кыш!..— закричал и замахал руками Николай Иванович. Двое утят забились в лапах пернатого хищника.

— Кыш! — кричал Николай Иванович.

Одного утенка коршун все-таки уронил. Окровавленный комочек упал у ног Николая Ивановича. Учитель поднял его и понес во двор Кирьянихе, которая тоже размахивала руками и кляла, на чем свет стоит, коршуна.

— Вот...— сказал Николай Иванович, опуская птенца возле каменного корыта, в котором только что плескались утята.— Я вас предупреждал,— укоризненно обратился учитель к Кирьянихе.

— Предупреждал!..— Жабой посмотрела на него Кирьяниха.— А разреши спросить, на каком основании ты предупреждал?

Николай Иванович молчал, чувствуя себя опять оскорбленным.

— Молчишь?..— Кирьяниха надвигалась на него как туча.— Старый хрыч, вареная колбаса! Молчишь, говорю?.. Напялил очки — и молчишь? На каком основании ты узнал про коршуна? — требовала объяснения Кирьяниха.— И за Осипову баню надо с тебя спросить, и за Кольку Синицына, и за семьдесят два рубля Маришкиных — за все надо спросить!

Николай Иванович пятился от разгневанной женщины. Кирьяниха наступала:

— На каком основании мутишь деревню? Предупреждаю...— передразнила она Николая Ивановича, очень похоже, как он произносил это слово.— Как ты узнал про коршуна?..

Дальше пятиться было некуда. Позади Николая Ивановича стояло корыто. Кирьяниха приблизилась вплотную к учителю.

— До каких пор будешь смущать жителей, домовой? Тебя спрашиваю!

Николай Иванович беспомощно моргал, опустив пе-

ред старухой руки по швам. Он абсолютно не умел обороняться в подобных случаях. Молча смотрел в брызжущий рот старухи с двумя или тремя испорченными зубами.

— Молчишь?..— Кирьяниха содрала с носа Николая Ивановича очки и так трахнула их об корыто, что вдрызг полетели не только стекла, но и оправа.

— Вот тебе! — сказала старуха.— И коршун, и баня, и Колька — все вместе!

Николай Иванович пошатнулся и, как подкошенный, опустился на землю.

— Что вы наделали? Что вы наделали?..— лепетал он.

В отчаянии шарил дрожащими старческими руками в траве, словно надеясь собрать осколки, склеить их, сложить воедино.

— Что вы наделали? — повторял он.— Вы не представляете, что вы наделали!..

Осколки шуршали, звенели в его руках, но ничего из них сделать было нельзя.

Ничего уже сделать было нельзя.

ДОМОЙ

— Смените кассеты на гелиографе Б-12. Завезете письма Сокольникову — они там ждут не дождутся. Что еще?.. — Степанов тер подбородок, придумывая, что еще поручить Гурьеву. Под пальцами у него скрипело — подбородок требовал немедленного бритья. Впрочем, утро только что началось — хмурое ветреное марсианское утро. В соседней комнате в спальных мешках зоревали Бернари и Базилович — геолог и химик, приехавшие вчера с отчетами. — Да... — продолжал завбазой, — будьте осмотрительны на дороге Тушинского канала. — Гурьев знал, что дороге не меньше двух миллионов лет. — Ну, пока все, — Степанов перестал тереть подбородок. — В добрый путь!

Гурьев повернулся и вышел, оставив начальника за столом, заваленным кипами бумаг, образцами пород, камнями, обтесанными кем-то в незапамятные марсианские времена. Последним, что видел Гурьев, прикрывая дверь кабинета, было усталое осунувшееся лицо Степанова, руки, лежавшие на столе, как показалось Гурьеву, в нерешительности: за что браться.

Кассеты подготовлены с вечера, перенесены в вездеход, поэтому Гурьев сразу вошел в кессон, натянул скафандр и снизил давление до наружного, почти до нуля, — атмосфера на Марсе составляет сотые доли земной. Когда компрессоры, отсосав воздух, заглохли,

Гурьев вышел наружу — в красноватый туман и вечно не прекращавшийся ветер. Марс не нравился Гурьеву. Что тут может понравиться — ветер, песок, холод?..

Проводив Гурьева, Степанов с минуту медлил: с чего начать. Анализы почв, астрономическая, ареофизическая, биологическая информация, образцы пород, первые слитки кадмия — Марс начал давать продукцию, — все это ждало отправки. Корабли на Землю стартуют сегодня в двадцать часов по местному времени. Задержать их можно часа на полтора, на два (и то в крайнем случае), а работы... Подписать, проследить, подтолкнуть, утрясти — руководящая толкотня достигнет сегодня апогея. Так всегда в дни отлета. Какое там бритье! — Степанов опять потер подбородок. Взгляд его упал на кучу докладных, накладных, приказов, в которых разобраться надо было немедленно. И он стал разбираться.

Подписывая бумагу, механически отметил рев вездехода. «Пошел...» — сказал про себя Степанов и углубился в метеосводку, в которой вчера заметил неточность — надо исправить.

В смежной комнате зашевелились, закашляли — просыпались Бернари и Базилевич.

— Иван, — сказал Базилевич, — ты передал сынишке бутонь?

— Нет еще, — ответил Бернари.

— С кем передашь?

— С Поляновым.

— Я тоже передам вязочку — с Гринем.

— Как хочешь, — согласился Бернари. — Можно и с Гринем...

Вывозить с Марса что-либо без разрешения запрещено. Но все равно вывозили — разве за всем уследишь? Вот и сейчас Степанов слышит сговор сотрудников. Однако не пойдешь и не скажешь: «Запрещаю», — Бернари и Базилевич работают в песках, не покладая рук и не требуя выходных. Никто на Марсе не требует

выходных. А бутонов кругом — хоть гребни лопатой: окаменелости вроде земных белемнитов... До сих пор не разгадано: фауна это Марса или окаменелая флора. По форме — бутоны цветка, а может быть, они плавали или летали в воздухе. Биологи за них еще не взялись: есть, говорят, задачи поинтереснее. А что на Марсе не интересно?..

Сверяя метеосводки, Степанов прислушивается к разговору друзей.

Говорит Бернари:

— Паршивое это место — расселина Крага.

— А... — отзывается Базилевич.

— На дне ее почва органического происхождения.

Гумус.

— Нанесло ветром, — предполагает Базилевич.

— Ветром... — повторяет Бернари скептически. —

Знаешь, что там нашли?

— Что?

— Вот...

Минутная пауза — видимо, Базилевич что-то рассматривает.

— Дробь? — наконец спрашивает он.

— Да, брат, самая настоящая, — отвечает Бернари.

— Только чуть покрупнее.

— Покрупнее.

— И ты думаешь?.. — спрашивает Базилевич.

— Не я думаю, — возражает Бернари. — Все так думают — картечь.

Базилевич свистит сквозь зубы:

— Значит, и у них...

— И у них...

— А гумус? — спрашивает Базилевич.

— Прикинь, — отвечает Бернари, — как в гумус может попасть картечь?..

Зазвонил телефон. Говорили с космодрома — тоже подгоняли Степанова. Начальник базы отвлекся от Бернари и Базилевича.

Когда он положил трубку, геолог и химик в соседней комнате заканчивали умыться, готовились к завтраку. Но разговор их еще не стерся в памяти Степанова.

Заведующий базой знал о картечи. И о войнах, потрясавших Марс миллионы лет назад, тоже знал. Загадки здесь не было.

Если говорить о загадочном, то оно в другом. В таинственных кратерах, обнаруженных и исследованных Степановым. Кратеры квадратные, с закругленными углами, с почвой, выжженной вокруг них, до сих пор не потерявшей радиоактивности. Кратерам двенадцать-тринадцать тысяч лет — это подтверждает радиологический метод.

Две квадратные воронки отлично видны на фото, снятых со спутника: из-за меньшей плотности атмосферы спутники летают здесь ниже, чем на Земле. Первое, что пришло Степанову в голову — и засело накрепко в голове, — это предположение, что здесь стартовали космические корабли. Только дюзы, расположенные симметрично, могли дать четырехугольный кратер с плавными закруглениями по углам. Нечто подобное остается на почве после старта земных кораблей. Конечно, все можно объяснить естественными причинами: и воронки — кратеров на поверхности Марса тысячи, и закругленные углы: обыкновенная эрозия почвы. Однако... Могли быть и искусственные причины. Присутствие землян — тому свидетельство: появились карьеры, поселки и следы старта ракет в пустыне, когда не было еще космодрома.

Одно смущает Степанова: пришельцы были недавно — что такое тринадцать тысяч лет по сравнению с миллионами лет марсианской истории? Однако иных следов, кроме старта, инопланетчики не оставили. Спрашивается — почему? Да и воронки странные: как будто с планеты стартовали сразу, на полной мощности двигателей — почву буквально вырвало из-под дюз. Что за

поспешность? Неисправность двигателей? Может быть, бегство?..

Степанов и сейчас думает о странных кратерах — бумаги еще не все подписаны. Но спохватывается, кладет перед собой докладные.

Гурьев ехал пустыней, медленно перебирая педалями: в машине надо быть уверенным в любую минуту — это не Земля, мастерских по пути еще не поставили.

Гурьев воспринимал Марс по-своему: планета наводила на него скуку. Однообразные пустыни, фиолетовый небосклон, крошечные, быстро бегущие луны, словно их швырнули, раскрутив, из пращи, — все было чуждо Гурьеву. Может быть, потому, что он не привык? Работает чуть больше года. Нет, Гурьев чувствовал, что он слишком земной, чтобы ко всему этому привыкнуть. Степанов — другое дело. Степанов здесь двадцать лет, для него кругом все свое: база, поселки. Степанов — энтузиаст, вздыхает про себя Гурьев, а я попал не в свою тарелку.

Вездеход шел по следу, проложенному машинами к Тушинскому каналу. Русские названия, так же как английские, французские, японские, приживались на Марсе. Четверть века назад по вердикту ООН Марс разделен и колонизован. Планета разграничена на Западное полушарие и Восточное. Западное сохранено как заповедник, и работы там ведутся только научные. Восточное полушарие разделено на секторы между державами, достигшими Марса и обосновавшими на нем колонии. Советский Союз построил два города, кадмиевый завод, зато в других секторах, где предпринимательство частное, чуть ли не каждая компания, концерн ставят свои поселки, базы, бьют шахты и скважины. Делают это кому как вздумается. Чего стоит, например, акт компании «Виккерс», сорвавшей атомным взрывом гору над кимберлитовым месторождением? Французская «Солей» по добыче циркония все работы ведет открытым спосо-

бом, уродуя и обезображивая поверхность. Да и Соединенные Штаты — Гурьев проезжает по границе американского сектора, — хотя бы вот этот карьер Смита: рытвина с вывороченным черно-белым нутром, безобразным на фоне спокойной красной долины. Здесь же насыпь узкоколейки, без шпал и без рельсов, которые еще не успели подвезти. Таких карьеров и шурфов Гурьев знает немало, выглядят они варварски — боковым зрением Гурьев провожает рытвину Смита. На Земле бы такого не допустили: охрана природы, охрана почв... А на Марсе — пожалуйста. Вторглись в чужой мир и сразу прикарманили его: все кругом наше... Вообще, надо планету сделать полностью заповедной. Кадмий, цирконий можно добывать на астероидах.

Машина шла ровно — не подведет, — и Гурьев прибавил скорость. Холмы поплыли быстрее, остались по правую руку. На горизонте — сквозь дымку, в невероятной дали — вырисовывались зазубрины гор. Но туда Гурьеву не надо.

Он проехал еще километров шесть и выскочил на дорогу. Сразу же за дорогой — русло старого высохшего канала, полузасыпанного песком.

Дорога была чистая, гладкая и прямая, как по линейке, — марсиане умели строить. Дороги до сих пор как новые, сделанные из вечного камня. Их не засыпает песком. Камень электростатичен, сохраняет постоянное поле — так же как сохраняет поле магнит. Когда ветер поднимает песчинки, те электризуются в воздухе. Но дорога отталкивает их своим постоянным полем — ни одна песчинка не остается на полотне. Дороги практически вечны. Их разрушают только землетрясения, удары метеоритов, но сохранились линии на десятки, даже на сотни километров.

Гурьев любил дороги, дал вездеходу мощность. Тот заурчал, довольный, рванулся вперед.

До гелиографа четверть часа езды. Начнутся холмы, и на самом высоком из них прибор. Эти четверть часа

Гурьев пролетел, ни о чем не думая, наслаждаясь ездой. Вот и холмы. Гурьев сбавил скорость: подъем, впадина, снова подъем — покруче. Вездеход полез вверх, недовольно гудя, как рассерженный шмель. Гурьев прибавил газу, но вездеход зачихал, заглох. Гурьев схватился за рычаги, вездеход опять загудел, но не надолго: опять зачихал, два раза дернулся и заглох окончательно.

— Тьфу! — мысленно выругался Гурьев, поставил машину на тормоза.

До вершины оставалось метров шесть-семь. Там дорога вбегала в выемку — по обе стороны стояли скалы. Место Гурьеву было знакомо — проезжал здесь не раз. Досадно, что вездеход не дотянул до вершины — будут трудности с запуском: машина может соскользнуть по дороге вниз. Гурьев еще раз проверил тормоза — мертво. Полез из водительского кресла открывать люк.

Открыв люк и выглянув на дорогу, Гурьев попятился, вжался спиной в боковину кресла: скалы, небо, дорога были другими. Что такое?.. Гурьев потянулся рукой протереть глаза — жесткая рукавица скользнула по стеклу шлема. Но все осталось на месте, и все было другим: дорога приобрела светлый жемчужный блеск, скалы — на них появились грани и краски, чего за минуту до этого не было: только что Гурьев видел их растрескавшимися, сглаженными ветрами; небо не тусклое, не в красной пыли, а синее и глубокое. Чудеса!.. И где-то рядом слышался голос. С минуту Гурьев моргал глазами, вертел головой вправо и влево, осваиваясь с ковизной обстановки. У него даже была мысль захлопнуть люк, поглядеть в смотровые окна — может, там все по-прежнему? Но он вовремя понял, что это ребячество. А может, его отрезвил голос — кто-то говорил совсем рядом:

— Сюда, сюда! Станьте полукругом, чтобы всем было видно!

«А,— подумал Гурьев,— здесь я не один, можно выяснить, в чем дело».

— Ну вот,— доносилось из-за скалы.— Перед нами поле Несостоявшейся Битвы, поле Мира.

Странно! Гурьев спустился с машины и крадучись пошел к скале. Что-то подсказывало ему, что надо быть осторожным. За скалами — Гурьев это знал хорошо — открывалась обыкновенная песчаная равнина. Никакого поля Несостоявшейся Битвы здесь не было. Гурьев подошел к вершине и выглянул из-за скалы.

Картину он увидел еще более странную: равнина преобразилась, приобрела голубой и зеленоватый тона, что под синим, цвета индиго небом делало ее теплой, абсолютно неузнаваемой. Но это было там — на втором плане. В непосредственной близости от себя Гурьев увидел группу существ: приземистых и высоких, с двумя, с четырьмя конечностями, круглоголовых и вовсе, кажется, безголовых — все были в скафандрах. Все стояли к нему спиной, образовав полукруг, в центре которого находился высокий тощий человек без скафандра, без маски. Кожа на лице и на руках у него была серая. Если бы не этот цвет кожи, его можно было бы принять за землянина, хотя череп у него длинен и узколоб, тут же отметил Гурьев. Человек говорил, все остальные слушали. Все это было похоже на туристическую экскурсию, а человек с серой кожей — на экскурсовода.

— Поле Несостоявшейся Битвы, поле Мира,— говорил он, простирая руку к равнине.— Какие прекрасные слова! Но еще более прекрасно деяние, которое дало имя этой равнине!

«Экскурсовод, гид»,— решил окончательно Гурьев.

— Расскажу вам легенду,— продолжал серолицый гид,— о царской дочери Риннии, желтоволосой красавице. В легенде есть зерно истины. Вы увидите Риннию. Вовсе не красавицу, может, и не царскую дочь — взрослую женщину. Но Ринния — вы убедитесь — не вымышленная личность. В легенде сказано, что красавица Ринния, пробежав между враждующими войсками, связала золотыми своими волосами каждого воина, и это были

узы дружбы и братства, положившие конец битвам на нашей многострадальной планете.

Экскурсовод увлекся, голос его звенел от волнения. Пользуясь этим, Гурьев вышел из-за скалы и в несколько торопливых, но осторожных шагов присоединился к группе экскурсантов. Экскурсовод не заметил его, и вообще никто не заметил. Гурьев стал слушать дальше.

— Вот так выглядела равнина перед началом событий.— Экскурсовод сделал широкий жест, и равнина преобразилась.

Вся она была запружена вооруженным войском. Армии стояли лицом к лицу в боевых шеренгах. Первые линии — со штыками наперевес, готовые врукопашную. Вторая линия — мушкетеры (так решил Гурьев): в руках у них были короткие, с раструбом на конце ружья. За ними — конница, артиллерия. Хмурые окаменевшие лица — солдаты ждали сигнала.

— Справа от меня,— говорил экскурсовод,— Справедливые, слева — Честные. Вглядитесь: это две нации Марса противостоят друг другу. Какой момент! Решается судьба каждой нации. Генеральная битва, последняя битва!

Гурьев глядел и видел, что дело затевается нешуточное. Но как все это возникло на равнине, которую он помнит безжизненной и сухой? На узком пространстве между стоящими друг против друга армиями теперь трава и цветы. Бутоны!..— заметил Гурьев,— красные, желтые, синие! Ветер шевелил их, шевелил траву, каждый стебель отбрасывал тень. Картина была реальной до ужаса: в глазах солдат решимость, и страх смерти, и готовность к самопожертвованию. Как все это сделано?

— Святое мгновенье! Переломный момент истории! — говорил экскурсовод.— Глядите внимательно! Такой заснял эту минуту хроноскоп, который мы запустили в прошлое.

Хроноскоп...

— Сражения бывали и раньше,— продолжал говорить экскурсовод.— Битвы на Марсе бескомпромиссные: победители убивали всех побежденных, племя уничтожало племя, нация нацию. Трусами заваливали горные пропасти до краев. Страшные страницы истории, но я говорю обо всем откровенно,— гид оглянулся на экскурсантов,— чтобы вы поняли, как мы теперь гуманны, как далеко ушли от мрачного времени.

Сделав паузу, экскурсовод продолжал:

— На Марсе осталось две нации — Справедливые и Честные. В этой последней битве должна уцелеть одна нация — победительница. Другой суждено было исчезнуть. Как хорошо, что этого не случилось.

Войска стояли одно против другого, ждали команды.

— Внимание! — воскликнул экскурсовод.— Сейчас наступит развязка! Справедливые против Честных!..

«Что-то вроде войны Алой и Белой розы — из английской истории...» — подумал Гурьев.

— Не перебивайте!.. — оглянулся экскурсовод.— Слушайте и глядите молча!

Никто экскурсовода не перебивал, ничего у него не спрашивал.

Гурьев загляделся на мушкетеров. «Однако у них не мушкеты — автоматы...» — подумал он.

— Замолчите! — опять обернулся экскурсовод.— Или у кого-то неисправна мыслеантенна? Выключите!

Опять Гурьев не заметил среди экскурсантов ни движения, ни возгласа.

Кажется, был дан сигнал к сражению — Гурьев, видимо, пропустил, загляделся на экскурсовода. Тот был весь внимание.

Войска двинулись друг на друга. Узкая полоса травы между ними колыхнулась, как под ветром, и, точно кузнечики, вспорхнули из-под ног солдат бутоны — закружились в воздухе, как цветная метель.

— Вестники смерти,— мрачно сказал экскурсовод.— Но смерти не будет. Глядите!

Гурьев опять не увидел, откуда взялась эта женщина. Может быть, чуть изменился кадр — но пламя волос женщины вдруг появилось перед глазами.

— Ринния! Ринния! — завопил экскурсовод. — Вот она, Ринния!

Женщина бежала по свободной полоске между войсками, волосы развевались от быстрого бега. Была она высокая, длинноногая, в светлом платье. Но волосы!.. Они были солнечные, казалось, горели и опаляли лица людей.

— Ринния, вот она! — продолжал кричать экскурсовод.

Ринния бежала и тоже кричала:

— Остановитесь! Не надо крови! Не надо смерти!

Было ли это неожиданностью или так действовал вид, голос женщины, но следом, там, где она пробежала, опускались штыки.

— Справедливые, Честные, — продолжал звенеть ее голос, — это ведь все равно! Это один народ! Так пусть между нами будет жизнь и мир!

Ряды солдат расстраивались, мешались. Лица светлели. Один штык, другой брошены на траву. Солдатские спины заслонили женщину, но голос ее продолжал доноситься издалека:

— Жизнь каждому, мир каждому, дом и хлеб!..

Воины обнимались друг с другом. И цари — это тоже было показано, — царь Честных и царь Справедливых обнялись и поклялись в вечном мире.

— А потом на равнине, — сказал экскурсовод, завершив сцену братания, — был возведен город. И название городу дали — Мир.

Экскурсовод показал город: шпили, виадуки, аркады — великолепный город. Он сверкал, дышал, этот город, он висел в воздухе и любовался собой.

«Черт возьми, — подумал Гурьев, — куда же он делся, город Мир? Засыпан песком?..»

— Кто мне мешает? — взмахнул руками экскурсо-

вод.— Я же сказал — выключите мыслеантенну! Невозможно работать!

Он пошел вдоль группы, выстроившейся под скалой полумесяцем.

— Кто мне мешает? — продолжал он спрашивать.— Никогда у меня не было такой группы!..

Экскурсанты заворочались на месте, стали оборачиваться друг к другу. Гурьев стоял крайним справа, рядом с ним — сосед в квадратном скафандре, один из тех, о ком Гурьев думал, что они без головы. Голова у него была, но приплюснутая, без шеи, глаза-миндалины узкие, вытянутые, рот подковой. Сосед и Гурьев секунду смотрели друг на друга, и — подумать только! — сосед улыбнулся ему! Гурьев тоже улыбнулся в ответ, и они повернули лица к экскурсоводу, который был уже близко.

— Или вам не нравится то, что я рассказываю? — нервничал экскурсовод.— Сидели бы дома, нечего было интересоваться историей. Наша колыбель здесь, хотя мы уже давно переселились на другие планеты. Но от своей истории мы не отказываемся...

Тут он дошел до конца шеренги, остановился напротив Гурьева. С минуту разглядывал его скафандр, шлем, даже нагнулся к его лицу — марсианин был выше Гурьева на голову.

— Ты кто такой? — спросил он.

Гурьев ничего не ответил — попробовал отмолчаться. Марсианин, все еще разглядывая его, спросил:

— Ты откуда?

Ясно, что экскурсовод засек Гурьева и в молчанку тут не отделаешься. Но что ответить ему? Тот повторил вопрос:

— Ты откуда?

— Я здесь... на Марсе,— пробормотал Гурьев.

— Откуда ты взялся? — в третий раз спросил марсианин.

Пришлось признаться:

— С Земли.

— С Земли? — воскликнул марсианин. — Вот с этой?.. — ткнул пальцем вверх, где в это время должна быть Земля, но ее не было видно на дневном небе.

Гурьев кивнул. Марсианин был поражен.

— Кто тебя приглашал? — спросил он.

— Никто! — рассердился Гурьев. — Мы здесь давно!

— На Марсе?..

— На Марсе.

— А ну-ка, что вы тут... — Марсианин глянул Гурьеву в глаза. Гурьев хотел отвернуть голову, но не смог: в мозгу его закружились базы, поселки, рывтина Смита, атомная дыра над алмазной россыпью компании «Виккерс», космодром.

— Обосновались! — как будто издали слышал он голос экскурсовода. — Без разрешения! Испоганили Марс!.. — Экскурсовод был поражен и растерян. — Когда только успели? Вчера лазали по деревьям!..

Гурьев понимал, это относится к нему, к землянам. Хотел возразить, что у нас техническая цивилизация, лазеры (почему — лазеры?.. Но он хотел сказать — лазеры). Однако марсианин не давал ему высказаться.

— Одно, — возмущался он, — войти в контакт! Другое — захватить чужой дом и хозяйничать!

Гурьев не возражал, не сопротивлялся. Экскурсанты окружили его, смотрели на него. Каких только лиц тут не было: треугольные, квадратные, с одним глазом, с тремя. Все они смотрели на Гурьева, кивали в знак согласия с марсианином. Давешний сосед Гурьева, который улыбнулся ему, когда их взгляды встретились, — и тот дергал приплюснутой головой в скафандре, выражал негодование.

— Здесь уже были такие субъекты, — продолжал марсианин, обращаясь больше к экскурсантам, чем к Гурьеву, в какой-то мере освобождая его волю, давая ему самостоятельность. — Мы умеем бороться с такими субъектами!

Что теперь будет, думал Гурьев, чувствуя, как у него тяжелеет под ложечкой,— столкновение или марсиане нас убьют, искалечат?

— Что же вы сделали с ними?..— спросил он невпопад и даже беспомощно, имея в виду субъектов, которые были на Марсе и с которыми марсиане умеют бороться.

— То же, что сделаем с вами! — зловеще, как показалось Гурьеву, сказал марсианин.

Гурьев похолодел. В зрачках марсианина вспыхнул огонь — глаза его глянули в душу Гурьева, в мозг, в глубины сознания. Под этим взглядом Гурьев затрепетал, как осенний лист.

— То же сделаем с вами! — повторил марсианин.— Не убьем, не искалечим, не бойтесь. Выставим вас — домой!

Слово прозвучало в голове Гурьева как удар грома.

— Домой! — повторил марсианин и тряхнул перед лицом Гурьева пальцами, будто стряхивал с них грязь или брызги воды.

Гурьев попятился от него и так — пятясь, нащупывая ногами почву,— пошел к дороге. И по дороге он шел, пятясь, пока марсианина и экскурсантов не скрыли от него скалы. Здесь Гурьев обернулся и побежал к вездеходу. Что-то творилось в его мозгу. Нет, он не чувствовал боли, страха, паники, но и ничего другого он не чувствовал и не воспринимал: ни гелиограф ему не нужен, ни письма Сокольникову он не повезет. Одна мысль, желание горело в нем, застилая, отодвигая все другое: домой!

С этой мыслью он добежал до вездехода, прыгнул в люк и захлопнул дверь. Дал газ, на полной скорости развернул машину и ринулся с холма по дороге вниз. Замелькали спуски, подъемы, пустыня по обеим сторонам дороги, Гурьев нажимал на педаль акселератора, прибавляя газ, ерзал от нетерпения на сиденье. Ему казалось, что машина ползет как черепаха. Быстрее! Он тряс рычаги управления, поглядывал на спидометр —

стрелка дошла до упора. Быстрее!.. Гурьев скреб рукавицей смотровое стекло скафандра, не понимая, что этого сделать нельзя, но пытаясь растереть по лицу слезы умиления, нетерпения, стонал сквозь стиснутые до боли зубы: «Домой!..»

Едва не проскочил поворот, но свернул, скребнув гусеницами по вечной дороге, погнал машину по целине, поднимая за собой шлейф пыли. Возле гаража затормозил на полном ходу — машина несколько метров проползла юзом. В кессоне он топтался от нетерпения, ожидая, пока компрессоры наполнят камеру воздухом. Ворвался в помещение базы, кинулся к своему чемодану, стал совать в него костюмы, галстуки. То же делали Степанов, Берзари и Базилевич — собирали пожитки, совали их в рюкзаки. Степанов запихивал в портфель ночную сорочку. «Домой! Домой!» — бормотал он при этом. Документация из портфеля была вышвырнута, Степанов топтался по цифровым выкладкам, чертежам. Берзари и Базилевич отпихивали ногами связки бутылок, о которых час тому назад говорили, что их надо отправить на Землю детям. Беспрерывно звонил телефон, на него никто не обращал внимания. Звонки действовали на нервы, и, оторвавшись на секунду от чемодана, Гурьев схватил трубку. Звонили из соседнего американского сектора. «Go home, — орал кто-то. — Домой!»

«У них — то же...» — Гурьев отшвырнул трубку, защелкнул на чемодане замок.

Наконец все четверо оказались в кессоне — Гурьев, Степанов, Бернари и Базилевич. Не закрыв за собой дверь, кинулись к вездеходу. В машине немного успокоились. По дороге захватили Сидорова, заехали за Сокольниковым, — не по дороге, гнали по целине. В машину набилось десять человек при норме в шесть.

— На космодром!

На космодроме царил столпотворение: люди бегали, сустились, натыкались друг на друга, тащили что-то в грузовые люки кораблей, выбрасывали что-то отту-

да — как муравьи. «Домой!» — слышалось в шлемофоне у Гурьева, то же, наверно, слышалось в других шлемофонах. Не отдавая себе отчета, Гурьев включился в работу, которую делали все: начал таскать в корабль ящики с продовольствием, с медикаментами, с приборами, которые вчера были выгружены с кораблей, предназначены для работающих на Марсе. Наоборот, из люков Гурьев выбрасывал мешки с образцами марсианских горных пород, коллекции флоры, слитки кадмия, пакеты с какими-то сводками, аэрографическими картами. Гурьев вошел в раж и, как все кругом, кричал в непонятном восторге:

— Домой!

Со стороны пустыни, поднимая тучи песка и пыли, подходили другие машины — трехосные «роверы», оранжевые французские вездеходы. Люди спрыгивали на ходу, бежали к кораблям. Включались в работу: земное грузили в корабли, марсианское выбрасывали из люков.

— Домой!..

Суэта улеглась, когда все выбились из сил и когда в скафандрах подошел к концу запас воздуха. Последовала команда подняться в корабли, задраить люки.

Без сигнала, без отчета времени корабли один за другим стартовали с Марса.

Вовремя. Уже не видел никто, как вспучилась керамитовая броня космодрома, стянулась горбом и опала, превратившись в красную пыль. Никто не видел, как рухнули стены базы, наблюдательных пунктов, кадмиевого завода, как затянулись шрамы карьеров, стерлись в пустыне следы машин.

Позже, когда в кораблях люди пришли в себя, они увидели, что нет ни одного камня с красной планеты, а только пыль; чертежи, карты Марса, сводки — вся документация выцвела на бумаге. Беглецы поняли, какая постигла их катастрофа. Поняли, что не так просто осваивать чужие миры, хозяйничать в них и считать

себя первыми — что уж говорить о Вселенной, — первые ли мы в Солнечной системе?

Корабли управлялись автопилотами. Очень долго люди не могли оправиться от потрясения. Уже не было крика «Домой!», исчез общий психоз, но мало кто мог взглянуть другому в глаза. И мало у кого было желание глянуть, как уходила, уходила назад красная звездочка: таинственная чужая планета — еще в древности названная именем грозного бога.

ПРОРЫВ

Никто ничего не знал. Машину делали, и Машину сделали. Что будет потом — поди-ка предусмотрй...

Идею выдал аспирант Стась (впоследствии он отказался от идеи и от Машины в пользу НИИ). Душой проекта был неутомимый наш кормчий профессор Аполлинарий Павлович. Непосредственные исполнители — мы: НИИ, тридцать два человека.

Сомневающихся среди нас не было. Слишком много говорено о Машине, чтобы ее не сделать. Ее пора было сделать. Ее обязательно кто-то бы сделал. Почему не Стась?..

И вот воплощение наших стараний — шар, покрытый синим блестящим лаком, четыре метра в диаметре. Все в нем стремительно и масштабно, от названия — Машина Времени — до открытого люка: входите! Все готово к полету в неведомое. Внутри шара гудит и потрескивает, как в топке локомотива. Что там сгорит — время?.. По коже бегут мурашки.

— Друзья! — Аполлинарий Павлович поднимает руки. — В путь!

У раскрытой двери путешественники: Стась и два ассистента. Провожающие — сотрудники института. Никаких родственников! Все на работе: лаборантки в халатах, ребята в комбинезонах.

Машину вывезли в поле, в котловину среди холмов.

Холмы древние, земля тоже под ними древняя — так говорили геологи, — платформа, не подвергавшаяся поднятиям и опусканиям миллиард лет. Это было очень важно там — чтобы Машина не попала в море или в горные складки.

В центре котловины болотце, поросшее камышом и осокой. На берегу — проселок. Кран и большегрузную площадку тотчас отправили в город. Остались машины сотрудников института — одна за другой вдоль проселка.

— Друзья!.. — Голос Аполлинария Павловича звучит растроганно.

Стась пожимает руки всем по очереди. Его помощники — Ярцев, Батищев — тоже.

— До скорого, — говорим мы.

— Ни пуха, ни пера... — Каждый немножко смущен, говорит то, что говорят в аэропорту, на вокзале.

Путешественники захлопывают за собой люк.

Шар изолирован от внешней среды, как будет изолирован в полете от времени. Только гул, передающийся теперь через почву, будоражит наши сердца.

Было ли это опасно? Вдруг произойдет взрыв, смерч? Об этом не думаем. Верим в идею, в Машину.

Стоим напротив закрывшегося люка, смотрим на шар. Светит солнце, синее небо. Ветер несет в руке двух бабочек. В небе жаворонки. И все. Это запоминается до мельчайших деталей: бабочки опустились на одуванчик, он дрогнул и наклонился...

— Двадцать секунд, — говорит Аполлинарий Павлович — часы его сверены с часами Стася.

Бабочки вспорхнули — одуванчик распрямился.

— Пятнадцать секунд.

Все смотрят на шар.

— Пять...

Чего мы ждем? Шар исчезнет? Так должно быть по теории.

— Ноль! — говорит Аполлинарий Павлович.

Шар исчезает. Все — согласно с теорией.

Однако... Мы не ждали того, что произошло. Шар исчез, но появилась дыра. Темная дыра, четыре метра в диаметре! Мы стоим, как стояли, в полукружок и смотрим в дыру. Там темень. Абсолютно темно, как в печной трубе.

— Ох!..— говорит Вера Гладких, отступает назад.

Дыра не исчезает. Не дыра — туннель, мы стоим у входа. Вряд ли у кого есть желание войти в туннель. Все заняты мыслью: что это? Но раздумывать некогда. Буквально через мгновение после «ох!..» Веры в туннеле показалась вода. Сначала маленькой струйкой, потом ручьем, потоком. Нашла себе путь — по склону холма в болото.

— Спокойно, спокойно!..— Аполлинарий Павлович, схватив бородку в кулак, созерцает поток.— Любопытнейшее явление,— говорит он.— Удивительно любопытно!

Что любопытно — то да. Но откуда поток? Откуда туннель? И что может появиться с водой?

Ответ не замешкался. В потоке барахталось что-то живое.

— Рыба!

— Ящерица!

Ничего подобного! Вместе с грязью выброшен зверь, со скользким хвостом, ребристой спиной и головой змеи.

— Назад! — предостерегающе кричит кто-то.

Вовремя. Из трубы пошло неведомое зверье: панцири, зубастые пасти, лапы с когтями — все вперемешку,— и, только выскочив из туннеля, распадается, расползается. Под напором воды тут же смывается вниз, в болото.

— Боже мой! — Аполлинарий Павлович, стоящий к трубе ближе всех — остальные, отступая, лезут по холму,— приплясывает на месте.— Боже мой! — кричит он, и каждый его возглас становится на ноту выше, словно профессора накачивают возбуждением.— Это же Юра, Юра!..

Поток хлещет. В нем извиваются черви, слизи. Комья жесткой травы выплывают, как островки, шлепаются о землю и, переливаясь в потоке, рассыпаясь, ползут в болото. Наносит гнилью, тиной, влажной жарой. Время от времени из трубы плюхается круглая черепаха, беспомощно шевелит лапами, если упала животом вверх, но поток помогает ей, переворачивает. Став на лапы, черепаха получает устойчивость и ползет своим ходом.

Что же это такое? Откуда? — крутится у каждого из нас в голове. Вода прибывает, заполнив трубу до половины, несет новых зверей, с зубастыми пастями и когтями.

— Юра!.. — кричит Аполлинарий Павлович, словно помешанный.

Выскочило чудовище, величиной с моторную лодку, плоское, с панцирем на спине. За ним — другое, третье.

— Анкилозавры! — самым высоким тоном — дискантом — кричит Аполлинарий Павлович. В дальнейшем он будет кричать только дискантом. — Из юрского периода, что вы, не видите? — Аполлинарий Павлович тычет в зверей, выпрыгивающих из туннеля один за другим. — Пятый, шестой, — погибает он на руках пальцы. — Седьмой!..

Звери продолжали выпрыгивать — косяком.

— Силы земные! — Аполлинарий Павлович перестал считать — не хватило пальцев. — Тут и Юра, и Мел! Куда они залетели?..

Из туннеля показалась плоская черная голова. Змей Горыныч!.. За головой выползала шея, утолщалась, словно древесный ствол. Голова ходила из стороны в сторону, глаза поблескивали. Раскрылась пасть с черными многочисленными зубами. Чудовище басовито рывкнуло: «Гу!..» Шея все лезла — пять метров, семь метров!.. Показался бурдюк, еле вмещавшийся в обширном туннеле. Чудовище шествовало на грузных толстых ногах. Кажется, оно приседало — спина упиралась

в свод туннеля. Но оно двигалось — его подталкивала вода, — двигало шеей. Опять разинуло пасть! «Гу!..» Шлепнулось в лужу. Сдерживаемый до этого туловищем поток подтолкнул зверя к болоту. А хвост все еще был в туннеле, и пока зверь продвигался вниз по холму, хвост тянулся за ним, кажется, бесконечно.

Аполлинарий Павлович, как и мы, пораженный видом чудовища, на минуту замолкший, как только хвост плюхнулся из трубы, закричал, всплеснув руками:

— Зауропод! Самый громадный ящер!

Хитрый старик. Заранее проследил возможный путь Машины в прошедшее и теперь безошибочно узнает фауну верхней Юры и Мела.

— Глядите!.. — кричит он, делая несколько шагов за чудовищем, сопровождая его в болото. Тут же возвращается к туннелю — что еще покажется из неведомого?

Глядим. Бесперывно глядим в трубу. Кое-что до нас доходит. Машина сработала. Но что означает этот туннель, это зверье? Опять начали прыгать анкилозавры... Что из этого выйдет? Прошло полчаса — болотце кишит неведомой живностью. Что будет здесь через час, через день? Через год?..

Машина Времени!.. Ну и пусть себе. Сколько читано, думано о Машине. Ушла и пусть путешествует. В крайнем случае Стась привезет с собой трилобит, невиданный цветок из палеозоя. И все. И хорошо. Большого нам не надо. А тут — прямое сообщение: юрский период — двадцатый век. Зверье лезет и лезет. Почему ничто не уходит от нас в трубу? Бабочки как кружились возле туннеля, так и кружатся. Всё оттуда, оттуда. Вдруг вместе с потоком неведомые микробы, болезни? Придется же отвечать!.. Холодный пот пробирает нас до костей.

Туннель не скуится. Что-то новое шевелится в нем, плещет водой — тупое, громадное и безглазое. Для него тоже туннель тесен. Чудовище нервно бьется в трубе, движется медленно — другой змей! Но почему без го-

ловы, без пасти?.. Большого труда стоило понять, что это хвост бьется в трубе. Чудовище двигалось задом!.. Показались лапы с острыми роговыми когтями — они шевелились, скребли темноту, — зверь полз на брюхе. Наконец вывалился из туннеля. Тотчас вскочил на ноги, огляделся. Мамоchка-мама!.. Голова как сундук! Пасть утыкана зубами-кинжалами!..

— Тиранозаурус рекс! — объявляет Аполлинарий Павлович.

Профессор не удивился, не испугался — он, словно мажордом, объявил о прибытии очередного важного гостя.

— Тиранозаурус рекс! — В голосе Аполлинария Павловича почтение.

Зато тиранозавр чувствовал себя сконфуженным. Было ли причиной этого его появление хвостом вперед, или умный ящер понял необычность обстановки, в которую он попал? Встав на задние лапы и сиротски прижав малые передние ручки к груди, казавшиеся совсем человеческими и так не шедшие к его громадному телу, он встряхнулся, как пес, вылезший из воды на берег, и заковылял в болото.

Голова его мерно покачивалась, ошеренные клыки придавали морде оскал, схожий с улыбкой. Но, право, улыбка была конфузливая.

Поток — уже не поток: река — хлестал из дыры, и это была не дыра, не туннель — прорыв. Машина и путешествие привели к невероятному. Образовалась брешь во времени, в пространстве, из немыслимой дали, из-за хребтов в миллионы лет появилась невиданная, потрясающая чужая жизнь. Жизнь имела свои законы, уклад, и это проявилось тотчас в ужасающей наготе. Все, что ползало, прыгало, шевелилось в болоте, было свирело и голодно.

Анкилозавры набросились на камыши и осоку. Зауропод шарил по дну, то и дело опускал голову в ил, вытаскивал корни и чавкал так, что эхо разносилось да-

леко по холмам. Иногда он поднимал длинную шею, оглядывался и ухал: «Гу!» — выражал удовлетворение. Остальные сопели в болоте, хрюкали, тоже чавкали. Прислушаешься — работает заводской цех, с разболтанными машинами, неисправными клапанами, которые при каждом движении пропускают пар или воздух. Чавкающие звуки смешивались, заглушали друг друга, к ним примешивалось кваканье, турканье жаб и другой неведомой живности. В цехе существовала сигнализация — гудки, свистки...

Появление тиранозавра не смутило компанию. Очевидно, в те далекие времена звери не знали страха — по крайней мере до тех пор, пока хищные зубы не впились в их тело. Или, может быть, в те времена все подразумевалось само собой: все что-то жрали, друг друга — тоже и, наверно, интенсивно плодились, потому что каждый вид существовал миллионы лет. Появление ящера никого не встревожило. Зато рекс, оказавшись в болоте, оправился от смущения. Походя, бросил голову вниз, словно клюнул, перевернул анкилозавра на спину, коротким движением вырвал из него часть живота вместе с внутренностями — тот только визгнул, как свинья под ножом. Такая же участь постигла второго анкилозавра. Тиранозавр знал свое дело, не брал панцирных сверху: переворачивал на спину и выдирал живот с внутренностями...

Мелкота не удовлетворяла гиганта. Хищник увидел зауропода. Приоткрыв пасть, двинулся к травоядному, пошевеливая концом хвоста, как кошка, когда она находится в возбуждении. Согнутые ручки приподнять, будто зверь хотел ощупать добычу, выпуклые, величиной с арбуз, глаза шевелились в глазницах — в них аппетит и предвкушение завтрака. Ни свирепости, ни кровожадности — рекс улыбался, приоткрыв пасть, — нам на холмах от этой улыбки было жутко до обморока.

Зауропод, до этого мирно перепыхивавший болото, вытянул шею, насторожился. Перестал гукать. Рекс ша-

гал спокойно, широким шагом, — кончик его хвоста все так же подрагивал. Зауропод понял опасность, дернул шейей, как селезень, вверх-вниз, зашипел. На рекса это не произвело впечатления, зверь приближался. Зауропод двинул хвостом, вздыбил волну. Волна докатилась до рекса, плеснула у него под животом. Рекс дернул шейей, но не перестал улыбаться. Зауропод зашипел громче, поднял хвост над водой. Рекс заметил движение, отогнул шею с клыкастой головой назад. Но это не было движением испуга. Это подготовка к атаке. В следующий момент рекс метнул голову вперед, с расчетом впиться зубами в шею зауропода. Тот гибким движением уклонился, так что голова рекса опустилась почти у него на спине. Одновременно зауропод могучим ударом обрушил хвост на голову рекса. Слышно было, как зубы хищника лязгнули.

— Так его!.. — сказал кто-то восторженно на холме.

Тиранозавр взревел. Рев у него был ослиный:

— И-а-а!..

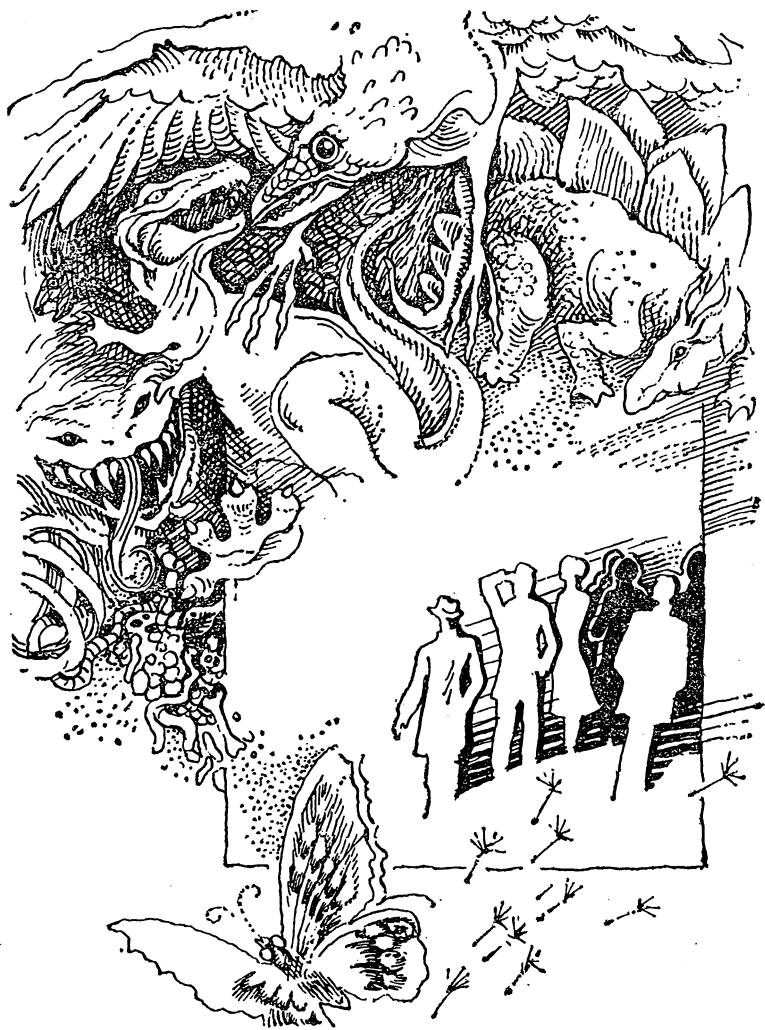
Это сразу уронило его в наших глазах. Скажу: мы были зрителями. Только зрителями. И наши эмоции были как у зрителей. Пожалуй, все, что происходило внизу, нагоняло на нас оцепенение. От неожиданности оцепенение, от страха — как хотите. Поэтому мы не разговаривали. Лишь изредка издавали восклицания, и то — робко, негромко.

Рекс отпрянул, потоптался на месте. Теперь пасть его была раскрыта шире, в глазах исчезло предвкушение легкого завтрака.

— И-а-а! — взревел он снова: осел, ну прямо — осел!

— Гу! — ответил зауропод. Это не было прежним «гу!», выражавшим удовольствие при кормежке. Рык, не шедший ни в какое сравнение с криком тиранозавра.

Рекс опять метнул голову, норовя вцепиться в основание шеи противника, и опять получил удар хвостом,

— И-и-и! — заверещал он, вскинув голову на всю длину шеи.

Это было нечто другое. В крике слышался скрежет металла. И это действовало. Чавканье, урчанье в болоте смолкли, живность почувствовала царя зверей, присмирела. У нас от этого крика защемило в ушах — захотелось попятиться. Крик подействовал на зауропода. Он подергал шеей вверх-вниз, и это вовсе не было героическим жестом.

Между тем рекс менял тактику нападения — обходил зауропода, заходя к нему с фронта. Тот почуял опасность, зашевелился. Но тяжелые ноги его вязли в тине — рекс был подвижнее, — зауропод не мог стать к нему боком, чтобы иметь свободный размах хвоста. Зверь снова загукал, но рекс не обратил на это внимания: знал, что и как надо делать. Миллионы его предков, сородичей получали оплеухи от зауроподов и в свою очередь вырабатывали приемы нападения. Это уже делалось инстинктивно — рекс старался стать с противником нос к носу.

Так он и шел, в обход, ступая мягко и вкрадчиво. Ручки прижал к груди, словно засунул их за лацканы пиджака, и опять улыбался — как по-иному назвать оскал?

Когда достиг желанной позиции, еще раз выбросил голову по направлению к добыче. Зауропод попытался отбиться шеей. Это и нужно рексу. Его движение было обманным: он выбросил голову не на длину шеи — только сделал движение вперед и тотчас отдернул голову. Когда же длинная шея зауропода взвилась над ним, он слегка нагнул голову — как это делают птицы, когда глядят в небо, — поймал зубами шею противника у основания головы и сомкнул челюсти. Послышался хруст, голова зауропода брякнулась в воду.

— Господи, боже... — сказала Вера.

На болоте схватка закончилась. Зауропод еще дер-

гал шеей, бил хвостом по воде, но рекс выдира из его туловища куски мяса.

Другое явление привлекло наше внимание. Замечу: после того как голова зауропода свалилась, а фонтан крови хлынул в болото, многие из нас, чувствуя дрожь в ногах, сели на землю. Только Аполлинарий Павлович, находившийся возле туннеля, не присел и не отвернулся от жуткой сцены. Вдруг он закричал:

— Яйца! Яйца!

Белые продолговатые предметы выпрыгивали из трубы, уплывали в болото — одни быстро, в середине струи, другие, цепляясь за почву, задерживаясь. Несомненно, это были яйца рептилий — кладку захватило потоком.

Яйца заметил не только Аполлинарий Павлович. Наверно, это был деликатес для многих обитателей юрского периода. Анкилозавры, змеи устремились к добыче. Профессор засуетился на берегу.

— Кыш! — кричал он зверью, хватавшему яйца. — Пошли вон! Кыш!

Яйца исчезали одно за другим. Травоядные лакомились ими с таким же удовольствием, как хищные змеи.

— Сожрут!.. — обернулся к нам Аполлинарий Павлович.

Большой беды мы в этом не видели: на наших глазах рекс пожирал зауропода. Но Аполлинарий Павлович думал, видно, по-другому. Когда на виду осталось два-три яйца, он кинулся в болото, буквально выхватил одно из пасти змеи. Прижав яйцо к животу, повернул к берегу. Мы помчались с холма к нему на выручку.

Это был момент: Аполлинарий Павлович выхватывает яйцо из пасти змеи! Юрские чудовища — и царь природы!.. Впоследствии профессор любил утверждать, что спасение яйца было самым героическим деянием в его жизни. Мы были согласны: выглядело это великолепно.

Профессор вылез на берег и торжественно нес яйцо,

когда из трубы, кажется, по доброй воле, стали выпрыгивать гигантские птицы. Голенастые, с огромными клювами, с поднятыми хвостами, они имели уверенный бодрый вид, вращали глазами и прихлопывали зубастыми челюстями, отчего кругом пошла сухая деловитая дробь. Птицы были величиной со страуса.

Аполлинарий Павлович оглянулся через плечо и завопил:

— Орнитомимиды!.. Спасайтесь!

Впервые Аполлинарий Павлович ринулся от трубы. Ни поток, ни тиранозавр не испугали его так, как эти птицы. Прижимая яйцо, как продолговатый мяч регби, профессор прыжками несясь вверх по холму.

— Орнитомимиды! — кричал он, как будто за ним гнались демоны.

Очевидно, птицы имели свойство преследовать все движущееся — мгновенно кинулись за ним.

— Спасайтесь! — кричал он нам, мы еще бежали с холма выручать его из болота: сцена с яйцом и птицами заняла полминуты. Мы мчались по инерции — нельзя было затормозить.

Птицы настигали профессора. Аполлинарий Павлович упал и скорчился, прижимая телом яйцо к земле, положив руки на затылок, в защитном жесте. Птицы потеряли движущуюся цель. Но мы продолжали бежать. Потеряв одну цель, хищники обрели несколько. В два прыжка подскочили к нам.

— Падайте! — заорал профессор.

Упали не все. Вадим Турчин и Валя Цаная кинулись назад, вверх по холму. Куда там! Передовой орнитомимид долбанул Вадима в спину, схватил за ковбойку зубами. Вадим обернулся и смазал прищельца кулаком между глаз. Рубаха затрещала, порвалась. Однако агрессор не разомкнул пасть. На помощь Вадиму пришла Валя — трахнула орнитомимида рулоном чертежей. Бумаги разлетелись.

— Падайте!..

Вадим и Валя упали. Зубастый бандит выпустил рубаху, почувствовав, что она несъедобная.

Ветер подхватил чертежи, и они, планируя, полетели к подножью холма. Это опять была движущаяся цель. Подскакивая на полтора метра, птицы хватали листы, но, убеждаясь, что и они несъедобные, в ярости рвали бумагу, оглядываясь по сторонам. Холм вымер: все лежало лицами в землю.

Наконец внимание хищников привлекло движение на болоте, и они устремились туда.

— Когда все это кончится?.. — спросил пострадавший Вадим.

Никто ему не ответил. Но, по-видимому, судьба положила конец нашим приключениям. Будто в ответ на слова Вадима послышался свист, шлепок, словно кто-то с гигантского мастерка плеснул цементным раствором, — появился корабль-шар, запечатав туннель. Был он увешан водорослями, измазан грязью и тиной.

— Вот он! — воскликнул Аполлинарий Павлович. — Прибыл!

Мы опять побежали с холма, не обращая внимания на болото, где обжирался тиранозавр, долбили тушу зауропода агрессивные птицы. «Ура-а!» — кричали мы. Опыт удался, и еще как! Отрезвление придет позже, а сейчас мы ликовали, и, когда открылся люк и в проеме показался Стась, ему не дали выйти — вытащили из люка и стали бросать в воздух. При этом мы спрашивали: «Как там? Что там?..» Бросали до тех пор, пока Стась не рассердился и не взмолился: «Больно!» Потом стали кидать в воздух Ярцева, Батищева. Потом — Аполлинария Павловича.

Наконец уgomонились, усадили Стася и его помощников и стали слушать.

— Братцы мои, — рассказывал Стась, — что там творится! Даже не борьба за существование — грызня!..

— По порядку, — предложил Апполинарий Павлович.

— Дайте отдохнуть,— Стась покрутил головой.— В глазах рябит!

— Все-таки — по порядку,— настаивал Аполлинарий Павлович.

— Хорошо, по порядку.— Стась перестал крутить головой, продолжал: — Включили пуск — и мгновенно оказались в юрском периоде.

Аполлинарий Павлович победно глянул на нас: «Юра!..»

— В центре болота,— продолжал Стась.— По берегам лес — из деревьев с бочкообразными и конусными стволами. Болото рассекалось протоками черной воды. В протоке мы и застряли. Вокруг копошилось зверье: черви, змеи, черепахи, панцирные звери, длинношее динозавры, птицы с кожистыми крыльями, птицы без крыльев — не перечтешь. Все это ползало, прыгало, вздыхало, ревело, чавкало — кто-то что-то обязательно ел. Ни одной неподвижной или закрытой пасти мы там не видели: одни из зверей обдирали осоку с кочек — ели, другие вытаскивали что-то со дна болота — ели, третьи ели друг друга. Пир Асмодея!..

— Всеобщее обжорство,— уточнил Ярцев.

— Правильно,— согласился Аполлинарий Павлович.— Они и тут,— указал на болото,— жрут.

Рекс обглаживал зауропода — белели широкие, с неструганую доску, ребра; орнитомимиды рвали тушу с другой стороны; змей и червей в болоте поубавилось; анкилозавры кончали заросли камыша. Что будет, когда они сожрут все?..

— Да,— продолжал Стась.— Такое обжорство было и там... Но что-то случилось. Болото вспучилось, захлебнулось водой. Живность встревожилась, завертела мордами, заревела. Корабль вздрогнул. Землетрясение?.. Нет, наводнение.

Протоку захлестнуло нахлынувшей из леса водой. Корабль приподняло. В задние иллюминаторы мы увидели дыру. Ярцев увидел.

— Трубу,— сказал Ярцев.— Туннель...

— В трубу,— продолжал Стась,— ворвалась вода, понесла с собой все, что в ней находилось: осоку, червей, змей. Чем больше прибывало воды, тем выше поднимался шар, шире открывалась труба. В нее засасывало панцирных динозавров, черепах. Принесло откуда-то длиннеего зверя.

— Зауропода,— подсказал Аполлинаруй Павлович.

— Засосало в трубу,— кивнул Стась.— Куда она зела, труба? К нам?.. Корабль не только передвинулся во времени — сделал туннель? Эпохи соединились?.. Что-то новое, непредвиденное. А что было неново в нашем эксперименте?.. Как же теперь назад? Будет второй туннель? Время можно протыкать дырами как голландский сыр? Что из этого выйдет? Втянуло в трубу зубастого ящера, потом зубастых птиц, отчаянно хлопавших крыльями. Мы не на шутку встревожились. Если эта компания появится в нашем времени, придется держать ответ... Мы хотели немедленно уходить назад, но в этот момент вода стала спадать. Шар начал опускаться, вода втягивала его в туннель — он входил в дыру как пробка. Вот и ответ на нашу заботу, подумалось нам, и когда шар опустился до прежнего уровня, закрыл собой вход в туннель, мы нажали на рычаг — назад.

Некоторое время все молчали. Потом Аполлинаруй Павлович сказал:

— С благополучным прибытием.

Опять помолчали. В болоте продолжалась возня, от туда тянуло сладковатым недобрым запахом.

— Из машины выходили? — спросил Аполлинаруй Павлович участников экспедиции.— Как там пахнет?

— Не выходили,— ответил Стась.— Слушали через микрофоны.

— Смотрите,— обратил внимание Вадим,— один перевернулся вверх брюхом.

В камышах, в центре болота, полускрытое водой белело пятно.

— Вон в стороне — еще...

Два анкилозавра лежали в воде неподвижно, вверх животами.

— Объелись? — спросил кто-то, поднявшись на ноги, чтобы лучше видеть.

— Издохли, — сказал Вадим. — И птицы...

Две-три птицы, уткнувшись в падаль, перестали клевать.

— А этот жрет, — указала Валя на рекса.

Рекс продолжал есть, но уже, видимо, по привычке, без аппетита.

Еще два анкилозавра всплыли в воде.

— Издыхают!

— А запах!..

Из болота несло смрадом.

Отчего это? Болото умирало. Чужая жизнь разлагалась.

— Объясните же кто-нибудь!..

Никто не понимал, что происходит: столкновение времен? Поражение прошлого?..

Наверно, причин перебрали бы дюжину, не подойди к нам человек в болотных сапогах, с ружьем за плечами.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте.

— Вы кто будете? — спросил человек. — Киносъемщики? А может быть, рыболовы?

— Не киносъемщики и не рыболовы, — ответил Стась. — А вы кто?

— Сторож.

— Что же вы охраняете?

— Ребятишек гоняю, — человек улыбнулся, отчего щекам его, по вискам пошли морщинки-лучи, сделав лицо неожиданно простодушным. Ружье как-то сразу не пошло ему, да и сапоги, спустившиеся ниже колен, не придавали ему воинственности.

— Ребятишки тут, — продолжал он, — пескарей ходят

ловить. А рыба ядовитая. Вот меня и поставили — го-
няй.

— Рыба ядовитая?..

— Как же не быть ядовитой, если в болото химию
льют — отходы.

В самом деле, теперь, когда растительность на боло-
те исчезла, там и тут на воде показались ржавые и чер-
нильно-синие пятна.

— Добрая рыба вымерла, — продолжал сторож. —
А мелкота кое-какая приспособилась. Только есть ее
нельзя. Ребятишки, понятно, не понимают. Вот меня и
поставили. Ружье дали — для острстки, патронов нет...

Сторож опять улыбнулся, поиграв лучами-морщин-
ками. Поглядел на болото:

— Да вот диковина приключилась, — указал на по-
гибшую юрскую живность. — Может, это от химии? Ут-
ром не было, а сейчас — есть... Я на обеденный перерыв
уходил, — добавил он, вроде бы извиняясь. — Может, это
декорации? Вы тут кино снимаете? Так ведь несет
как... — понюхал он воздух, поморщился.

Юрская фауна разлагалась.

Стась решительно захлопнул люк корабля:

— Пошли!

— Вот и я говорю, — оживился сторож. — Лучше уйти
отсюда.

Невозможно было дышать.

— От этой химии, — продолжал сторож, — что еще
расплодиться может?..

Мы пошли по машинам, сторож — в обход болота.
Герметически закрытый шар остался на берегу. Апол-
линарий Павлович шагал позади, нес под мышкой про-
долговатое, как дыня, яйцо.

Разместились в машинах, тронулись навстречу не-
приятностям.

Нас прорабатывали за все.

За то, что опыт поставили скоропалительно.

За то, что не пригласили авторитетную комиссию.

За то, в частности, что не включили в свою группу палеонтологов, зоологов, экологов и этологов...

Насчет комиссии — как сказать. Если бы опыт не удался, что бы нам сказала комиссия? И смета наша не предусматривает оплату авторитетов. Палеонтологов, зоологов заменил в какой-то мере Аполлинарий Павлович. А вообще, кто знал, что Машину занесет на границу Юры и Мела? И что будет туннель?..

Оправдания наши не принимались. Пахло крутым взысканием.

— Кто главный изобретатель? — спрашивали у нас. — Кто подал мысль о Машине Времени?

Мы, конечно, не выдавали Стася. О том, что первым мысль о Машине подал Уэллс, в наше оправдание тоже не приняли.

— Произведен прорыв в пространстве-времени, — обвиняли нас. — Если каждый начнет делать прорывы — что из этого получится?

Станислав собрал нас после одного из таких разговоров и сказал:

— Меня могут стереть в порошок, братцы. Откажусь я от идеи и от Машины в пользу НИИ. НИИ не сотрут в порошок — НИИ удержится...

Мы подумали, согласились: нас все-таки тридцать два человека...

Машину законсервировали. И вправду: что если каждый начнет делать дыры в пространстве-времени. Тут надо подумать.

Рассказ о Машине, по сути, закончен. Мрачноватый рассказ, но в нем есть и светлая сторона.

Аполлинарий Павлович увез яйцо к себе на дачу. Соорудил инкубатор: насыпал в ящик песку, прикрыл крышкой, в которую вмонтировал восемь полуторастасвечовых электрических ламп. Положил в песок яйцо — неглубоко, чтобы оно могло прогреться. Скорлупа, рассуждал он, тот же скафандр: в воде яйцо было недолго, авось химия не повредила его. Каждый день Аполлина-

рий Павлович проверял температуру, влажность в инкубаторе, поглядывал, не появится ли какого чуда.

Чудо появилось — маленький заврик. Высунул голову из песка и смотрит.

— Здравствуй! — обрадовался Аполлинарий Павлович.

Положил детеныша в корзину с ватой, поставил в своей спальне, захлопнув предварительно форточку в окне — никаких сквозняков!.. Детеныш имел не меньше сорока сантиметров роста, массивную голову, крошечные, как спички, верхние лапки, а нижние — сильные, крепкие, с пальцами, похожими на птичьи когти. Когда детеныш вставал, он опирался на длинный упругий хвост.

— Рекс! Настоящий рекс!..

Назвал Аполлинарий Павлович заврика Гошей.

Кормил рублеными крутыми яйцами вперемешку с говяжьим фаршем.

Гоша рос на редкость смышленным, привязчивым. С первой минуты, увидя Аполлинария Павловича и поняв, что Аполлинарий Павлович о нем заботится, Гоша посчитал его мамой и разрешил о себе заботиться впредь. Профессору это льстило, и, похлопывая заврика по спине, Аполлинарий Павлович говорил:

— Умница!

Когда Гоша научился ходить и прыгать, он устраивал с Аполлинарием Павловичем игры: прятался где-нибудь в куст и внезапно появлялся перед профессором, разинув пасть и вереща от восторга. Или тянул профессора за штаны, как щенок, скалился при этом, подмигивая глазами и улыбаясь.

— Ну, ну, проказник!.. — говорил Аполлинарий Павлович — от улыбки Гоши ему бывало не по себе.

Гоша любил шумные игры: распугать голубей, загнать кошку на дерево. При этом он уморительно щелкал зубами и хвост у него извивался от возбуждения.

Когда Гоша не спал и не играл, он жил с Аполли-

нарием Павловичем душа в душу. Вместе они гуляли в послеобеденные часы, ездили в город на «Москвиче» за продуктами, даже смотрели телевизор.

Гоша — ребенок, но характер и сноровка у него проявились довольно рано. На втором месяце существования он свернул голову петуху, через два дня после этого ободрал собаку — подавал радужные надежды...

— Боево-ой! — говорил друзьям Аполлинарий Павлович.

Кое-что начинало заботить профессора. В последнее время Гоша пристрастился к бараньему шашлыку: в завтрак, в обед и в ужин по восемь порций... Сырой шашлык явно предпочитал жареному.

— Да-а...— задумывался, глядя на него Аполлинарий Павлович.

Но все равно гордился своим воспитанником: другого такого заврика ни у кого не было.

Не знал, что очень скоро заврика не будет и у него.

Произошла история, которую можно было предвидеть.

Надо сказать, что Гоша рос буквально не по дням, а по часам. Скоро он уже не мог помещаться на сиденье автомобиля рядом с Аполлинарием Павловичем — мешала крыша. Пришлось выхлопотать открытый кабриолет. Но и в кабриолете день ото дня становилось тесно. А аппетит! Полтуши теленка Гоша съедал запросто и, по всему было видно, не наедался. «Что же это будет?» — тревожился Аполлинарий Павлович. Вся его зарплата уходила на прокорм динозавра.

— Он и вас сожрет, — говорил Аполлинарию Павловичу директор зоопарка Егоров, инициативный бодрый старик, желавший заполучить завра себе, — то-то будет кассовый сбор!

Аполлинарий Павлович был против меркантильных соображений директора и на просьбы его не поддавался.

— Ладно, — добродушно посмеивался Егоров, — придет день...

День пришел. Вместе с телефонным звонком Аполлинария Павловича:

— Приезжайте и заберите!

— Кого забрать? — спросил директор зоопарка.

— Георгия.

— Позвольте... — Егоров думал: не ослышался ли?

— Никаких «позвольте»! — раздраженно ответил Аполлинарий Павлович. — Приезжайте и заберите!

— А как же?.. — Егоров хотел спросить о гордости Аполлинария Павловича, о здоровье Гоши, но Аполлинарий Павлович не хотел никаких разговоров.

— Приезжайте! — настаивал он. — Захватите с собой пожарных.

С тех пор завр Георгий пребывает в зоологическом парке, в вольере за решеткой с прутьями вершковой толщины и высотой в два с половиной метра. Голова Гоши и часть шеи, однако, выше решетки, и Егоров уже строит для него новый, более обширный загон. И вообще подумывает, как бы сплавить Георгия в другой зоопарк — например, в столичный. Очень накладно стоит прокормить завра. И дети боятся Георгия, плачут и отбиваются, когда любопытные отцы тянут их поглядеть на юрского монстра.

Аполлинарий Павлович тоже не подходит к Георгию — чтоб ему пусто было. Профессор не может забыть утра, предшествовавшего звонку в зоологический парк.

Как всегда, они с Гошей ездили за продуктами в город. И, как всегда, возвращались мирно и благодушно. Вдруг Гоша забеспокоился, забарабанил верхними лапами по животу, что у него означало срочное и неотложное дело. Аполлинарий Павлович остановил кабриолет, открыл дверцу. Гоша сполз на шоссе, перешел обочину и скрылся в придорожных кустах. Аполлинарий Павлович, как полагается в этих случаях, терпеливо ждал, пока Гоша справит свои дела и возвратится. Но Гоша не возвращался.

Аполлинарий Павлович подал сигнал, однако результат получился совсем неожиданный. Из кустов с блеянием и шумом хлынула отара овец. Они бежали в такой панике, что перескакивали друг через дружку, валились в кювет и орали как резаные.

— Гоша!..— мелькнуло в голове Аполлинария Павловича.

Он выскочил из машины и бросился в кустарник по направлению, куда скрылся завр. Бежать пришлось недолго, но то, что увидел Аполлинарий Павлович, миновав заросли, вздыбило на его голове остатки волос. Гоша рвал отару, разбрасывал животных направо, налево, давил своей тяжестью как мышей. Ловким и в то же время яростным движением головы хватал овец за бок, за спину и, трянув в воздухе, как портянку, отбрасывал прочь. Полдюжины задранных овец лежали замертво, полдюжины других корчились с вырванными боками.

— Гоша! — закричал Аполлинарий Павлович. — Георгий!..

Гоша на крик не обратил внимания. Тыкал мордой в кусты, выдирал оттуда застрявших животных, тряс в воздухе и тут же, забыв об одной жертве, примеривался к другой.

Это было избиение, растерзание. И вовсе не ради еды, не ради запаса, как делает, например, медведь, — зверюга развлекался, скалил пасть, подрагивал хвостом, что у него выражало высшее удовольствие. Морда и лапы ящера были в крови.

— Гоша! — Аполлинарий Павлович подскочил к своему питомцу вплотную.

Тот разинул пасть, отвел голову назад и выбросил ее навстречу хозяину.

Куртка спасла профессора от зубов зверя, но мгновение, когда Аполлинарий Павлович летел в воздухе, падение в кусты — ветки смягчили удар — будут помниться Аполлинарию Павловичу до смертного дня. Зато

он почти не помнит, как выбрался из кустов, сел в машину и добрался до телефона.

Гошу нашла и усмирила пожарная команда. При этом потерпели от ящера одиннадцать человек. Все они попали в больницу, а Гоша со связанными ногами и челюстями — в клетку.

С тех пор дети и Аполлинарий Павлович не приходят в отдаленную часть зоопарка глядеть на доисторическое чудовище.

Приходят зоологи. Но ведь на то они и зоологи...

РОДИЛСЯ МАЛЬЧИК

— Мальчик! Елена Андреевна, родился мальчик!

Детский крик распорол тишину палаты. Елена Андреевна открыла глаза.

— Боже мой! — Сестра держала навесу сморщенное красное тельце, с поджатыми руками, ногами, сплюснутой головой и отчаянно кричащим раскрытым ртом.— Боже!..

В школе ее учили не выдавать своих чувств. Особенно если в детях было что-нибудь нестандартное. Сестра помнила это правило, но и в третий раз — пусть мысленно — она повторила: «Боже мой!»

Заметила расширенные глаза роженицы. Хотела убрать, унести ребенка. Но роженица сказала:

— Сестра!..

Ребенок кричал. Это было естественно — первый крик. Но сам крик не был естественным: от него дрожала ложка в стакане, колыхалась марля, брошенная на тумбочку.

— Сестра! — повторила Елена Андреевна.

Вошел врач, старик в круглых очках. Остановился у порога, прикрыв дверь. Ребенок кричал.

— Спеленайте его, — сказал он сестре.

— Да... — ответила та коротко.

Елена Андреевна приподнялась на локте.

— Вам нельзя, — сказал врач, укладывая ее в подушки.

— Сергей Петрович... — сказала Елена Андреевна, косясь на сестру, пеленавшую на столе ребенка.

— Что — Сергей Петрович? — спросил старик.

Ребенок кричал неустанно, пронзительно.

— Это у меня — третий... — Елена Андреевна хотела сказать, что ни один из прежних ребят так не кричал.

Сергей Петрович все заметил с порога. Не только крик. Успокаивая роженицу, он украдкой поглядывал на стол, где трудилась сестра. На то он был врач — и уже старик, — чтобы не показывать роженице своего удивления. Сестра тоже взяла себя в руки, перестала призывать бога. Но сестра ничего не могла поделать. Тугую крепкую марлю, которой она пеленала тельце, ребенок продира локтями, ногами, как промокательную бумагу.

Ему дали имя — Гигант. Елена Андреевна дала, мать. Мальчик встал на ноги на пятый день, когда еще не был зарегистрирован в загсе. А когда пошли регистрировать — попеременно несли мальчишку то мать, то отец, — Елена Андреевна предложила мужу:

— Назовем сына — Гигант.

— Гига... — пробормотал тот, обдумывая, пойдет или нет.

— Гига, — согласилась Елена Андреевна.

— Сорванец не хуже пушкинского Гвидона, — сказал отец, поглядывая на сына сбоку.

Жена рассмеялась:

— У Пушкина очень хорошо сказано:

Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся...

Елена Андреевна остановилась — забыла.

Вспомнил отец, Дмитрий Юрьевич:

Вышиб дно и вышел вон.

Так и зарегистрировали родители Гигу! с шутками и с улыбкой.

На шестом месяце, однако, никто из них не смеялся.

— Мама и папа,— объявил Гигант, подросший за это время и носивший обувь тридцать второго размера,— мне нужен велосипед.

Ему купили велосипед. К вечеру машина была разобрана по винтикам — уже изрядно потрепанная, Гига гонял ее целый день. Теперь, сидя над рамой, над колесами, гайками и педалями, Гига что-то раздумывал, менял колеса местами, пробовал подкачивать шины и наконец все с грохотом бросил:

— Плохо!

Проходивший мимо отец спросил:

— Что плохо?

— Плохая машина,— пояснил Гига.

Отец не без улыбки сказал:

— Изобрети новую.

— Изобрету,— буркнул Гига.

Каждый вечер у отца с сыном проходил час собеседования — больше Дмитрий Юрьевич уделить мальчишке не мог: страда, и ему, агроному совхоза, работы было невпроворот.

— Что такое дервиш, гиперпространство, бионика? Что значит эксцентриситет, где он бывает? — спрашивал Гига.— Кто такие сатрапы? Стомахيون?

Отец разъяснял, растолковывал, нередко пасовал — Гига находил слова позаковыристей,— стягивал с полки энциклопедические словари, вместе с сыном они шарили по страницам, читали, а если не находили слова, ругали составителей.

Например, стомахюн.

— Гигантская бабочка? — спрашивал сын.

— То — махаон.

— Сто бабочек?

— Нет.

Рылись в книгах, в журналах, пока отец не вспомнил что-то из далекого детства:

— Игра такая, древняя. Берется квадрат картона, разрезается на ряд треугольничков, потом из них складывают фигурки птиц и зверей.

— Стомахион? — спрашивал Гига.

— Стомахион... — Отец думал до боли в голове — как бы не соврать сыну.

— Ладно, запомним, — соглашался Гига.

Переходил к следующему:

— Каким бывает лал — красным или зеленым?

О том, что лал — драгоценный камень, отец знал. Каких бывает цветов — не знал. Слова в энциклопедии не было.

— Подумать только! — Гига ударял ладонью о стол. Стол гудел, жильцы нижнего этажа поднимали к потолку головы.

Велосипед Гига усовершенствовал. Принес измятый листок, положил перед отцом:

— Вот.

На листке вкривь и вкось сделан чертеж диковинной велосипедной зубчатки, похожей на дыню.

— Эллиптическая зубчатка, — водил по чертежу пальцем Гига, — позволит быстрее проходить мертвые точки. Ну... когда нога движется параллельно поверхности земли, не дает движению стимула. Эллипс, по моим расчетам, позволит работать энергичнее на двенадцать-пятнадцать процентов.

Отец недоуменно смотрел на чертеж.

— Экономия силы и быстрота движения, — заверил его Гигант.

— Такого не бывает, — сказал отец, имея в виду эллиптическую зубчатку.

— Будет, — заверил сын.

— Не поедет!

— Поедет!

Гига пошел с чертежом в механическую мастерскую. Там его проект высмеяли, а самого выставили за дверь.

В девятимесячном возрасте Гига весил двадцать шесть килограммов, достигал роста десятилетнего мальчика. К этому времени он перечитал учебники за четыре класса и множество из отцовских журналов. Читал он довольно странно: перелистнет — глянет, перелистнет. При этом запоминал все: текст, рисунки, формат страницы, шрифт и знаки препинания все до единого.

Первого сентября отец повел его в школу — в пятый класс.

Директор, новый в поселке товарищ, только что принявший школу, глядя на высокого — вровень с отцом, — худого мальчишку и на метрику, в которой значилось, что Гиге от роду девять месяцев, спросил, постучав по метрике ногтем:

— Здесь что — ошибка?

Дмитрию Юрьевичу стоило немалого труда доказать, что Гиге десятый месяц, но вот он такой — особенный. Перечитал учебники, гору книг и журналов, решает задачи и вообще мальчишка развитый.

— Ему бы систематическое обучение, — попросил Дмитрий Юрьевич.

— Семью семь, сколько будет? — спросил у Гиганта директор.

— Сорок девять, — ответил Гига. — Только смотря — чего.

— Как — чего? — не понял директор.

— Сорок девять орехов, или гвоздей, или железнодорожных вагонов. Абстрактных чисел не признаю.

— Гм... — сказал директор.

— Всегда он такой, — пояснил отец. — Или знает много, или не признает ничего.

Директор опять побарабанил ногтем по метрике Гиги, сказал:

— Ладно, придешь. Посмотрим.

Проучился Гига в школе три дня. Пришел, бросил портфель с тетрадками, с книжками:

— Не пойду!

— Почему? — встревожилась мать.

— Дразнят. Говорят — длинный.

Пятиклассники ростом ему были по грудь.

Взаимоотношения с детьми у него не ладились. Малышей Гига рассматривал изучающе-пристально, как котят. Подросткам задавал вопросы о голографии, топонимике, и те от него шарахались. У взрослых Гига вызывал изумление. Не только потому, что рос, как на дрожжах, но и внешним видом: череп у него вытягивался и был похож на грушу, глаза сдвигались за счет переносицы, стояли почти рядом. Плечи покатые, руки тонкие, длинные.

— Чучело! — говорили прохожие, не знавшие мальчика.

Гига не оставался в долгу, отвечал кличками:

— Фунт! — пухлому толстому завгару.

— Проблема... — бухгалтерше стройконторы.

Прозвища вроде бы необходимые, но завгар и бухгалтерша разозлились на Гигу.

Конфликты доходили до Дмитрия Юрьевича.

— Не смей выдумывать клички! — запрещал тот.

Гига отвечал с детской непосредственностью:

— А чего — они?..

О двух своих сестрах, учившихся во втором классе и в третьем, тоже говорил:

— Что они? Четыре да четыре — не сложат!

Сестры иногда ошибались в счете.

Но как быть со школой для Гиги? Теперь, после хорошего нагоняя сыну, Дмитрий Юрьевич попытался отвести Гигу в школу опять:

Но директор решительно отказал:

— Нет семи лет. Не могу оставить. По закону.

Гига в это время штудировал квантовую механику Планка.

К концу первого года жизни Гига стал задумываться, прислушиваться.

— Слышу, как растет трава,— уверял он.— Как звенят мышцы, когда кто-нибудь поднимает тяжесть.

Окончательно сразил родителей, когда заявил:

— Слышу радиопередачи при выключенном приемнике.

— Каким образом? — спросил отец, кладя ложку на стол — разговор происходил за обедом.

— Слышу, и все.

— Первую программу или «Маяк»?

— Что захочу, то и слышу.

— Мать...— встал Дмитрий Юрьевич из-за стола.—

Проверим.

Прошел в зал, притворил за собой дверь. Включил приемник, приглушил звук до невнятного бормотания.

— Что говорят? — крикнул из зала.

— Нам передают из Туркмении: около двух миллиардов кубометров природного газа добыли...

— Лады,— ответил отец.— Минутку.

Видимо, переключил диапазон и снова крикнул:

— Что теперь?

Гига без запинки ответил:

— Вологды-гды-гды-гды-гды...

— Что такое? — в недоумении спросила Елена Андреевна.

— Песня такая: «Вологде-где-где-где...» Есть и другая: «Там, за горизонтом,— там-тарам, там-тарам». — Гига с отвращением покрутил головой: — Кошмар!

Обед закончили молча, в задумчивости.

Но и это не все.

Однажды Елена Андреевна увидела странную игру Гиги с котом.

Кот Базилио был толст и равнодушен ко всему на свете. Мышей не ловил из принципа: они мне ничего, и я им ничего — пусть живут. Если не лежал, отдыхая, на диване, то обязательно разваливался посреди ком-

наты. Никакими приемами, включая и силовые, нельзя было расшевелить Базилио.

Вернувшись с работы и внеся в кухню сетку с продуктами, Елена Андреевна услышала в спальне разговор:

— Долго ты будешь ходить неграмотным? Скажи «ы».

— Ы-ы...— слышалось в ответ странным приглушенным голосом.

С кем это сын? Елена Андреевна заглянула в спальню через полуоткрытую дверь.

Гига и кот сидели рядом. Перед ними открытый букварь.

— Скажи «с-с»,— требовал Гига, водя пальцем по азбуке.

— Х-х...— отвечал кот Базилио.

— Плохо,— ответил Гига.— Повтори: с-с...

— С-сь...— ответил кот.

— Лучше. Теперь — т.

— Т...— вполне отчетливо произнес кот.

— Молодец,— похвалил Гига.— Теперь скажи: я сыт!

Кот повертел головой то ли в нерешительности, то ли конфузясь.

— Ничего,— ободрял Гига.— Я сыт...

Кот наконец решился. Вздыхнул, набравши побольше воздуха, и, чуть подняв голову, словно солист перед микрофоном, взвыл нечеловеческим голосом:

— Я сыт!..

Елена Андреевна попятилась в кухню, села на стул. Сердце у нее готово было выскочить из груди.

— С мальчишкой надо что-то делать! — рассказала она отцу о происшедшем.

Дмитрий Юрьевич тоже видел, что с сыном делать что-то необходимо, но что — не знал.

Помог директор совхоза:

— Везите его в Москву. В исследовательский институт.

— В какой институт?..

— Ну...— попытался найтись директор.— В биологический какой-нибудь, в кибернетический.

Дома Дмитрий Юрьевич посоветовался с сыном, как он смотрит на поездку в Москву.

— Можно и в Москву,— согласился Гигант.

— Не боишься?..

— Ничего не боюсь,— ответил сын.— Поехали.

Дмитрий Юрьевич повез Гиганта в Москву.

Институты по справочнику были педагогические, финансово-экономические, медицинские, был даже — огнеупоров. Дмитрий Юрьевич остановил выбор на институте экспериментальной психологии.

Попал он к доценту Розову.

Тот побеседовал с Гигой, перелистал с ним какие-то таблицы, уравнения с радикалами. Остался доволен — Дмитрий Юрьевич наблюдал за ними, присев на стульчик у двери кабинета. Доцент предложил Гиге несколько головоломок, тот, почти не задумываясь, решил их. Розов опять остался доволен, сделал авторитетное заключение:

— Феноменально!

Гига раскраснелся, оживился, видимо, хотел головоломок еще, но Розов сказал:

— Подождем академика Форсова. Что он скажет.

Академик пришел через час. Тоже занялся Гигой, и чем больше работал с мальчиком, тем большее изумление можно было прочесть на лице ученого.

Потом, передав Гигу опять Розову, беседовал с Дмитрием Юрьевичем: как рос Гига, как питался, учился, спал? Есть ли в роду Дмитрия Юрьевича выдающиеся личности? На первую группу вопросов Дмитрий Юрьевич ответил, что ел, спал и питался Гига обыкновенно, что касается выдающихся личностей, то, насколько он знает, в его, Дмитрия Юрьевича, роду таковых не было.

Академик все это выслушал и сказал:

— Зайдите через неделю. Вы приезжий? Жить вам есть где в Москве? Мальчика на это время оставьте нам.

Через неделю Дмитрий Юрьевич был опять в этом же кабинете. Беседовали они с академиком Форсовым с глазу на глаз. Гиганта, пообещал академик, Дмитрий Юрьевич увидит: мальчик устроен, накормлен, не надо беспокоиться по этому поводу.

— Гига — особенный человек, — заявил академик. — Вы даже не представляете, Дмитрий Юрьевич, что вы дарите миру.

Дмитрий Юрьевич пока что не дарил ничего, но слова академика ему льстили, он согласно кивал.

— Не знаю, с чего начать, — сказал академик. — У вас какое образование?

— Среднее, — скромно признался Дмитрий Юрьевич. — Агрономическое.

— Ну, ничего, — кивнул академик. — Придется заглянуть в историю человечества, и если вам что-нибудь будет неясно, вы спросите. Хорошо?

— Хорошо, — согласился Дмитрий Юрьевич.

— Дело в том, — продолжал академик, — что человек от обезьяноподобных предков до настоящего времени развивался неравномерно. Из древнейших людей, архантропов, на каком-то этапе выделился вдруг неандерталец. Просуществовал определенное время и, выделив из своей среды кроманьонца — новую расу, — исчез.

— Как... как вы сказали? — переспросил Дмитрий Юрьевич.

— Исчез, — повторил академик. — Его вытеснил кроманьонец — Хомо сапиенс, человек разумный. Мы его непосредственные потомки.

— Но ничто не стоит на месте, — продолжал академик. — Науку давно интересует — какова следующая ступень, кто придет на смену человеку разумному?

Дмитрий Юрьевич молча раздумывал: действительно — кто придет?

— Кажется, наш Гигант,— говорил академик,— дает на это ответ. Придет Хомо свержсапиенс — свержсразумный.

— Вы хотите...— Дмитрий Юрьевич заерзал на стуле.

— То, что сказал,— прервал его академик.— Человек свержсразумный.

— А как же мы?..— воскликнул Дмитрий Юрьевич.

Академик пожал плечами:

— Дело теперь не в нас — в вашем сыне. Он человек особенный. Скажу прямо: он родился с готовой речью, с готовыми навыками, которыми владеете вы, я и другие. В этом его отличие. Рождались дети талантливые — вундеркинды, запоминали с первого взгляда текст на странице, формулы, музыку. Но Гигант, обладая всем этим, коренным образом отличен от них. Мало сказать, что он унаследовал не только безусловные рефлексy, но и условные — его мозг превышает сейчас тысячу шестьсот кубических сантиметров, при норме тысяча чetyреста, тысяча пятьсот. Это новый тип мозга, как Гигант — новый тип человека. Притом это устойчивая мутация. Понимаете?

— Да...— отозвался Дмитрий Юрьевич.

— Эти новые свойства от вашего сына пойдут по наследству — Гигант психически и физически здоров, нормален. Больше: одинаково склонен к технике, физике, математике, биологии, психологии — во всяком случае, удалось пока выяснить. Это тоже устойчиво у Гиганта. От него пойдет новая ветвь в развитии человека!

— Как же мы?..— вторично воскликнул Дмитрий Юрьевич.— Исчезнем?..

Академик пожал плечами:

— Уступим место. В природе выживает сильнейший, умнейший...

Уезжал из Москвы Дмитрий Юрьевич с нелегким чувством в душе. Гигу он видел. В обширной лаборатории института Гига расхаживал среди электронно-счетных машин, изредка в одном, в другом месте нажимал на

кнопки. Считывал с лент выданную машинами информацию.

— Освоил...— шепнул на ухо Дмитрию Юрьевичу лаборант, видимо, ближайший учитель мальчишки, и радостно улыбнулся отцу Гиганта: — Талант!

— Тебе нравится здесь, сынок? — спросил не без робости Дмитрий Юрьевич.

— Нравится,— Гига даже не поднял глаз от бумажной ленты.

В общежитии после Дмитрий Юрьевич застал Гигу за широким столом, заваленным чертежами и схемами — всё это были новейшие счетно-решающие устройства. Гига безжалостно черкал карандашом по ватману и ругался вполголоса:

— Плохо. Отвратительно. Переделать!

Второй раз Дмитрий Юрьевич был в Москве через полгода.

Прямо с вокзала поехал в институтское общежитие, надеясь застать сына на отдыхе, был шестой час вечера.

В общежитии Гиги не оказалось. Дмитрий Юрьевич пошел в лабораторию, где прошлый раз Гига работал на электронно-счетных машинах. В лаборатории его тоже не оказалось — вообще, никого не было.

Надо расспросить у директора, решил Дмитрий Юрьевич, вышел из лаборатории в коридор.

Действительно, из директорского кабинета слышался голос — Гиганта, определил по тембру Дмитрий Юрьевич. Обрадовался, наконец-то увидит сына.

Без стука приоткрыл дверь кабинета, обширной кубической комнаты, в которой академик рассказывал Дмитрию Юрьевичу о неандертальцах, когда-то исчезнувших и этим поразивших воображение Дмитрия Юрьевича. Но то, что Дмитрий Юрьевич увидел сейчас, поразило его не меньшим образом.

Кабинет почти не имел мебели: стол, пара кресел, остальное его пространство было пустым и ошеломляюще гулким.

Сейчас на середине комнаты были двое — академик и Гига. Академик стоял перед Гигой, растерянно опустив руки, даже, как показалось Дмитрию Юрьевичу, навывтяжку, молчал и моргал глазами.

Гига, наоборот, весь возбуждение, жестикулировал перед ним, топал ногами и кричал в полный голос:

— С кем мне поговорить о сверхсветовых скоростях? Поспорить об антиполе и минус-времени? Не с кем! Покажите мне хоть одного человека!..

Академик стоял все так же навывтяжку и моргал.

— Молчите? — Гигант вскинул над головой руки.— А я один и один!.. Друга дайте мне! Друга!

ДОМИК И ТРИ МЕДВЕДЯ

Пришлось ночевать в лесу. Как потерял тропинку, где — хоть убей! — Василий не помнит. Перебирает в уме распадки, ручьи, которыми шел, — тропинка была. И вдруг — нет. Там посмотрел, тут — неприятность!..

Но не такая уж большая беда, если тебе двадцать пять лет и успех сопутствует в жизни. Холост, здоров, аспирант Красноярского университета, заканчивает диссертацию, тема диссертации интересна: «Жизнь и язык животных». В поисках природы пришлось забраться далеко от города, но и в этом нет особой беды: деревенька на речке Вислuxe опрятная, хозяева попались хорошие, за постель и еду не дорожатся, и впереди четыре летних отличных месяца: отдыхай и работай.

Отдых и работу в лесу Василий любил. Часами мог наблюдать за хлопотливой белкой, бурундучком, рассматривать в бинокль волчье логово и волчат, черкать в блокноте карандашом. Блокнот полон записей: о призывном крике гиганта-лося, о предостерегающем шелканье филина. Правда, часть листов пришлось выдрать вчера, когда разжигал костер, но это были чистые листы, и их еще осталось много.

Съестного ни крошки — это хуже. Василий затянул ремень на все дырки. Подтянуть бы еще, но ремень не хочется портить. Василий пробирается сквозь кусты прямоком, в надежде наткнуться на речку, на лесную до-

рогу. Солнце уже высоко — десять часов. Часы Василий завел и тщательно бережет их. Часы — друг человека. Друг — но не человек: не поговоришь с ними, о дороге не спросишь. Несколько раз Василий принимался кричать — «гаркать» по-местному: может быть, кто откликнется. Никто не откликнулся.

Время от времени Василий поругивает себя: не новичок в лесу, а вот оконфузился. Ругань облегчения не приносит — одну досаду. Василий идет час и еще час и к обеду (надо же — к обеду) натывается на поляну. Трава, цветы, на середине поляны — домик. С белой трубой, с телеантенной на крыше. Рядом — пасека. Лесничество! — обрадовался Василий. Ускорил шаг, поглядывая, нет ли собак. Собак не было.

У крылечка Василий остановился. Дверь гостеприимно открыта, в комнатах никого. Василий постучал по перильцам, никто не ответил. Василий поднялся по ступенькам, вошел в комнату.

Большая русская печь, под окнами лавка, в простенке между окон картина Шишкина «Утро в лесу». Пахнет мятой и хлебом. Хлеб Василий увидел раньше всего: стол, в центре блюдо с горкой ржанных ломтей. Еще на столе три чашки с похлебкой: большая чашка, средних размеров и совсем маленькая. Возле чашек ложки соответствующих размеров — большая, чуть поменьше и маленькая. Вокруг стола три стула со спинками — тоже пропорциональных размеров: большой, средний и маленький. Видимо, хозяева приготовились обедать, но куда-то вышли. На загнетке печи стоял чугунок, с чуть приоткрытой крышкой. Из-под крышки парило, Василий втянул слюну: никогда он так не хотел есть. Глянул в окошко, в раскрытую дверь — никого нет. Куда запропастились хозяева? Посидел еще с минуту, вышел на крыльцо — никого. Опять вернулся в комнату, но было немого — ноги сами потянули его к столу. Василий сел на самый большой стул, взял самую большую ложку и стал хлебать из большой чашки. Похлебка была

вкусна, и Василий думал: кончу большую — примусь за среднюю чашку. Потом — за маленькую.

Приуменьшилась горка хлеба, большая чашка показала дно. Василий не наелся. Выхлебал из средней чашки и наполовину из маленькой.

Вышел из-за стола. Посидел на лавке. Хозяев по-прежнему не было. На стекле окна билась пчела. По жилам текла истома после еды. Жужжание убаюкивало. «Выпустить пчелу?» — подумал Василий, поднялся со скамьи. Но веки слипались, ногам не хотелось двигаться.

Сквозь раскрытую дверь смежной комнаты Василий увидел угол кровати. Спальня? Пошел к двери. В комнате три кровати: большая, средняя, маленькая. Василий не стал бороться с собой, скинул пиджак, сапоги и улегся на большую кровать. Не успел приклонить голову на подушку — уснул.

Пробуждение было неожиданным и нелепым.

Кто-то огромный, косматый навалился на него, рывкнул над ухом:

— Настя, веревку!

Василий попробовал сопротивляться, двинул ногами, но бурая шерстистая масса вжала его в подушку, в рот набилось жестких волос, Василий не мог вздохнуть. Не прошло двух минут, как он был связан веревкой. Большой бурый медведь сел в ногах у Василия, отдуваясь и удовлетворенно поглядывая на сделанную работу — Василий лежал как хорошо упакованный тюк. Тут же, опираясь о спинку кровати, стояла медведица, тоже глядела на связанного Василия. Из кухни, держась передними лапами за косяк двери, выглядывал медвежонок.

«Вот как!..» — подумал Василий, скорее удивленный, чем испуганный, и спросил:

— Зачем вы меня связали?

— Затем и связали, — сказал большой медведь. — Шкодить тут будешь.

— Не буду, — сказал Василий.

— Э-э...— возразил медведь.— Была тут одна шутруха. Чашки нам перебила, раму из окна высадила. Показывают ее теперь по телеку — в героини вошла. Смеются над нами. Мишуха как увидит — визжит от негодования.

Медвежонок полностью вышел из-за двери, присел на задние лапы.

— Так вы?..— обалдело спросил Василий.

— Они самые,— кивнул сидевший у него в ногах.— Три медведя.

Михайло Иванович, Настасья Петровна и Мишутка!..— думал Василий. Удивление его росло с каждой минутой.

— Ты зачем к нам пришел? — спросил тем временем Михайло Иванович.

— Заблудился я,— ответил Василий.

Михайло Иванович почесал за ухом:

— Заблудиться — оно нехитро. А если у тебя другая какая цель?

— Никакой другой цели! — Василий мог побожиться.

— Время такое...— продолжал между тем Михайло Иванович.— Беспокойное. Турпоходы разные, вылазки на лоно природы. Раньше этого не было.

Василий наблюдал троицу. Михайло Иванович вел себя спокойно, солидно, смахивал на деда Матвея — родного деда по матери Василия: косматый, большой. Цигарку в зубы — настоящий дед Матвей.

Анастасия Петровна молча держалась за спинку кровати, Мишутка сидел у двери, внимательно слушал.

— Как же тебя зовут? — спросил Михайло Иванович Василия.

— Василий Елшин.

— Кто будешь?

— Аспирант университета.

— Аспирант,— протянул Михайло Иванович.— Пишешь эту... как ее?

— Диссертацию,— подсказал Василий.— Пишу.

— Получается?

— Помаленьку.

Михайло Иванович посмотрел на Василия с чувством уважения и сомнения.

— Может, врешь, паря,— сказал он.— Может, ты подосланный? От охотников?

— Не вру, Михайло Иванович! — горячо возразил Василий.— Бывает же — заблудишься.

— Бывает,— согласился Михайло Иванович. Взглянул на Анастасию Петровну: — Как ты, мать, веришь?

— Ружья вроде бы нету,— сказала Анастасия Петровна.

— В руках не держу,— заверил Василий.

— Кто его знает?.. — продолжал сомневаться Михайло Иванович, поглядывая на Василия.— Паспорт есть?

Вопрос прозвучал внезапно. Как у хорошего следователя.

— С собой нет. А вообще — есть...

— Проверить тебя надо,— решительно сказал Михайло Иванович, встал с кровати.— Пошли,— сказал домоладцам,— обедать.

Пока гремели чугунками и ложками, у Василия было время поразмыслить над обстоятельствами, постигшими его в домике на поляне. «Может, я сплю?» — Василий приподнял голову, поглядел на веревки. Веревки резали тело, можно было лишь пошевелить пальцами. Василий пошевелил, попытался сесть. Кровать скрипнула.

— Паря! — донеслось из столовой.— Спокойно!

Слух у Михайла Ивановича был отличный.

— Режет,— пожаловался Василий.

— Потерпишь,— ответил Михайло Иванович.— Пока пообедаю.

Обедали долго. Ели похлебку, кашу, пили чай. Потом Анастасия Петровна убирала со стола, Михайла Ивановича не было слышно — может быть, придремал. Василий поглядывал на дверь, но вместо Михайла Ивановича появился Мишутка.

Подошел к кровати. Поглядел на Василия, спросил:

— Что мне дашь?

— Я тебе качели сделаю,— пообещал Василий.

Михайло Иванович заковылял в кухню и сказал, видимо, матери:

— Он мне пообещал качели сделать.

— Не лезь, куда не надо,— сказала мать.

— Но он мне качели...

— Я тебе что?..— прикрикнула Анастасия Петровна.

— А? Что? — очнулся от дремы Михайло Иванович.

— Не дрыхни,— сказала Анастасия Петровна.— Перед вечером вредно.

Михайло Иванович проворчал что-то невнятное. Появился на пороге спальни, спросил у Василия:

— Ну как?

— Режет...— пожаловался Василий, шевеля пальцами.

— Да, брат, не мед,— согласился Михайло Иванович, видимо, не зная, развязать Василия или еще не следует. Потоптался, вышел.

Пошептался о чем-то с Анастасией Петровной. Опять зашел в спальню, ослабил узлы веревок.

— Ох,— сказал,— наделал ты мне хлопот.

Как всякий мужчина, Михайло Иванович не терпел лишних хлопот.

— Развяжите меня,— попросил Василий.

— Сбежишь,— почесал в затылке Михайло Иванович.

— Не сбегу.

— Ой сбежишь, паря. Охотников приведешь.

— Михайло Иванович!..— взмолился Василий.

— Не проси! — отмахнулся лапой Михайло Иванович.

Узлы он все-таки поослабил. А когда стемнело, перенес Василия в кухню, на лавку: спи.

Василий не мог уснуть. В спальне тоже не спали. Михайло Иванович переворачивался с боку на бок.

— Настя!..— позвал он наконец шепотом.

— Чего тебе?
— Ума не приложу, что с ним делать.
— А я что? Моего это ума?
— Он мне качели сделает! — пропищал из своего угла Мишутка.

— Цыц! — прикрикнул Михайло Иванович.

Через минуту спросил:

— Может, отпустить, Настя?

— Можно, — отозвалась Анастасия Петровна.

— Ох-ох-ох... Беда мне, — вздохнул Михайло Иванович.

Утром он спросил Василия:

— Если я тебя отпущу, что будешь делать?

— Поживу у вас немножко. Если разрешите, — сказал Василий.

За ночь он многое передумал и решил, что ему встретился уникальный случай: медведи живут, разговаривают. Дом у них, телек — поди поищи такое. Не убили его, не съели. Паспорт потребовали. Чудеса какие-то! И если уж чудо в руках, надо выжать из него пользу. Поэтому ответы у него были продуманные:

— Поживу с недельку, уйду.

Кажется, Михайло Иванович такого ответа не ожидал.

— Да-а... — тянул он. — У нас, значит, поживешь.

— Конечно, — сказал Василий.

— Шкодить не будешь?

— Что вы, Михайло Иванович!

— Да, — решился наконец Михайло Иванович. — Живи.

Завтракали все вчетвером. Ели картошку с маслом.

— Откуда масло? — спросил Василий.

— Оттуда ж, — отвечал Михайло Иванович. — Из селпо.

— Имеете связь?..

— Имею.

Конечно, имеет: телевизор, посуда, сковороды... Ва-

сий не мог сразу привыкнуть к этому, оттого и вопросы его были, честно говоря, неглубокими.

Больше Василий смотрел: как Михайло Иванович орудует вилкой, как Анастасия Петровна управляется у печи. Смотрел на лица своих соседей. Неудобно как-то сказать — на морды. Ничего лица: приветливые, сосредоточенные.

После завтрака Михайло Иванович предложил:

— Айда по дрова. На заготовку.

Взял пилу поперечную, добрый колун. Василий с готовностью согласился.

Лесосека была в километре от дома — не дальше. Штабелек дров, небольшие стволы, поваленные, изломанные, — работа Михайла Ивановича, решил Василий. Пока шли, разговаривали, Василий рассказывал о себе. Михайло Иванович слушал.

На лесосеке сразу включились в работу. Пила визжала, готовые чурки ложились одна к другой. Василия прошиб пот. Михайло Иванович работал неумоимо.

Так — до обеда: картошку взяли с собой, лук, соль.

После обеда дали себе немного расслабиться. Прилегли под елью, на мягкой хвое. Возобновили разговор. Говорил теперь Михайло Иванович:

— Биография у меня обыкновенная — рядовая. Родились мы в берлоге, с браткой Валерой. Сосали мать, набирались сил. Когда выбрались из берлоги, началась для нас настоящая жизнь. Чего только мы не делали: кувыркались, лазали по деревьям, купались в ручье. Хорошая была жизнь, — Михайло Иванович расчувствовался: — У-у! Бывало, утречком, на реке... А небо такое зеленое, свежее. Лес не шелохнется. Не жизнь — яблочко наливное!..

— Только все кончается, милок, — Михайло Иванович повернул голову к Василию. — Здоровенные стали с браткой, ссориться начали. Вцеплялись — клочья лети. Мать поглядела на это, разгневалась, надавала оплеух обоим: «Ушивайтесь, постылые!» И пошли мы с

Валерой. Побродили до осени, потом он подался на Усач. Только его и видел. Не знаю, жив ли?

Тут я задумался,— продолжал Михайло Иванович.— Как дальше? Перезимовал один. Подтекла у меня берлога, выскочил раньше времени. Холодно, голодно. Нет, думаю, так можно пропасть.

У Василия с утра на языке вертелся вопрос: как это — домик, семья? Михайло Иванович, видимо, подходил к этому моменту своей биографии.

— Приглядываться начал. Живут мужики, к примеру. Дом, огород у них, достаток. Разговаривают друг с другом, общаются. Почему у зверей не так? Крепко засела у меня эта думка. Почему не жить вместе с людьми? Коровы живут, собаки. Впрочем, не то: коровы, собаки — домашний скот. А чтобы жить на равных: ты мне друг — я тебе друг. Мысль, правда? Мир велик, тайга велика, солнце всем светит. Живите и наслаждайтесь. С чего же начать, думаю? С речи. Оно и понятно: речь — это главное. Без общего языка пропадешь. Стал подбираться ближе к людям. На покосе где-нибудь отдыхают, у костра, а я тихонечко рядом, за елками: слушаю, запоминаю. Того Иваном зовут, того Петром. Подай, принеси — все это понятно, если хочешь понять. Шибко завлекся этой наукой. Говорить начал учиться. Получалось: И-ван. «Иван,— говорю,— Иван!» А из глотки: «И-ван»... вроде «ги...» — отрывки какой-то. Лапами, бывалоче, раздеру морду себе: «Иван!» Представь — получаться начало. А раз начало — не сомневайся, пойдет.

Года два эдак бился. Повзрослел к этому времени. Новые пришли мысли. Кому это надо, думаю, чтобы звери, птицы да человек разобщенно жили? Мир, говорят, один, неделим. Вот, думаю, надо наводить мосты к человеку. Хорошо, теоретически думаю. Да и готовлюсь. Пионером стать в этом деле.

Михайло Иванович привстал, сел под елью. Рассказ изволновал его. Взволновал и Василия.

— Ну,— продолжал Михайло Иванович,— когда изучил язык, сказал себе: двинем! Доклад у них был в клубе. Докладчик читал по листку, остальные дремали, слушали. Прошел я между рядов, оказался возле трибуны. «Здравствуйте, мужики,— говорю.— Дозвольте слово сказать». Ну, конечно, замешательство тут. Кто шапку на голову, кто — ходу. Кто-то кричит: «Ряженный, успокойтесь!»

«Не ряженный,— говорю.— Всамделишный медведь».

Хохот поднялся. Докладчик задом — со сцены. В зале веселье:

«Скажи, скажи, Михайло Иванович!»

«Мужики,— говорю,— по делу пришел».

У тех, кто на первых скамьях, глаза круглеют. Смех постепенно пропал.

«Разрешите, мужики,— продолжаю,— жить с вами в мире и дружбе. Медведь я,— говорю,— да вот додумался жить по-новому. Своим умом дошел».

Нескладная речь, однако, вижу, слушают.

«Не такое время сейчас,— говорю,— мир неделим, так давайте,— говорю,— я вам в чем помогу, вы мне можете».

Какой-то парень из задних рядов:

«Чем помочь?»

«Не трогайте,— говорю,— не убивайте. Может, пригложусь на что путное. Дозвольте дом поставить в лесу, жить, как люди».

Тот же парень кричит:

«Ставь, пожалуйста. Живи!»

«Спасибо,— говорю.— А может, на голосование мою просьбу?»

Очень уж внезапно вышло для всех. Может, настроение у них поднялось, развеселил я их.

«Живи,— кричат,— без голосования!»

— Разрешили мне — в виде эксперимента. Начал строить избу. Женился на Анастаське. И вот — живу,

— А с мужиками — как? — спросил Василий.

— Сошлись характерами. То они мне помогут, то я им. К примеру, строят мост — поворочаю бревна. Машина у них — «скорой помощи». Слабенькая, видимость одна. Весной, летом по дороге из колдобин выворачиваю. Телка потерялась в лесу, глупая, — опять же ко мне, к Михайлу Ивановичу. Они вон мне телек установили. В благодарность, значит.

— Не обижают?

— Ни. Я им ничего плохого — они мне ничего плохого.

К вечеру Василий с Михайлом Ивановичем поставили второй штабелек, возвратились до дому. Мишутка встретил их на середине дороги. Василий вспомнил о качелях. Из той веревки, которой его связывали, сделал Мишутке качели, из подвернувшейся дощечки — сиденье.

Перед сном смотрели телевизор. Строители возводили пятиэтажку. Ходил кран, поднимались вверх этажи. Дом готов, солнце светится в окнах.

— Вздор, — сказал Михайло Иванович. — В лесу лучше. Воздуху больше.

— Однако, — обернулся к Анастасии Петровне, — спина что-то побаливает. Разотри-ка мне ее на ночь.

Анастасия Петровна молча поднялась, пошла в сенцы за снадобьем. Анастасия Петровна была вообще молчаливой: два-три слова за столом, вопрос, что готовить, прикрикнет иногда на Мишутку.

— Стесняется она, — пояснил Михайло Иванович. — Непросто освоить слова с этим проклятым «с». Слышишь — оно и у меня с присвистом.

В последующие дни еще заготавливали дрова. Ходили по малину и по грибы. Эти походы были очень ценными для Василия — блокнот пополнялся записями.

— Слышишь? — останавливался где-нибудь Михайло Иванович. — Барсук забормотал: сердится, запиши. — Михайло Иванович уже знал, что Василий изучает язык животных. Одобрял: это соответствовало его философии

о наведении мостов между животными и человеком.— Бур-бур-бур... С пустым возвращается, нет добычи,— продолжал он о барсуке.— Когда с добычей, рот у него занят, тогда он не бормочет — урчит.

— Пустельга!..— Опять останавливается, оборачивается к Василию.— Подает голос нечасто: когда сыта и когда разгневается. Вот сейчас,— слышишь,— гневается.

Василий черкал в блокноте.

Идут дальше. Вдруг Михайло Иванович настораживается, опускается на четыре ноги, нюхает землю. Шерсть на загривке у него поднимается. Михайло Иванович раздражен.

— Пройди,— говорит Василию.— Не оглядывайся. Я тут отмечу...

Василий идет, не оглядывается. Через минуту Михайло Иванович догоняет его:

— Чужак, понимаешь? Второй раз натыкаюсь. Предупредил.— И с раздражением: — Шляются тут всякие...

Шагов через десяток успокаивается, говорит более мирно:

— Не подумай, что я собственник — захватил территорию, застолбил. Кормиться, брат, надо, дичи все меньше становится. А тут — праздношатающие: один забредет, другой... Да и за Настей глаз нужен: моложе она от меня на девять лет.

Поскреб живот на ходу, добавил:

— Жизнь-то, она, знаешь,— жизнь...

Так они бродят и разговаривают.

— А как же! — говорит Михайло Иванович.— Я тут прописан! Домовая книга у меня есть. Жить — да без домовой книги?..

Возвратясь, Василий обрабатывал записи, разговоры. Мишутка обычно вертелся возле него. Мишутка был скромным и послушным ребенком. Качели его вполне устроили. Телевизор он любил, как все дети. Мультишки

особенно. Над Волком хохотал, Зайцу симпатизировал. Спрашивал у Василия:

— Скоро очередной выпуск? Что там?

Василий утверждал:

— Скоро. А ты спроси, напиши им, — кивал на телевизор.

— Не умею, — Мишутка тряс головой.

— Учиться надо.

Мишутка потянул Василия за рукав, шепнул в ухо:

— Папая учится. Букварь у него...

Это была новость. Василий сказал:

— С ним и учись.

— Да-а... — протянул Мишутка. — Кабы это просто...

Состоялся разговор с Михайлом Ивановичем.

— Есть букварь, — сказал тот. — Да вот не то что-то.

— Что не то?

— Про мальчишек там, про девчонок. Если бы про нас...

Василий сочувственно покивал. Михайло Иванович неожиданно предложил:

— Возьмись ты, Василий, за азбуку для зверей.

— За букварь?..

— Неоценимую услугу, браток, сделаешь.

Василий подумал: что, если в самом деле?

— Сделай! — настаивал Михайло Иванович.

К концу второй недели Василий прощался с медведями. Пожал лапу Анастасии Петровне. Мишутка прижался к его боку: «Приходи еще...»

Хозяйка тоже просила:

— Добро пожаловать.

Буквы «с» в словах она тщательно избегала.

Михайло Иванович проводил его до проезжей дороги.

— Обязательно приезжай! — Прощались они в обнимку.

— Приеду, — обещал Василий.

— И насчет букваря помни,— напутствовал Михайло Иванович.

Василий снял часы, протянул Михайлу Ивановичу:

— С благодарностью. С уважением.

Михайло Иванович принял подарок:

— По праздникам надевать буду. Спасибо.

Прощально кивал Василию вслед...

На полдороге к районному центру Василия догнала линейка — возничий ехал по пути, туда же — в райцентр.

— Садись,— сказал он Василию, заметив, что прохожий устал в дороге.

Василий с удовольствием сел.

— Нездешний будешь? — спросил возничий. — Не признаю.

— В командировке,— ответил Василий.

— А я здешний — Иван Ефимович Груздев. Агронома вожу. Был у него мотоцикл, да разбился. Агронома разбил. Теперь я его на лошадях вожу. За ним еду.

Груздев был немолодым, но разговорчивым человеком, с круглым добродушным, неглупым лицом. Беседа сразу наладилась. Естественно, коснулась домика в лесу, Михайла Ивановича.

— Конечно, знаю! — воскликнул Иван Ефимович. — Культурный медведь! Никому не мешает. Наоборот, зверью всякому заказал, чтобы не шатались, не шkodили. У нас пашня какая — там поляна, тут поляна. Шkodило, бывало, зверье — уследишь разве? Теперь не шkodит. Есть, значит, польза.

— С другой стороны,— продолжал возничий. — Ты вот ученый человек, по тебе видно. Знаешь, что ничего не стоит на месте: жизнь движется, наука движется — по телевидению, по радио говорят об этом. Да и мы видим, не слепые. Кибернетика развивается, экология. Почему не посочувствовать зверю? Во-первых, не так-то много зверей. Во-вторых, не так много они съедят. А сделаешь их всех культурными, польза от них — во! — Иван

Ефимович выставил гвоздем большой палец правой руки.— Михайло Иванович вон — мед продает.

— Мед продает?..

— Излишки. С пасеки со своей.

— На деньги? — поинтересовался Василий.

— На деньги. Телевизор-то у него, как думаешь, за даром приобретенный? И тут польза государству — доход в бюджет... В общем, я не против Михайла Ивановича. И деревня не против.

— А приходилось вам общаться с Михайлом Ивановичем? — спросил Василий.

— Как же — мост строили! В лесу, бывает, встретишь: «Здравствуй, Михайло Иванович!» — «Здравствуй, — ответит, — Иван Ефимович!» — память у него на лица, на имена замечательная. «Как живешь?» — поведешь с ним беседу. «Ничего, — ответит, — живу, спасибо». Сигареты достанешь: «Закурим?» — «Нет, — говорит, — не курю. Берегу лес от пожара». На полном серьезе отвечает. Смышленный, положительный зверь.

Так, с разговором, Василий и Груздев доехали до райцентра. Василий дал телеграмму на речку Вислуху, своим хозяевам, что за пожитками заедет к ним осенью, взял билет на автобус до железнодорожной станции. В город, домой, он возвратился поездом.

Материала для диссертации оказалось более чем достаточно. Работа двинулась, к зиме все было готово.

Но защитить диссертацию не удалось.

Уже перед началом Василий ощутил в зале странную неделовую атмосферу. Оппоненты перемигивались друг с другом, посмеивались, черкали в копиях представленной диссертации. Если страницы попадали в поле зрения Василия, он видел под строчками красные, синие росчерки. Некоторые страницы были вовсе замараны.

Это укололо Василия, но вышел на защиту он вполне уверенный в своих силах.

Говорить ему, однако, много не дали.

— Позвольте,— прервал его профессор Молоков.— Это же фантазии, выдумки!

— Какой медведь,— поддержал его Званцев,— помышляет о контакте с людьми?..

— Я оперирую фактами,— пытался настаивать на своем Василий.

— Факты?..— возразили ему несколько членов комиссии.— Факты должны быть типичными, понятными.

— Вода — это H_2O ...— проиронизировал кто-то в зале, из студентов, видимо, в поддержку Василию.

Но комиссия настаивала на своем:

— «Наведение мостов...» — К Василию: — Вы уверены, что звери мыслят именно так? И мыслят ли вообще?..

— Натурализма много...— поморщился кто-то из оппонентов.

Итог дискуссии оказался для Василия плачевным:

— Предлагаю диссертацию переделать,— заключил Молоков.— Изъять все о размышлениях зверей, какие там размышления? Ведь это — звери. Так же, как люди — люди. Чтобы написать такое,— Молоков потряс листками диссертации,— надо самому превратиться в медведя, пожить в берлоге. Вы что,— спросил Василия под общий смех,— жили в берлоге?..

О домике, о двух неделях, прожитых с медведями, Василий в диссертации не написал. Побоялся: исключат из аспирантуры. Вон как — насмеялись до слез, вытирают глаза платочками...

— Всѐ! — Молоков сложил листки диссертации, возвратил папку Василию.— Кто следующий?

Выбираясь из зала, Василий с возмущением думал: переписывать диссертацию по Молокову и Званцеву? Ни за что! «Фантазии...— перебирал он в уме,— натурализма много...»

Было обидно, что его не поняли. Обидно за диссертацию: столько ушло работы. Случай такой — три медведя... За Михайла Ивановича обидно: повстречайся он

с Молоковым, ничего бы не понял профессор, сказал бы — фантазия. «Вы что, жили в берлоге?..» — Василия коробило от обиды.

Что же, однако, делать?

«Букварь! — вспомнил он, принимая в гардеробной пальто и шапку. — Букварь — вот что делать».

Спускаясь по лестнице в вестибюль, Василий мысленно набрасывал план учебника.

Однако провал диссертации не выходил из головы, обиды не выходили из головы. Столько собрано материала! Нет такому материалу цены!

— А если написать книгу? — пришла мысль. Василий тотчас ухватился за нее. Никакой материал не пропадет. Букварь — само собой, — рассуждал он, нацеливая себя на будущее. — Букварь я обещал, сделаю. А вот книгу!..

Книгу прочтут — поверят. Книга разойдется по всему свету,

ГАРСОН

— Еще немножко,— Володя помешал тушенку палочкой, повернул другим боком к огню.— Чуть-чуть — и завтрак готов!

Володе двадцать три года, но он нередко разговаривает сам с собой. И поет песни. Песни — это, конечно, лучше, чем разговаривать, но с кем, кроме, как с собой, поговоришь, когда ближайший лагерь километрах в семидесяти, а ты один в горах, не считая костра, палатки и неба над головой? Может быть, сказывался характер? Характер у Володи живой, общительный, в компании Володя любит пошутить, посмеяться, и среди людей Володе живется легко.

— Чуть-чуть,— повторил он, любуясь каплей янтарного жира на конце палочки и чувствуя, как у него разыгрывается аппетит.

Утро только что началось, солнце выкатилось не жаркое — круглое и красное, как спелое яблоко.

— Где же чайник? — Володя пошарил возле себя левой рукой, не отрывая глаз от палочки и от банки на углях. Чайник оказался тут же, где Володя предполагал найти его.— Сейчас мы тебя — на жар! — сказал ему Володя и отодвинул тушенку в сторону.

Потер руку об руку, втянув сквозь зубы воздух, и ловким движением, чтобы не обжечься, водрузил чай-

ник на камни, положенные среди костра, так что чайник тотчас же охватило огнем.

— Так! — сказал удовлетворенно Володя и придвинул к себе тушенку.

Но позавтракать ему не пришлось. Метрах в четырех от себя, на другой стороне костра, Володя увидел чудо. Увидел просто, по-будничному: поднял голову, а оно тут как тут. Это был круглый плоский предмет, наподобие двух суповых мисок, сложенных донцами вверх и вниз. Нижнее донышко, пожалуй, закруглялось более плавно, как яйцо, верхнее было точно как у тарелки: поблескивал ободок по окружности — выступ, но без единой неровности. На сложенных мисках — миски чуть маловаты, скорее кухонные тазы, — сидела небольшая, со среднего арбуза, голова, с глазами, ртом и небольшими решетчатыми дырками по бокам, там, где у настоящей головы должны быть уши. Голова была металлическая, и корпус был металлический. Все сооружение стояло на двух курьих ножках — это Володя заметил сразу, и это поразило его больше всего. Ножки крепенько упирались в землю, расставив пальцы. Пальцев было четыре впереди и пятый, небольшой, для упора, — на задней стороне каждой ножки. Сооружение было высотой не больше семидесяти сантиметров, но это потому, что ножки были согнуты, предмет не касался земли — присел. Он наблюдал за Володей. Зеленоватые глаза, с вертикальными, как у кошки, зрачками, смотрели на Володю внимательно, но не холодно, и по всему было видно, что предмет сидит и наблюдает за Володей давно, может, с рассвета, а может быть, с ночи, и если Володя не заметил его прежде, то, наверное, потому, что не отличил от камней, разбросанных там и тут группами и в одиночку. А теперь Володя его увидел и забыл про завтрак, про чайник, уже фыркавший на костре. Несколько минут они молча смотрели друг на друга — предмет и Володя. Предмет — со спокойным любопытством, даже дружелюбием, Володя — в полном недоуме-

нии. Может, Володя не заметил этой штуки вчера — этого самовара на курьих ногах? Но нет, самовар стоял на тропинке, по которой Володя принес вечером хворост для костра. Тогда самовара не было. Он появился ночью или сейчас, только что, потому и смотрит с таким любопытством. Изумление Володи тоже переходило в любопытство.

— Кто ты такой? — спросил Володя у самовара.

Тот не ответил, но зрачки у него дрогнули — как индикаторы на счетной машине.

Конечно, это был робот, кибер. Но откуда он появился? Может быть, его запустили ребята из группы Выдрина или Борисова? Вложили программу и послали к Володе с приветом. Должна же их мучить совесть: оставили его одного в котловане — у них, дескать, объем работы бóльший... Так нет, с базы выходили все вместе и никакого кибера не было. А если бы он был, то о нем знали бы все: шила в мешке не утаишь. Может, к Выдрину — он все-таки ближе — пришло пополнение, какой-нибудь чудака-изобретатель, и вот тебе сюрприз.

Володя спросил:

— Откуда ты взялся?

Робот дрогнул зрачками, но промолчал.

Отлично сделана вещь, отмечал между тем Володя, даже изящно: корпус начищен до блеска, каждая линия была совершенством, но — почему у него куриные лапы? Роботы, которых Володя видел на картинках в «Технике — молодежи», были на человеческих ногах, неуклюжих и толстых, но на человеческих. И в выпусках «Научфильма» тоже на человеческих. Может, он иностранец — со спутника связи или еще откуда: мало ли вещей запущено сейчас в космос исследователями? Спустился на парашюте и забрел на огонек. Володя спросил по-немецки — немецкий он учил в школе, и кое-какие фразы у него в голове еще остались:

— Шпрехен зи дойч?

Молчание.

В институте Володя учил французский, память услужливо подсказала:

— Парле ву франсе?..

Полное молчание.

Володя вспомнил английскую фразу из самоучителя:

— Ду ю спик инглиш? Сэр?

Опять молчание.

Володя стал что-то связывать по-тувински, но почувствовал, что не свяжет, и замолчал.

Кибер перестал дрожать светом в глубине глаз, и между обоими установилось зыбкое равновесие.

Однако интерес брал свое.

— Гм...— хмыкнул Володя,— откуда же ты, черт, взялся? — и снял с костра кипящий чайник.

Подул на руку, посмотрел на гостя.

— Кто тебя послал, Выдрин? — опять спросил он.

Кибер безмолвствовал. Володя встал на ноги, кибер поднялся на лапках. Теперь они стояли друг перед другом, человек и робот, их разделял костер и метра четыре открытой поляны. Володя кашлянул, кибер ничего не ответил. Володя обошел костер — кибер потоптался на месте. Володя шагнул к нему — кибер от него. Сделал он это просто: переставил ногу и отдалился на шаг. Володя еще шагнул — кибер сделал еще шаг назад.

— Послушай,— сказал Володя,— если уж ты появился здесь, то давай наладим контакт.

Кибер ничего не ответил, только поиграл светом в глазах. «Все-таки реагирует»,— подумал Володя и пошел к роботу. Тот повернулся и пошел от Володи. Повернулся очень бесшумно, плавно, и на затылке у него оказались еще два глаза — точно такие, как спереди.

— Вот как! — сказал Володя. «Это уже не по-нашему,— подумал он,— наши конструкторы не делают глаз на затылке».

Володя ускорил шаг — робот сделал то же самое.

— Послушай,— сказал Володя, но робот не слу-

шал — шел впереди него и смотрел в лицо Володи затылочными глазами.

Володя начал сердиться:

— Я же тебе не хочу плохого,— сказал он,— почему ты уходишь?

Робот шел так же, метрах в четырех от него,— ни быстрее, ни медленнее. Если Володя убыстрял ход, убыстрял ход и кибер, если Володя шел медленнее, кибер тоже шел медленнее, но дистанция между ними не уменьшалась. Так они прошли небольшой лесок, миновали осыпь камней и вышли на сравнительно ровное место — широкий лог между двумя скалистыми грядами.

— Остановись! — приказал Володя, сам, однако, не останавливаясь.

Робот не обратил внимания на его крик, так же семенил ножками, не сокращая дистанции. На песчаной почве оставались птичьи следы, поскрипывали мелкие камешки, крупные робот переступал, поднимая ножки повыше.

Прошли еще метров двести.

— Я ж тебел!..— сказал Володя и кинулся вслед за кибером.

Тот выкинул из корпуса ручки и, смешно размахивая ими — до локтя они торчали горизонтально, болталась и загребала воздух четырехпалая кисть,— пустился во все тяжкие.

— Чтоб тебя! — Володя резко остановился от неожиданности: он почему-то не думал, что у кибера будут руки, никаких признаков рук до этого на его сплюснутом корпусе не было видно, они появились внезапно, и Володя подумал, что может появиться из кибера еще что-нибудь неожиданное. Но почему он удирал?

Робот тоже остановился и с легким лязгом спрятал ручки обратно в корпус.

— Послушай, Гарсон,— сказал Володя.— Нет смысла устраивать соревнования. Мы же не спринтеры. Давай потолкуем.

Робот молчал, прислушивался. Почему Володя называл его Гарсоном? Было в кибере что-то от скромного стеснительного мальчишки. Рост, пугливость, широко распахнутые глаза? Или все это вместе? Володя вздохнул:

— Ну что ты бегаешь от меня? Пойдем в лагерь.

Повернулся и пошел в лагерь. Глянув через плечо, увидел, что кибер плетется за ним. Хороший признак, подумал Володя, со временем я тебя приручу.

Так они вместе дошли до лагеря, заняли те же позиции: Володя у костра, робот на тропинке между камнями. Он, как и прежде, присел, подогнув под себя ножки, сделался меньше.

Володя подживил костер, поставил над огнем чайник, придвинул к углям тушенку. За время экскурсии тушенка застыла, жирок подернулся пленкой. Завтрак надо было готовить заново.

— Ладно, сготовим,— сказал Володя и принялся помешивать тушенку палочкой.

Что ему оставалось делать? Впервые Володя почувствовал растерянность. И что за чудовище этот Гарсон? Откуда? Впервые Володе пришла мысль, что кибер не земного происхождения, что он из космоса. От этой мысли Володе стало не по себе. Но не считаться с этой возможностью было нельзя. Над Землей проносился двадцатый век с его чудесами — кибернетикой, спутниками, сигналами в космос. Вот кто-то и откликнулся на сигналы. Может, на орбите вокруг Земли чужой звездолет?.. Почему бы этому не случиться? Все может случиться.

Володя посмотрел на Гарсона. Кибер сидел в той же позе, как Володя увидел его впервые. «Шут с тобой,— подумал Володя,— сиди!» Но тут же опять поймал себя на чувстве растерянности: он не знал, что предпринять. Не знал — и все. Заговорить с кибером — было. Подойти к нему — было. Опять погнаться за ним?..

Отодвинув тушенку от огня и достав из рюкзака ложку, Володя стал есть. Это всегда успокаивает. Про-

верьте себя: поволнуйтесь, а потом сядьте за стол, за еду. Тотчас успокойтесь. Особенно если у вас есть аппетит. А Володя нагулял его достаточно. Опустошив банку, Володя налил стакан чаю и принялся пить. При этом он поглядывал на кибера как можно хладнокровнее и спокойней. Однако мысли его были совсем неспокойные. «Откуда же эта штука?» — думал он. Сработанная отлично, земляне позавидовали бы такой работе: белый, отполированный до блеска металл, тонкие шарнирные соединения, прозрачная глубина глаз, — стеклянные они у него или, может, из хрусталя? Свет в глазах то затухал, то разгорался. Но никогда не гаснул совсем. Похоже, постоянно работали у робота одни только глаза.

— Гарсон! — громко сказал Володя.

Глаза вспыхнули и тотчас пригасли, хотя работа света в них не прекратилась.

— Гарсон! — повторил Володя. — Или нам надо дружить, или убирайся туда, откуда пришел!

Пожалуй, Володя не хотел сказать конец фразы так, как он получился. Он хотел проверить работу глаз кибера — ставил опыт. Пока он говорил, глаза светились ярче, когда кончил, пригасли, свет остановился в них на среднем уровне. Уж не слушает ли он глазами? — подумал Володя. И тут же испугался только что сказанных слов: вдруг кибер уйдет? Рассердится на него и уйдет? Ясно, что эта штука с умом. А вдруг он обладает чувствами? Например, чувством собственного достоинства? Обидится и — фьють! — прощай, Володя, жди такого случая еще раз!

— Ты не обиделся? — осторожно спросил Володя.

Кибер молчал.

Володя взял стакан, ложку, пошел мыть к ручью. Гарсон последовал за ним. Так же, на расстоянии четырех метров, соблюдая дистанцию.

— О! — сказал Володя. — Роли переменились! Теперь ты ходишь за мной, голубчик!

Володя вымыл посуду, вернулся к костру, к палатке.

Кибер шел впереди него, занял то же место, среди камней.

— Чудной ты,— сказал Володя.— А ведь мне нужно работать.

Взял молоток, карту, компас и зашагал вдоль гряды к месту, которое обследовал вчера и которое было уже нанесено на карту. Кибер двигался впереди — так же на расстоянии четырех метров. Когда Володя дошел до конца гряды и полез по откосу, чтобы обследовать выход на поверхность месторождения сильвинита и нанести новый участок на карту, кибер полез впереди него — точно по маршруту, намеченному Володей, не сворачивая на скалы и на осыпи рваных камней, куда не полез бы Володя, чтобы не израниться и не поломать ноги. Володя это заметил. «Возле скалы,— решил он провести опыт,— я сверну вправо...» Скалу можно было обойти с двух сторон, но если обойти ее с правой стороны — что получится? Кибер, дойдя до скалы, тоже повернул вправо. «Здóрово,— сказал про себя Володя.— Может, я сумею тобой руководить?» Наметил другой поворот, третий — кибер выполнил точно его маршрут. «А вот я загоню тебя в тупик,— подумал Володя,— в ущелье». Метрах в двадцати от него расселина упиралась в обрыв. Кибер шел точно по намеченному пути. Тут я тебя и схвачу, думал Володя,— он все-таки хотел ближе познакомиться с роботом. Расселина становилась уже, только полоса неба синела над головой. Сейчас робот упрется в стену, и дальше некуда. «Ну, гоп!» — Володя расставил руки.

Не тут-то было! Робот поджал ноги и, как пробка из бутылки, взвился над скалой. Володя остался с растопыренными руками.

— Ну-ну,— сказал он,— я пошутил... — и пошел прочь из ущелья.

Робот, описав дугу над его головой, опустился на тропинку и заковылял впереди Володи. Вид у него был удрученный, унылый, как будто он потерпел неудачу.

«Переживает мою шутку», — подумал Володя и рассмеялся.

— Гарсон! — крикнул он. — Ты молодчина! Настоящий спортсмен-прыгун!

Кибер не ответил. Володе ничего не оставалось, как заняться работой.

В группе Выдрина Володя работает второй год. И все в этих местах, в отрогах Танну-Ола. Прошлый сезон работал немного восточнее, сейчас — здесь, в котловине. До монгольской границы подать рукой — Володя прекрасно ориентируется на местности. За хребтом исток Енисея. На северо-востоке, километрах в двухстах, Кызыл, столица Тувинской республики, а если подняться на вершину хребта, видно озеро Убсу-Нур — это уже в Монголии. Выдрин с тремя ребятами ушел по извивам долины дальше, километров за семьдесят. Володю оставил в котловине наносить на карту выходы сильвинита. «Вот тебе палатка, — наказывал строго-настрого, — продукты. Задержишься дней на десять-двенадцать. Ровно через две недели догонишь нас, иначе будем разыскивать. Рацию берем с собой, что тут с тобой может случиться?» Ушли. Борисов работает дальше к востоку. У него куча ребят и девчонок — там не соскучишься. Выдрин с Борисовым ведут связь по рации. А Володя один. Что с ним может случиться? У него в палатке ружье. Местность довольно открытая: увалы, невысокие гряды скал. Хребты по бокам котловины — туда Володе лезть незачем. В котловине там и тут пятна лесов: ель, лиственница, подлесок; по берегам ручьев — облепиха. Третий день Володя наносит на карту проплешины сильвинита. Встречается свинцовый блеск, по ручьям — принесенная сверху слюда. Все уже примелькалось, ничего для этих мест необычного нет.

И вот — Гарсон. Володя глядит на работа. Тот сидит, поджав ноги, с невозмутимым спокойствием. «Перечница!» — ругает его Володя. В глазах кибера дрожит свет, будто посмеивается над Володей.

Володе совсем не до смеха. Володя ломает голову: что делать? Бросить работу, идти к Выдрину? Пойдет ли с ним кибер? Вдруг не пойдет? Останется или вовсе улетит прочь. Машина своенравная — рукой не тронь. И не вступает в переговоры. Может, у него такое назначение — наблюдать? Соглядатай. Что он тут увидит, с Володей? Странно! В высшей степени странно. Как непонятный сон.

Попытаться еще подойти к нему? Володя как бы невзначай делает к роботу три-четыре шага. Тот встает и отодвигается. Тогда Володя решается на одну хитрость. Тут есть пещера... Володя закрывает карту, как если бы выполнил задание, берет молоток, замечает, что кибер начинает проявлять беспокойство. Несомненно, он читает мысли Володи. Но все ли он понимает? Володя закидывает рюкзак на плечи и меняет маршрут — идет к пещере. Кибер идет впереди него. Это Володе и нужно. О пещере он старается не думать, просто сменил направление — мало ли у него здесь работы? До пещеры километр с лишним, они так и преодолевают этот маршрут — Володя намечает тропинки, путь между камнями, кибер следует этим путем.

Показалось жерло пещеры. «Туда», — направляет Володя. Гарсон как ни в чем не бывало шагает в пещеру. Пещера неглубокая, искусственного света не нужно. Солнце склоняется к закату, освещает ее прямыми лучами. Володя не знает еще, что он будет делать, и, конечно, не знает, что будет делать кибер. Но Володе еще хочется испытать его, зажать в тупике — может быть, Гарсон подбодрет, как-то станет ближе к Володе. Пока все спокойно, они идут, но тупик приближается. Робот по-прежнему сохраняет дистанцию. Сейчас он упрется в стену. Три шага, два, один шаг... И вдруг — бац! — Володя летит на землю навзничь, так что у него лязгнули зубы, Гарсон взлетает в воздух и проплывает над Володей, перебирая лапками, словно отталкиваясь ими от воздуха. Все это время какая-то сила прижимает

Володю к земле, он лежит пластом. Лишь минуту спустя становится легче и Володя в состоянии поднять голову: Гарсон опустился у выхода и, чуть спружинив, покачивается, наблюдая, как Володя встает и ощупывает шишку на голове. В сумраке пещеры глаза его блестят живо и весело, словно подшучивают. Володе совсем не до шуток.

— Змей! — говорит он. — Твоя взяла. Но сколько же это будет продолжаться?

Кибер молчит, они так и возвращаются в лагерь — молча.

Володя готовит ужин. После ужина сидит у костра и смотрит, как затухают угли. Стараются оценить обстановку. А как ее оценить? Ночь и звезды. И два зеленых огонька напротив, неотрывно глядящих на него. Но странно: они его не пугают и не тревожат. Они смотрят, и свет в них о чем-то думает. Они не давят и не гипнотизируют — неподвижные глаза совы были бы неприятнее. Свет пульсирует в них, и от этого глаза киберра кажутся живыми, веселыми.

Володя уже не пытается говорить с ним. Володя не знает, что делать. Беспомощность не красит его, но Володя на что-то надеется. Сегодняшний день и встреча только начало. Еще будет продолжение, разговор, если не словами, то какими-то знаками. Это придумает он, Володя, или придумает кибер. Может быть, киберу удастся увести к Выдрину, к людям. Ведь должен же он понимать, что Володя — не все человечество. Если кибер послан на Землю далеким неведомым разумом, то послан с целью ознакомления с земной цивилизацией. Кибер должен заговорить. Дать ему эту возможность, не тревожить его, не преследовать. Не надоедать ему.

Угли подернулись пеплом. Володя вынул из палатки спальный мешок, неторопливо залез в него. Сейчас он заснет, а утро вечера мудренее. Лишь бы Гарсон никуда не ушел.

Засыпает Володя быстро. Он и сейчас заснул неза-

метно. И уже во сне видит, что кибер подходит к нему, оглядывает, ощупывает его. Что-то в корпусе кибера раздвигается, оттуда выползают щупальца — два, три, много, — тянутся к лицу Володи, к рукам, он чувствует их прохладное прикосновение, но, как и глаза Гарсона, они не тревожат его, не давят. Наоборот, Володя расправляет руки, мускулы. Ему снится сон: он ребенок, еще в люльке, над ним склоняется лицо матери. Володе приятно видеть ее глаза, улыбку, слышать ее голос. Приветливый сон владеет Володей. Володя чувствует солнце, ветер, прохладу воздуха и воды; видит себя со стороны — сон течет, как река: Володя в детском саду, в школе, читает и пишет, видит, как он водит пером по строчкам тетради и как читает стихи: «Мороз и солнце, день чудесный!» И так — всю ночь до утра.

Утром ничего не меняется. Кибер на своем месте, и Володю охватывает отчаяние: он ничего не может узнать от Гарсона. Встреча закончится ничем — и к чему все это?

Володя решает. Он поведет робота к Выдрину.

Семьдесят километров — это двенадцать часов ходьбы. В горных условиях — пусть пятнадцать. Володя кладет в рюкзак консервы, хлеб и говорит роботу:

— Пошли!

Они идут километр, другой. Робот послушно подчиняется мысли Володи: пересекает ручьи там, где приказывает ему Володя, карабкается на скалы, сбегает в ущелье. Палатка и лагерь скрываются за грядой. Может быть, замысел Володи удастся? Только не думать, что он ведет кибера к Выдрину. А мысль об этом, как назло, лезет в голову. Володя старается отвлечь себя, считает шаги, поглядывает, высоко ли поднялось солнце. Иди, иди, говорит он роботу, не все ли равно, куда нам идти? Денек-то, денек какой — солнышко...

Но вот кибер, кажется, что-то понял: движения его становятся неточными, он даже подпускает Володю к себе почти вплотную, колеблется.

— Пойдем! — говорит Володя.

Кибер отходит в сторону, пропускает человека вперед. Володя тоже колеблется, но проходит вперед. Обогрывается через минуту — кибер сидит на месте. Володя делает еще десяток шагов — кибер недвижим.

Что будешь с ним делать? Опять Володю охватывает отчаяние.

Никто не поверит, что была встреча с кибером, если не привести Гарсона в лагерь, не показать Выдрину и ребятам. Расскажи Володя обо всем на словах, без доказательств, — его высмеют и дело с концом. Кибера надо доставить в лагерь! Ведь он тут не просто для своего удовольствия, его послали с неизвестной планеты для связи с Землей. Его надо обязательно привести в лагерь!

— Что же ты?.. — спрашивает Володя кибера.

Кибер не отвечает, не сходит с места. Так можно уйти, думает Володя, а робот останется. «Упрямец! — ругает Володя кибера. — Каким пряником тебя заманить?» Тот сидит себе под откосом, и глаза его прозрачны до изумления. Свести робота к Выдрину не удастся!

Володя возвращается к киберу. Оба они идут обратно в лагерь.

Надо ждать, решает Володя. Буду ждать!

Весь день он работает, Гарсон, кажется, им доволен.

Вечером Володя засыпает так же, в спальном мешке, и видит продолжение вчерашнего сна. Он заканчивает школу, поступает в институт, спорит на семинарах, сидит за книгами. Получает диплом. Вместе с Шурой, женой, едет на работу в Саяны. Командировка в Туву. Выдрин, ребята, и вот — он один в котловине. Просыпается Володя внезапно — кибер не успевает убрать щупальца. Какое-то мгновение Володя держит в руках присосок, но тот осторожно, даже ласково высвобождается из его пальцев, скрывается в металлическом корпусе.

Володе не страшно, даже нет неприятного ощущение

ния. Он лежит еще минуту, расслабляя мышцы рук и лица, хотя и понимает, что это уже не сон. Робот исследовал его, может быть, усыплял. Может, Володя, не сознавая этого, находится во власти кибера — молчаливого ласкового чудовища? Может быть, чудовище убьет его?.. Но зачем эти мысли? Володя может уйти. Мог уйти вчера утром, оставить Гарсона одного в котловине. И ушел бы, если б не любопытство.

— Гарсон,— спрашивает Володя,— кто ты?

Робот молчит, оба молчат до утра.

Днем Володя работает. Гарсон ходит за ним по пятам, как пес. Володя ждет, и робот понимает, что человек ждет. К вечеру ожидание становится невыносимым. Чтобы успокоить Володю, Гарсон сокращает расстояние между ними. Были моменты, когда Володя мог бы протянуть руку и дотронуться до кибера. Володя не сделал этого. Ждал, что будет дальше. В этом чувствовал единственную надежду чего-то добиться.

И он добился.

Вечером, когда, проглотив второпях ужин, Володя допивал стакан чаю, робот приблизился и, присев в двух шагах от него, заговорил:

— Кто ты такой? Откуда ты взялся? Шпрехен зи дойч?..

Это была точная копия Володиного голоса, интонация недоумения, звучавшего в первых вопросах к роботу, поставленных утром третьего дня.

— Парле ву франсе?..— продолжал робот, и впервые за время встречи человека и робота Володя почувствовал холодок на спине — очень неприятно было слушать самого себя, свой голос, неумные вопросы. На секунду мелькнула мысль — может быть, перед ним кретин, идиот, запомнивший его слова и повторяющий их бездумно, как попугай?..

— Гм...— хмыкнул робот.— Откуда ты, черт, взялся?..

Еще бы немного — одна такая реплика,— и Володя попятился бы от него в палатку. Робот сказал:

— Я же тебе не хочу плохого.

Что-то было уже другое в этих словах — какая-то новая грань в интонации, и это удержало Володю от позорного бегства. Но он все еще смотрел на кибера со страхом.

— Ты не обиделся?..— спросил кибер и рассмеялся — поклохтал, отдаленно напоминая искусственный смех Володи, когда тот в пещере потирал шишку на голове.

Это немного успокоило Володю, он отер со лба капли пота. В конце концов, все эти дни Володя ожидал разговора — чего же он испугался?

— Ты на меня не обиделся? — повторил робот, и эти маленькие два слова «на меня» сказали Володе, что перед ним не механический идиот, а мыслящее разумное существо — пусть робот, механический человек, но это разумное существо, и, значит, все пошло как нельзя лучше.

— Нет, не обиделся,— вполне осознанно сказал Володя.— Но ты все-таки скажи, кто ты и откуда.

Робот опять поклохтал. Смех у него не получался: какое-то горловое бульканье и шипение — отвратительный смех. Но это было все-таки лучше, осмысленнее и окончательно убедило Володю, что контакт между ним и роботом установлен.

Наконец робот сказал:

— Я из системы Дельты Кита, с планеты желтой звезды.

— И как у вас?..— спросил Володя, кивая на окружающее.

— У нас лучше,— коротко сказал кибер.

Ответ не удовлетворил Володю.

— Как лучше? — спросил он.— Богаче?

— Мы больше знаем,— ответил кибер.

— Тебе у нас не нравится?

— Не нравится,— ответил Гарсон.— У вас войны. Испытания атомных бомб.

— Так помогите нам! — воскликнул Володя.

— Как помочь? — спросил робот.
— Уничтожьте бомбы. Превратите их в... песок.
— Вы наделаете новых бомб.
— Ну... как тут сказать, уничтожьте основу... — не мог сразу подобрать слов Володя. — Чтобы не делать бомб!

— Уничтожить атомную промышленность?.. — спросил робот.

Володя понял, что запутался, что так радикально решать вопросы нельзя. Робот молчал.

Володя переменял тему:

— Как ты попал на Землю?

— Запрограммирован в световом луче, — ответил робот.

— Телекинез?.. — спросил Володя.

— Собран здесь, на месте, из атомов.

— Ты на Земле многое видел? — спросил Володя.

— Многое... — неопределенно ответил робот.

— А как ты оказался здесь, в котловине?

— Мне нужен человек.

— Как?.. — не понял Володя.

— Биологический тип. Изолированный от всех других.

— Почему? — Володе не понравилось слово «тип».

— Чтобы изучить и сделать вывод обо всех.

— Разве это возможно?

— Состав океана можно определить по одной капле воды.

— Ты выполнил задачу? — спросил Володя. — Ты уйдешь?

— Через тридцать минут.

Володя почувствовал, что времени нет, а спрошено и сказано так мало. Хоть бы он рассказал о своем мире — глазком бы глянуть, как там.

Робот угадал его мысли.

— Я унесу тебя с собой, — сказал он.

— Меня?.. — отшатнулся Володя.

— Твою копию,— успокоил его Гарсон.— Ты будешь собран из атомов в нашем мире.

— Как же я буду жить? — воскликнул Володя.

Робот помолчал, видимо, сознавая, что дал промашку.

— Твое сознание будет жить,— сказал он, уточняя, что перспективы у Володи не такие уж мрачные.

— Все равно не хочу! — запротестовал Володя.

Робот опять замолчал, наверно, придумывая, как успокоить Володю, а Володя тем временем склонялся к выводу, что встреча разнопланетных цивилизаций не такая простая штука. Каждое слово, благое намерение может вырыть пропасть между мирами. И вообще, не Володе заниматься этим непростым делом — контактом цивилизаций, дипломат из него никакой. Володя вздохнул.

— Не бойся,— сказал робот.— Тебя могут отправить назад.

— Второго?!— ахнул Володя.

— Давай переменим разговор,— предложил робот.

Володя согласился, что переменить разговор будет лучше.

Странный это был разговор: вопросы, ответы, как где-нибудь на уроке в классе. Ни юмора, ни эмоций. Формальная логика. Кибер напомнил Володе учителя математики Волчека, который никогда не улыбался... В то же время Гарсона нельзя было назвать бездушным — машиной в полном смысле этого слова. Он замечал свои ошибки, видел, как реагирует на них человек. Об «отправке» Володи в систему Кита он сказал прямо, однако, видя замешательство человека, сам пришел в замешательство, стараясь найти выход, чтобы облегчить участь Володи. Выхода не было, и он поступил так же, как человек,— переменял тему разговора. Володя ведь тоже зашел в тупик с проблемой атомной бомбы и переменял разговор. Трудно было определить, заложено это в кибере или он перенял от Володи таким

образом уходить от неприятного разговора. Если это заложено в программе робота, то психика далеких китян мало чем отличается от психики человека, и это роднило китян с людьми, так же, наверное, как и облик китян был сходен с человеческим: четыре конечности, голова, глаза. У Гарсона, правда, две пары глаз, но, может быть, это удобно для конструкции робота?.. Боже мой, не спрашивать же у робота, сколько глаз у китян?..

А время неумолимо шло. Володя твердил себе: полчаса для разговора, всего полчаса!.. Володя словно видел перед собой часы и стрелку, передвигающуюся по циферблату. О чем говорить? — метался Володя от одного вопроса к другому. Как бывает в такие минуты, в голову не приходило ничего путного — стрелка часов неумолимо двигалась по циферблату. Лучше бы кибер не говорил, что улетит через тридцать минут. Попросить его задержаться?

Володя спросил:

— Вы имеете контакты с другими цивилизациями?

— Имеем, — ответил робот.

— И с такими, как на Земле?

— И с такими имеем.

— Вы помогаете им?

— Пытались.

— Ничего из этого не получилось? — спросил Володя, основываясь на личном опыте.

— Не получилось, — ответил робот.

— Почему?

— У каждой цивилизации своя история, свое развитие. У разумных существ своя психология. Они не терпят вмешательства, не любят советов. Или используют все не так. Вмешательство не приводит к хорошему, пока цивилизация не созрела, — пока существуют войны, голод.

Володя попробовал не согласиться с этим — он был молод, горяч и страстно желал осчастливить челове-

ство: если не своими руками, то руками китян. Володя сказал:

— Помогите нам прекратить войны.

— Прекращайте,— ответил робот.

— Но мы не можем... договориться.

— Договаривайтесь,— бесстрастно посоветовал робот.

— Ну, как-то другим способом,— настаивал Володя.

Робот поклохтал и спросил без обиняков:

— Убить тех и других воюющих?..

Нет, конечно, Володя этого не хотел. Но сгоряча он может такое насоветовать киберу... Робот еще поклохтал, явно не собираясь помогать таким способом.

И все же, рассуждал Володя, как же так — не помочь? Хотя бы в развитии науки, техники, ухватился он за новую мысль. Если китяне сумели перебросить кибер на Землю, они обладают могучей техникой, ушли вперед и помочь нам им ничего не стоит. Ах ты, жалко, нет времени! А надо подойти к вопросу не сгоряча, ведь, в самом деле, можно выпросить что-нибудь во вред себе. Недаром кибер говорил о несозревшей цивилизации. Разве можно сказать, что у нас созревшая цивилизация? Испытания атомных бомб... Володя мучительно напрягал мысль, чем бы могли помочь нам китяне,— его не покидало желание облагодетельствовать человечество.

Стрелка незримо бежала по циферблату, отмеряя последние минуты их разговора. Странного разговора — опять отметил Володя. Никому на Земле, наверно, не приходилось вести подобного разговора. Володя посмотрел на кибера. У того в глазах все так же спокойно и понимающе мерцал свет. Наверно, он чувствует мою растерянность, подумал Володя. Сколько у них еще времени?.. И о какой помощи можно еще попросить у кибера — в космонавтике, в медицине?

— Я могу помочь тебе лично,— сказал Гарсон.

— Как? — спросил Володя.

— Дай карту местности.

Володя раскрыл планшет, протянул роботу карту.

— Карандаш... — попросил тот.

Володя дал ему карандаш. Робот выбросил из корпуса другую руку и, ловко держа карандаш, мгновенно покрыл карту химическими значками. Володя с изумлением увидел, что котловина изобилует элементами чуть ли не всей таблицы Менделеева. Вот и доказательство, думал он, — карта, заполненная рукой робота! Иначе, кто поверит во встречу?

— На, — сказал робот, подавая Володе карту. — И отойди подальше.

Володя отошел и стал наблюдать. Убраны руки, согнуты ноги, — впервые Гарсон сел на округлый киль, на почву между камнями.

— Прощай, — сказал он Володе.

— Прощай, — ответил Володя.

Еще мгновение, и в свете гаснущего костра абрис робота затуманился, стал таять и расплываться, как льдинка на горячей плите. Только зеленые озерца глаз не хотели тускнеть и все так же, играя светом, смотрели на мир — пусть неустроенный, несозревший, но, по мнению Володи, все же хороший. Но вот и зелень исчезла. Между камнями, где Володя впервые увидел робота и где робот, облюбовав местечко, сидел три дня, ничего не было. Ничего. Остались только воспоминания и карта, заполненная удивительным кибером. Все-таки есть доказательство встречи, есть! — торжествовал Володя. Никакой человеческий ум, даже вооруженный приборами, не обнаружит столько богатств в небольшой котловине.

Володя подбросил хворосту в костер и принялся разглядывать карту. Но удивительно — почерк на карте был точно Володин, до последней завитушки и запятой! Даже s, латинское s, которое Володя писал с немыслимой закорючкой, было — точно! — Володино, и никого другого: ребята ведь знают! Карта была заполнена рукой Володи, и никому — тем более скептику Выдрину —

не докажешь, что над ней потрудился китянский робот. В досаде Володя прикусил губу.

Потом Володя стал собирать рюкзак. Делать в котловине ему было решительно нечего. Завтра он пойдет в лагерь, к своим. Семьдесят километров — это двенадцать часов ходьбы, если не останавливаться. Володя постарается уложиться в срок — без перекуров и отдыха.

СУДНЫЙ ДЕНЬ ЮДЖИНА МЭЛЛТА

Юджин Мэллт, личный консультант Президента по ядерным испытаниям, вполне удовлетворен. Серия испытаний закончена. Особенно впечатляющим был взрыв в Атакаме. Ад! Настоящий ад!..

А в общем, блестяще! Теперь Мэллт сделает доклад Президенту, и, пока дипломаты поведут болтовню о прекращении, запрещении и — самое модное ныне словечко — замораживании и пока говорильня будет продолжаться до судебного дня, Мэллт отдохнет на пляже, на Калифорнийском побережье.

Он очень устал, Юджин Мэллт. Напряжение нервов!.. Хотя бы с «Пепитой». Семьдесят мегатонн — и вдруг часовой механизм будто сорвался с цепи: стрелки закружились вперегонки. Но ведь с часами соединяется вся эта... требуха! Какой вид был у коллеги Симпсона — волосы ошетинились на затылке!.. При воспоминании о «Пепите» Мэллт чувствует сердцебиение. Как он заорал, Симпсон: «Бежим!..» — как будто можно убежать от вулкана... А вот он не сдал, хвалит себя Мэллт. Сорок минут копался в «Пепите», пока не вынул из ее нутра проклятые часы.

После, за стаканчиком бренди, Мэллт позволил себе расслабиться — предался воспоминаниям: «Одиннадцатая бомба,— говорил он.— Невада, Бикини, Эниветок — хорошие удары, Симпсон! Но этот будет отличный.

Вспомните мое слово!» При этом Мэллт держал стакан перед собой — Симпсон поставил стакан на стол: руки у него дрожали. В груди Мэллта, признаться, витал холодок — он ведь тоже из плоти и крови. Но Симпсону он показал, что такое выдержка...

Теперь Мэллт уезжает в отпуск, у него четыре месяца отдыха.

Дорога вьется среди холмов. По обе стороны от дороги — пустыня, притихшая, с разорванным сердцем. Испытания проводились в сердце пустыни «The Heart of Desert». И сердце ее разорвано. Чудовищный кратер лежит в песках. К нему подойти нельзя: сто восемьдесят постов охраняют его по окружности.

Пусть охраняют. Мэллт спешит на аэродром. Багаж он отправил утром и теперь мчит на «виллисе». Без охраны: можно же проскочить без прихвостней в серых шляпах!.. Мэллту нравится, когда он один.

Вечер. Солнце скосило глаз и, кажется, замерло, наполовину погрузившись в пески. Вершины холмов покраснели, тени густо-лиловые, как на абстрактной картине. Мэллт любит абстракцию и не любит пустыни — за полгода она успела ему осточертеть. Наедине приятно подумать о семье, о дочках. Дочерей у Мэллта две: Юдифь и Далила, четырех лет и пяти. Имена он подобрал сам из библии — он ведь набожный человек и примерный отец, Юджин Мэллт. Но если его спросить, зачем он произвел двух маленьких крошек в мир, где страшные бомбы разрывают сердце пустыни, он ответит, что крошкам ничего не грозит. Его имя в первом номенклатурном списке. Семье обеспечено место в генеральном убежище на глубине двух тысяч футов, с плавательным бассейном, цветами и прочим комфортом. Две тысячи футов!.. С удовольствием Мэллт затягивается сигарным дымом. Последние испытания направлены в глубину. За океаном тоже бомбоубежища. Говорят, что они на глубине тысячи семисот футов. «Пепита» дала кратер в тысячу семьсот футов!.. В багаже Мэллта фото-

графии. Не только к отчету — для его личных альбомов. На каждую бомбу альбом. Есть на что посмотреть... Мэллт бросает окурок сигары. Ветер оставляет на манжете частицу пепла. Белый манжет, черный пепел... Черный — как выжженная земля. Фотографии у Мэллта цветные, на лучшей пленке. И везде в центре черный неистребимый цвет. По ночам он снится Юджину Мэллту... И все-таки — тысяча семьсот футов. Отлично! Если заглянуть в душу Мэллта, он даже немножко желает судного дня сейчас, на своем веку. День он переживет — на то есть бомбоубежище. А потом он в числе немногих избранных будет основателем новой расы. Бог сотворил людей, Юджин Мэллт сотворит будущее...

Аэродром пуст. Безлюдны посадочные площадки. Личный самолет Мэллта ремонтируется. Обещали сделать ремонт через четыре дня — пошла вторая неделя. Такое возможно только в этих богом проклятых странах... Но где рейсовый самолет? Билет до Сезарио у Мэллта в кармане. Однако ни самолета, ни обычной толкотни у выхода нет. Задержка? Или рейсовый улетел?..

Крупными шагами — через две-три ступеньки — Мэллт поднимается к начальнику аэропорта:

— Где рейсовый на Сезарио?

Начальник Мария Кастелла Перес смотрит на Мэллта как на выходца с того света:

— Вы еще здесь?..

— Отвечайте на вопрос! — прерывает его Мэллт.

Перес поднимается с кресла:

— Семь минут, мистер Мэллт, — показывает на часы. — Семь минут, как рейсовый взлетел с полосы!

Юджин Мэллт озадачен: опоздал, замечтался в дороге? Но не это волнует его сейчас.

— И багаж? — спрашивает он. — Улетел?..

— Семь минут! — Перес все еще не верит, что перед ним Юджин Мэллт. Однако тот повторяет:

— И багаж?..

В вопросе столько металла и льда, что Перес наконец убеждается в реальности Мэллта.

— И багаж...— отвечает он, утвердительно кивнув головой.

Мэллт ошеломлен: отправили багаж без него? На что это похоже? На что это похоже!.. Но замешательство консультанта длится секунду, не больше.

— Дайте мне самолет! — требует он. — Немедленно! Знаете, что у меня в багаже?..

Перес не знает. Никто не знает, что с багажом Мэллта улетели расчеты и результаты проведенных испытаний — секретная информация. Сейчас все это болтается в воздухе без хозяина. Конечно, багаж дойдет до места — сервис есть сервис, — но не таков Мэллт, чтобы простить кому-либо даже свою оплошность.

— Вшивая страна! — Лицо Мэллта наливается краской. Все можно вынести: «Пепиту», толстый затылок Симпсона, но никому нельзя потакать. — Почему не задержали багаж? — Мэллт теряет контроль над собой. — Верните! Радируйте!..

Начальник аэропорта чувствует вину: в том, что багаж отправлен без пассажира, провинность его подчиненных, но, увы, самолет в воздухе вне его власти!

— Что вы стоите? — Мэллт стучит кулаком по столу.

Ближайшая минута заполнена звонками, трескучей испанской речью по двум телефонам сразу. Перес как виртуоз: слушает, разговаривает и отдает приказания. Изредка он бросает взгляды на готового лопнуть от злости Мэллта. Черт бы его побрал, думает начальник аэропорта. И сотрудников — тоже! Место в самолете отослали пустым!.. Однако Перес находчив, недаром он служит на самой головоломной линии: по одну сторону океан, по другую — пустыня, горы. Это имеет свои преимущества: маршруты авиалиний здесь не прямые, как по линейке, а лежат на карте углами, от гор к побережью, опять в горы и дальше за их вершины. Таков

и девятнадцатый рейс, с которым ушел багаж Юджина Мэллта. Пока самолет слетает на север страны, а потом повернет через горы в Сезарио, можно быть в Сезарио раньше, если... Если консультант этого хочет.

Юджин Мэллт хочет — краска гнева не сходит с его лица.

— Мигель, Фернандо! — вызывает по телефону Перес дежурных пилотов. Одновременно он успокаивает Мэллта: — Будете в Сезарио раньше, чем туда придет ваш багаж.

Через четверть часа Мэллт сидит в самолете — в поршневой двухмоторной машине местной линии. Самое большее, что из нее можно выжать, — шестьсот километров в час. Пусть себе — лишь бы перехватить багаж! Мэллт доволен собой: стоит прикрикнуть — и крепости падают.

В иллюминатор Мэллт смотрит на поле аэродрома. Вспоминает разговор в кабинете начальника. Разговор был короток и невежлив. Пилоты говорили на испанском языке, будто отгораживались от Мэллта. Потом мальчик-рассыльный проводил его в самолет — пилоты задержались, все еще разговаривая.

Стрелки часов сонно ползут по циферблату. Две минуты — Мэллт поглядывает в иллюминатор. Три минуты. Где они там?.. Время не терпит! И все же — один ноль в его пользу. Конечно, Перес не мог ему отказать. Но от этих каналов ждать можно всего, вторую неделю ремонтируют самолет... Все-таки один — ноль: багаж Мэллт догонит в Сезарио. Догонит место в самолете, которое его ждет. На минуту Мэллту кажется смешным неожиданное приключение. Какие глаза сделал начальник аэропорта: «Вы еще здесь?..»

Четвертая минута. Мэллт нетерпеливо принакает к иллюминатору.

Вот они! Старший пилот Мигель и его помощник

Фернандо. Идут через поле к машине. Как медленно, вразвалку они идут!.. Мэллт готов крикнуть пилотам: скорее!

Пилоты в самом деле не торопились. В кабинете начальника им некогда было перекинуться словом. Задание объяснял Перес: маршрут, время — при этом он то и дело поглядывал на часы. Маршрут пилотов не радовал. Ночью лететь через горы — кого это обрадует? Хотя бы линия полета была прямая, так нет: атомную дыру в пустыне надо обогнуть стороной. Никаких ориентиров на линии — ночь, пустота. В последний момент, когда рассылный увел Мэллта к самолету, Перес сунул Мигелю дозатор: «Не залетите в пекло...» Дозатор у пилота в нагрудном кармане, как авторучка. Собачья служба — рыскать над горами в ночи. Хотя бы задание стоящее. И тут не повезло: пилот вспоминает надутого индюка Мэллта.

— Мне не нравится его рожа, — говорит на ходу Фернандо.

— Знаешь, кто это?

— Кто?

— Юджин Мэллт.

— Юджин Смерть?!

— Тише! — одергивает его Мигель.

С минуту слышен стук каблуков по бетону да, кажется, дыхание обоих пилотов.

— Я бы утопил эту крысу!.. — говорит наконец Фернандо.

Опять стук каблуков. И — неожиданные, даже небрежные слова Мигеля:

— А что нам стоит?..

Небрежность кажущаяся: в ней бешеная решимость. И бесшабашность — когда после сказанных слов не оглядываются назад.

— Мигель! — Фернандо сжимает в темноте локоть товарища.

Теперь они идут быстро — бегут к машине.

— Наконец-то! — улыбается Мэллт.

В самолете Мигель и Фернандо надевают парашюты. Помогают надеть парашют Мэллту.

— Опасно? — спрашивает он.

— Ночью, в горах... — неопределенно говорит Мигель.

Когда самолет вышел на полосу, в кабинете начальника аэропорта еще горел свет. Но вот все четыре окна погасли. Перес, однако, не торопился домой. Он подошел к окну и наблюдал, как серебристая птица в свете сигнальных огней набирала разбег и, поднявшись над лентой бетона, канула в темноту.

Начальник аэропорта устал за день, за все эти дни. Устал от тревоги, от ожидания и секретных шифровок: «Срочные перевозки», «Секретный груз...» И все это завершилось взрывом в пустыне. Не только взрывом — окриком: «Вшивая страна!..» Перес за свои пятьдесят лет вынес немало унижений и оскорблений. И сегодня, собственно, заурядный случай. Но почему перед глазами холеное, налитое краской лицо? Почему в ушах так больно звучит оскорбление ему и его стране? Страна в понятии Переса — это пространство, на котором расположены города и аэродромы, земля, по которой он ходит. Все здесь понятно и просто. Но когда пришли взрывы, Перес ощутил боль, которую чувствовала его земля. Может быть, впервые в жизни старый служака осознал кровную связь с землей. Оказывается, земле можно причинить боль, а человеку — почувствовать эту боль. Можно оскорбить землю и вместе с ней человека. «Вшивая страна!..» Жаль, что самолет ведет не он, Мария Кастелла Перес, он бы вытряхнул спесь из консултанта!..

Как ни странно, Мэллт тоже думал о земле и о взрывах. Очень ловко предпринято — испытывать бомбу между горами и океаном. Ветры дуют с материка,

дождей почти не бывает. Радиоактивную пыль унесло в океан, утопило в воде. Если что и попало в горы, это никому не повредит, разве что бродячим индейцам... Снимок «The Heart of Desert», сделанный с самолета, показал в центре пустыни черную рану.

На память Мэллту приходят стихи:

Как по маслу обошлось,
Все отлично взорвалось!..
Са ира́, са ира́!..
Все отлично взорвалось!

Это стихи о первом испытании водородной бомбы. Мэллт знал и ценил поэзию, цитировал Лонгфелло, Уитмена. Любил английских поэтов прошлого. Но Мэллт не предположил бы, что можно посвятить стихи водородной бомбе.

Все отлично взорвалось!

Чьи стихи, Мэллт не помнит. Они были тиснуты в крупнейших газетах, звучали восторженно:

Са ира́, са ира́,
Все отлично взорвалось!..

Французское «*ça ira*», в тексте, несомненно, авторская находка. Так назывался во время революции 1789 года веселый танец. «*Ça ira*» значит — «Лучше не может быть». Подумать только!..

Но и не будь «*ça ira*», стихи выдавали восторг поэта, лившийся через край и, видимо, должный вызвать восторг всей нации. Как насчет нации, сказать трудно, но скачущие стишки нашли такой же вихлястый мотив, получилась песенка, которую мурлыкали под нос продащицы в магазинах, аптекари, даже научные работники:

Са ира́, са ира́,
Все отлично взорвалось!

Естественно, тогда был ажиотаж вокруг бомбы. Наверно, ажиотаж породил и стишки. Они жили, жужжали в ушах, назойливые, как мухи. И сейчас жужжат.

Мэллт трясет головой, чтобы от них избавиться. Но тут же опять повторяет:

Все отлично взорвалось!

Дверь в кабину пилотов закрыта. Машину ведет Мигель. Оба пилота молчат. Они молчат после тех нескольких фраз на аэродроме. Все решено, и не надо слов. Фернандо косится на дозатор в нагрудном кармане товарища. Дозатор, как живой, наливается светом, кажется — кровью. Внизу ни искры, ни огонька. Только красная капля на груди Мигеля. Когда свет достигает накала рубиновой густоты, Мигель то ли спрашивает, то ли утверждает вполголоса:

— Начнем...

Фернандо поворачивается к нему:

— Машину тебе не жалко?

— Рухлядь! — говорит Мигель и подает рычаг на себя.

Машину потрянуло. Мэллт потерял равновесие, ударился головой о спинку сиденья. Тут же самолет накренило, Мэллта оторвало от пола, швырнуло на бок, он едва не выдавил иллюминатор плечом. Вцепился в ремень, схлестнутый пряжкой на животе. Его опять бросило как мешок. В чем дело?.. Дверь пилотской кабины раскрылась. В прямоугольнике, который показался Мэллту ромбом, потому что машина еще не выровнялась, стоял Фернандо.

— Авария! — крикнул он, ринулся к пассажиру, помочь ему выбраться из сиденья.

Самолет делал судорожные попытки выровняться, его трясло как в ознобе. Он продолжал скользить на боку, и когда Мэллт с помощью Фернандо освободился наконец от кресла, они пошли к двери по стене — иллюминаторы лежали у них на пути, как пришитые пуговицы. Мэллт был человеком с крепкими нервами, он не поддавался панике, ему даже казалось забавным, что они

идут по стене и иллюминаторы под ногами как пуговицы... «Са ира!» — мелькнуло в его мозгу.

— Скорее, мистер Мэллт! — торопил Фернандо. — Будете прыгать! И мы будем! Самолет потерял управление.

Все это происходило в считанные секунды. Консультант ничего не успел понять и спросить.

— Внизу пустыня! — кричал Фернандо, балансируя между иллюминаторами. — Почва ровная — приземлитесь благополучно! — ободрял он Мэллта.

Тот все шагал, шагал через иллюминаторы. Замигало освещение в самолете. Потом свет опять загорелся ровно. Мэллт и Фернандо подошли к двери — вытянутому овалу, лежавшему на пути.

— Как только открою — прыгайте! — Фернандо, нагнувшись, крутил ручку двери.

Самолет по-прежнему скользил на боку, падал. Мэллт схватился за лямки — ощутил парашют за спиной. Конечно, он прыгнет — самолет падает.

Но когда Фернандо рванул на себя дверь и ветер хлынул в кабину точно из шахты, Мэллт заколебался.

— Прыгайте! — крикнул Фернандо.

Мэллт наклонился над шахтой, уперся руками в обе стороны дверного проема.

— Ну, — торопил Фернандо, — смелей! Парашют раскроется сам!

Мэллт все еще медлил. Фернандо пнул его под колени ботинком, ноги Мэллта рефлексивно согнулись, и он нырнул в темноту, точно в воду.

Секунду ему казалось, что он летит рядом с машиной. Не зацепился ли парашют? Но вот железная птица промчалась выше, ушла вперед. Что-то огромное, круглое вспыхнуло в небе, хлопнуло, точно выстрел. Мэллт почувствовал рывок и закачался на стропях. Гул самолета растаял, Мэллт остался один между землей и небом. Тоненько свистело над головой: воздух процеживался сквозь купол. Это успокаивало Мэллта. «Нормально!» — подумал он, ему и раньше приходилось спускаться

ся на парашюте. Вот только не видно земли, но она все равно даст знать о себе прохладой или шорохом ветра. Тогда он подогнет ноги, чтобы спружинить, и сядет благополучно. Потом его начнут искать и найдут. Пилоты, конечно, успели передать координаты места аварии. Поиски начнутся с утра, и его найдут.

Мэллт твердо верил в свою счастливую звезду. «Как по маслу обошлось...» — вспомнил он песенку. Летчики, наверно, тоже выбросились из аварийной машины. Возможно, Мэллт еще встретится с ними. «Как по маслу обошлось...» Но тут Мэллт вспомнил, куда и зачем летел, и настроение его омрачилось. Однако он тут же успокоил себя: «Могло быть хуже...»

Земля встретила Мэллта теплом, как из погасшей, но не остывшей печи: за день от жаркого солнца не успела остыть... Внизу было темно. Тщетно Мэллт всматривался, стараясь хоть что-нибудь рассмотреть над собою. Поднимал взгляд — и вверху темно: небо сплошь затянуто облаками. Но за этой тьмой угадывались звезды, небо казалось серым. Круг парашюта светлел над ним большим одиноким глазом, который повернут вниз и, наверное, ничего не видит. Человек тоже ничего не видел внизу, ни огонька, ни воды, которую отличишь в темноте по свинцовому блеску. Только горячий воздушный ток рвался навстречу.

Проходили минуты, спуск длился медленно. Столб воздуха держал, даже толкал парашют вверх. Так бывает на планере: воздух ударяет снизу, несет аппарат как на спине. Может, потянуть стропы, уменьшить площадь зонта? Будешь опускаться быстрее. Этому учили Мэллта в летном клубе. Когда учили — двадцать два года тому назад?.. Мэллт нащупывает стропы, но потянуть к себе не решается. Все равно спуску будет конец; несколько раз Мэллту кажется, что земля близко, он поджигает ноги — вот-вот коснется почвы. Но почвы не было. Стало почему-то темнее. Чернота висела не только внизу, но и по сторонам, как будто Мэллт опускался

в колодец. Это его встревожило. Он поднял глаза. Все так же висело над ним бельмо парашюта, выше стелилась серая простыня неба, а внизу и кругом — черно. «Что за притча?» — мелькнуло в голове Мэллта, и тут его ноги коснулись земли. Странное ощущение: Мэллт опустился на битые черепки — так захрустело и зазвенело у него под ногами. Несколько шагов он пробежал по инерции, поспешно расстегнул лямки — чтобы парашют не потянуло ветром. Но ветра не было. Парашют съезжился и лег на землю белым пятном. «С прибытием!» — поздравил себя Мэллт. Его правилом было — не теряться в любой обстановке. Ну-ка, где он? Мэллт огляделся. Потоптался на месте — черепки гремели у него под ногами, — нигде не заметил просвета. Поднял вверх голову — недостижимо далеко серое небо. И все-таки он был внизу, опустился благополучно. Два — ноль в мою пользу, подумал Мэллт и еще раз поздравил себя: «С прибытием!» Голос прозвучал слабо, как будто слова произнесены шепотом. Мэллт откашлялся — першило в горле. Где он? В предгорьях? Попал в каньон? Это не страшно, из каньона есть выход, надо его найти. Не удивила Мэллта и сухая жара: каньон тоже не успел за день остыть... Итак, искать выход! Мэллт пошел вперед, вытянув руки. Уперся в стену. Хорошо, сказал сам себе, теперь он пойдет вдоль стены, только надо быть осторожным, не оступиться. Ощупывая ногами почву, Мэллт двинулся в темноте. Местность казалась ровной, под ногами похрустывало: обычный каньон, дно усеяно галькой. А стена необычная: гладкая, точно стеклянная. Иногда стекло было потрескавшимся, ощущалась шероховатость камня: в таких местах под ногами больше рассыпанных черепков. И уж очень знойно. Мэллт расстегнул ворот рубахи. Это не помогло. Жар охватывал тело, будто Мэллт брел в нагретой воде. «Горячевато...» — сетовал он, расстегивая на ходу пуговицы. Подобием прохлады веяло сверху. Мэллт оставался и, подняв лицо, дышал. Шея его вытягива-

лась, рот раскрывался широко, как у рыбы... «Дьявол,— ругал он стену,— когда ты кончишься?..» Стена не кончалась. Мэллт двигался дальше. Хотелось бежать, но осторожность сдерживала Мэллта. И что-то его пугало. Каньон? Темнота?.. Страшное позади, успокаивал он себя. Самолет потерпел крушение, но он, Юджин Мэллт, спасся. Парашют опустил его в теснину между горами. Но и отсюда — Мэллт верил — найдется выход. Ни происшествие, ни ущелье не пугали его. Пугала стена. Глаза освоились с темнотой, ловили малейшее изменение цвета. Стена светилась, неуловимо флюоресцировала. Это было непонятно и, как все непонятное, вызывало тревогу. Несколько раз Мэллт останавливался: кажется ему или на самом деле стена светилась?.. Несомненно, светилась: палевым, местами сернисто-желтым цветом. «Чертовщина! — Мэллт старался не поддаваться страху. — Это мне кажется!»

Так он прошел, наверное, с километр. Может, больше, а может, меньше. Чувство пространства, как и чувство времени, покинуло Мэллта. Механически он поднимал и переставлял ноги, под подошвами башмаков хрустело. Нестерпимо мучила жажда. Пот струился по лицу, губы растрескались. Галстук он бросил, рубашку расстегнул на все пуговицы; в голове стучало. Стена бесконечно тянулась... Мэллт перестал ругаться. Им овладело тупое ожесточение — скорей выбраться из каньона. Он уже не обращал внимания на светящуюся стену — скорее! — убыстрял шаги, почти бежал, разбрызгивая из-под башмаков черепки. Это было неосторожно, можно свалиться в пропасть, но когда кончится стеклянный туннель?.. Мэллту казалось, что он бежит по бесконечной штольне метро, не светит ни одна лампочка. Как он попал сюда, он не знает, он весь заполнен тревогой. Может быть, это воздушная тревога, он спустился в метро и заблудился в бесконечных туннелях?..

Тогда быстрее, быстрее — будет же где-то станция! Станции не было. И метро не было. Кровь стучала в висках Мэллта, как будто ее проталкивали насосом. Перед глазами шли радужные круги. Раза два Мэллт падал на колени. Что со мной?.. — бормотал он. Вскатывал, опять механически переставлял ноги: скорее бы убежать. Куда, от кого убежать — безразлично. Только бы убежать. Иногда Мэллту казалось, что он бежит целую вечность, его мучила жажда. Небо все так же плоско висело над ним, светилась стена. Мэллт старался не поднимать на нее глаз, но тусклые желтые пятна проходили сквозь веки, сами рождались в глазах. Мэллт останавливался, тер глаза кулаками. Опять стремился вперед, смутно чувствуя, что дороге конца не будет.

Вдруг Мэллт замер: впереди что-то белело. «Лужа! — подумал он. — Можно напиться!..» Кинулся к белому, опустился на корточки. Это был парашют. Сперва Мэллт подумал, что кто-то из летчиков опустился в каньон вместе с ним. Но парашют был белый. У Мигеля и Фернандо — Мэллт отчетливо помнит — парашюты из красного шелка. Это его парашют!.. Каньон оказался круглым. Мэллт готов поклясться, что ни на шаг не отходил от стены. Значит, он сделал круг и вернулся на то же место — каньон представлял собой воронку, вулкан!.. Мэллт пошарил вокруг, руки его ощутили миллионы стекляшек. В горле першило от невыносимой гари. Вулкан — но какой?.. Чудовищная догадка шевельнулась в мозгу: вулкан от взрыва «Пепиты»! Слово вспыхнуло перед ним, как страшное «Мене, текел...» «Пепита!..» Мэллт чувствует, как тысячи невидимых игл впиваются в тело, рвут его, живого, на части. «О-о!..» — застонал он, пугаясь своего хриплого, похожего на рычание голоса, повалился на хрустнувшие стекляшки.

Это был не сон. И не забытье. Страх сковал Мэллта, парализовал руки, ноги, не давая вздохнуть. Чтобы спря-

таться от него, Мэллт до боли сожмурил веки. Но страх не ушел. Проник в грудь Мэллту, схватил за сердце. «Аве Мария...» — Мэллт обратился к святой Марии: «Да святится имя твое!» Молитва казалась ему спасением. От страха, от «Пепиты», от самого себя. «Аве Мария...» — повторял он второй, третий, четвертый раз, пока его не охватило беспамятство.

Когда Мэллт очнулся, небо светлело. Где-то в невероятной выси вставала заря. Тот же пронизывающий жар стоял на дне кратера, испепелял душу и тело. Вместе с Мэллтом проснулся страх и не отпускал его, скользя по рукам и ногам. Только глаза повиновались Мэллту, требовали: смотри! Медленно, словно боясь поскользнуться на крутизне, в кратер спускалось утро. Мэллт видел обожженные скалы, изгрызенные пламенем камни. От звездного жара они оплавилась, покрылись стеклянной корой. Потом, охладившись, корка полопалась, осыпалась вниз бутылочными стекляшками — зелеными, черными, желтыми. Кратер завален ими как шелухой. Днище было округлым, точно арена, и черным, как сажа. Вся мощь «Пепиты» выплеснулась отсюда, разодрала землю, каждую пылинку пронзила лучистой смертью.

— А-а-а!.. — завопил Мэллт, выдохнув из легких отравленный воздух, чтобы вновь с еще большей силой вдохнуть отраву. — А-а-а!.. — бросился на стену, работая руками, ногами, ногтями, — только бы выбраться наверх.

Сержант Бигбери, часовой охранного 132-го поста, был жизнерадостным человеком. Чего бы ему печалиться? Жалованье идет в тройном размере, капитан Харри к нему благоволит, до окончания службы два месяца... Пустыня, правда, сержанту не нравится, атомная дыра в пустыне тоже не нравится. Но дыра далеко. И вообще эти посты — лишнее дело: кто туда сунется?..

Сержант смотрит из-под руки: скоро ли сядет солнце? Сегодня сменщики — ночью дежурят по двое — задерживаются, автомашины не видно. Поставив автомат возле шершавой металлической будки, Бигбери на губной гармонике выводит песню о Миссисипи. Тонкие скрипучие звуки повисят в воздухе и уйдут. С ними уходит время. «Миссисипи» закончена. Бигбери вытягивает из гармоники «Красотку Джен», вспоминает свою Мерилин, от которой вчера получил письмо, и ему становится весело. Даже в этой дрянной пустыне жить можно... Вот и облачко показалось на горизонте — автомашина. Бигбери сует гармонику в нагрудный карман, подтягивается — служба прежде всего, — берет автомат в руки. И тут он слышит, как над пустыней плывет хриплый звериный вой. Бигбери оглядывается по сторонам — может, почудилось? Вой повторяется. Сержант с автоматом в руках бросается на другую сторону будки.

В четверти мили расстояния от него со стороны «дыры», где, по предположению Бигбери, ничего не может быть живого, прямо на пост идет человек. Идет — не то слово. Его качает, как пьяного, валит на четвереньки, он ползет, поднимается и одичалым голосом тянет: «А-а-а!!..» Иногда вой срывается на невнятное бу-бу-бу, а потом опять хрипло и непрерывно: «А-а-а!»

Сержант знает инструкцию: к дыре никого не пускать. На то и посты, чтобы никакой дурак туда не сунулся. Но человек идет не туда, а оттуда... Бигбери растерян: кто может выйти из пекла — дьявол?.. Сержант скидывает оружие:

— Стой!

Пришелец не обращает внимания, с каждым шагом он ближе.

Его лицо страшно, как в дурном сне: круглые птичьи глаза, с расплывшимися зрачками, губы кровоточат, подбородок зарос, как у мертвеца, лохмотья рубахи свисают с плеч... Кажется, он ничего не видит — идет на-

пролом, бежит, словно кто-то беспощадный догоняет его.

— Стой!..— не своим голосом кричит Бигбери.

Незнакомец падает, с минуту лежит ничком... К посту подходит машина. Рядом с Бигбери появляются капитан и двое солдат:

— Что такое, в чем дело?

В это время пришелец, поднявшись с земли и потеряв ориентировку, начинает кружиться на месте.

— Боже!..— восклицает капитан.— Это же мистер Мэллт!

Капитан в курсе событий: ночью в ста милях отсюда упал самолет. Пилоты Мигель и Фернандо спаслись. Они заявили, что с ними был пассажир, который выпрыгнул раньше. Они старались спасти машину, но самолет потерял управление и как скользил на крыле, так и врезался в землю.

— Мистер Мэллт!..

Это был действительно Мэллт. Он кружился на месте, выбирая, в какую сторону ринуться, и хохотал, заламывая вверх руки. Внезапно он оборвал хохот и затянул:

Как по маслу обошлось,
Все отлично взорвалось!..

У солдат холодом обдало спины.

Мэллт наконец заметил людей.

— Бегите! — закричал он.— Еще одна бомба — и вы превратитесь в стекляшки! Будете хрустеть под ногами...

Несколько раз ударил каблуком в землю, поднял облако пыли:

Са ира́, са ира́!..—

хохотал он, топая и кружась: — Еще бомба — и планета вверх тормашками!..— Он вскинул руки над головой, разорванный рукав затрепетал на ветру, как знамя.— К черту! К черту!..— кричал Мэллт.— Ха-ха-ха-ха!..

Бигбери поднял автомат и нажал спуск, чтобы заглушить сумасшедший хохот. Очередь пророкотала как гром. Хохот смолк. Мэллт на секунду очнулся, повертел головой из стороны в сторону, словно расслаблял туго затянутый галстук.

— Люди! — двинулся он к солдатам.

Люди дрогнули, как под ветром, отступили назад.

— Люди! — повторил Мэллт, протянул руки.

Солнце стояло над горизонтом, было тревожным и красным. Его лучи упирались в лицо идущему, кровавили ему губы. Мэллт был похож на вурдалака, возвращавшегося с могильного пира. Глаза его излучали смерть. «Люди!..» — повторял он, твердил, словно в его мозгу крутилась пластинка с одним-единственным словом: люди!..

Это было невыносимо до тошноты, до дрожи в ногах. Капитан Харри, сержант Бигбери, сменные, приехавшие на пост, повернулись и побежали к машине.

Мэллт споткнулся, упал на колени, протянул руки к солдатам, прыгавшим с разбега в машину.

— Гони! — крикнул шоферу капитан Харри.

Стартер завизжал, автомобиль пыхнул дымом.

— Люди! — кричал Мэллт, потрясая руками. — Люди!..

Машина полным ходом мчалась через пустыню прочь.

ГАЛИ

«Это не было сном...»

Написав фразу, Гордеев откладывает перо: нужно ли писать дальше? У него лаборатория, план: «Скрытая деятельность подкорковой области мозга». В этом аспекте ведутся опыты. Есть результаты. Есть по результатам почти готовый доклад. Через месяц Гордеев выступит с докладом перед Ученым Советом.

И вдруг.

«Не было сном...» Может быть, зачеркнуть написанное? Нет, не надо — Гордеев останавливает себя. Не надо спешить.

Гордеев один в лаборатории. Сотрудники ушли, рабочее время кончилось. В окнах васильковое вечернее небо. Когда лампы вспыхивают под потолком, а снаружи мартовский вечер, в окнах появляется этот нежный девственный свет. Очень ненадолго — на несколько мимолетных минут.

«Экссесс в науке — ничто, — думает Гордеев, наблюдая, как в окнах гаснет голубизна. — Нужно подтверждение истины. Или ее отрицание. Третьего в исследовательской работе нет».

Откуда же — вдруг?..

Опыты подробно фиксируются, Гордеев перелистывает лабораторный журнал. Последний опыт — двадцать второй. Не последний, будут еще. Глаза привыч-

но перебегают по строчкам. Все здесь знакомо, заучено наизусть. И все-таки надо перечитать еще. Гордеев закрывает журнал и кладет в портфель. Перечитает дома.

За порогом Гордеева встретил долгий сибирский вечер. По горизонту синь, расколотая первыми звездами. Синь просвечивает в вершинах сосен — институт и город в лесу.

До квартиры недалеко. Но домой Гордееву не хочется. Он идет по тротуару и продолжает думать о двадцать втором опыте. С него все началось. И с оплошности, которую допустил Гордеев, — забыл проветрить вытяжной шкаф. В шкафу оказались остатки нитроцезина. Гордеев надышался его испарениями.

Оплошность с вытяжным шкафом случилась впервые. При воспоминании об этом пожилому ученому становится неловко, хотя сейчас он один на один с собой.

Нитроцезин мог остаться в шкафу от предыдущего опыта. Но почему шкаф не был проветрен тогда?..

Гордеев сворачивает с тротуара в лес, на тропинку, протоптанную его молодыми сотрудниками. Тропинка ведет на поляну, в полуста шагах от улицы. Гордеев знает поляну: здесь после работы встречаются парни и девушки, лаборанты Гордеева, говорят о любви. Ученому хочется, чтобы сейчас на поляне никого не было. Точно, никого нет. Гордеев становится под сосной, слушает затихающий ввечеру шум города.

Нитроцезин — яд. В малых дозах — сильнейшее возбуждающее. Действует на подкорку мозга. Незаменим в опытах над обезьянами, кроликами. Подобно всем возбуждающим, он имеет порог, за которым превращается в противоположность. Как змеинный яд в лечебное средство. Задача лаборатории — найти этот порог, выделить из нитроцезина лекарство. Против наркомании. Так что значение нитроцезина двойное: возбуждающее и — потенциально — лекарственный препарат.

Доступ к нитроцезину имеют, кроме Гордеева, двое — старшие лаборанты. Аккуратные парни. Но дело сейчас

не в этом. После опыта, когда Гордеев надышался парами нитроцезина, он почувствовал себя плохо. Придя домой, он не стал ужинать и, сославшись на нездоровье, прилег на тахту в своем кабинете.

Все это Гордеев помнит подробно. Принял валидол — в сердце покалывало: месяцем раньше Гордеев перенес инфаркт. Поправил подушку, чтобы голове не было высоко, выключил торшер и закрыл глаза. Тотчас все исчезло, все изменилось. И Гордеев сам изменился. Шел по широкому двору к школе. Хорошо знал двор, школу, четыре ступени, по которым поднимется на крыльцо. Гордеев сейчас не был Гордеевым — был учителем Карпом Ивановичем, шел на занятия в школу. Одновременно — как это совмещалось в памяти? — Гордеев знал школу другой: полуразрушенной, сожженной во время гражданской войны. И двор знал другим, заросшим лебедой и крапивой, — не раз играл здесь с мальчишками. Но все это не мешало одно другому! помнить школу полуразрушенной и видеть ее сейчас, когда Гордеев, он же Карп Иванович, идет на занятия.

Ребятишки, стоящие на ступеньках, сдернули шапки, кричат ему: «Здравствуйте, Карп Иванович!» Гордеев отвечает им, входит в здание. Здесь коридор, с большими выходящими во двор окнами, двери в классные помещения, дверей — три. Карп Иванович знает, где какой класс, хотя Гордеев не знал, когда мальчуганом лазил по развалинам школы, вместо дверей видел провалы, а вместо потолка — небо над головой. Но в этот момент Гордеев был Карпом Ивановичем, ребятишки называли его по имени-отчеству, а он знал каждого из ребят в лицо. И еще знал, что до звонка десять минут и что дома осталась стопка тетрадей, сходить за ними нет времени. Но можно послать кого-нибудь из ребят.

— Миронов! — окликает Карп Иванович. — Петя!

— Я! — Шустрый мальчонка кидается опрометью к учителю.

— Сбегай ко мне,— говорит ему Карп Иванович,— принеси тетради по арифметике.

Мальчонка от внимания и старания таращит глаза, и они у него разные — карий и серый.

— Мигом! — отпускает его Карп Иванович.

А Гордеев знает, что мальчик Миронов Петр станет на селе чуть ли не первым комсомольцем, повяжет на шею Гордееву пионерский галстук — тогда Гордееву будет девять лет, и он будет удивляться глазам Миронова, карему и серому.

А сейчас Карп Иванович миновал коридор, взялся за ручку двери учительской комнаты. Ручка металлическая, холодная, дубовая дверь подалась с трудом.

На этом мгновении Гордеев проснулся.

Карп Иванович — прадед Гордеева. В жизни Гордеев его не помнит: родился за полгода до смерти Карпа Ивановича. Школа, где прадед работал учителем, сгорела в 1920 году. Разноглазый Петр Миронов старше Гордеева лет на десять. И действительно повязал Гордееву пионерский галстук. Позже Миронов погиб в Великой Отечественной войне. Все это Гордеев знал и сейчас, по пробуждении, перебирал в уме.

Сон, думалось ему. Но какой странный сон — в цвете, в ощущениях. В небывалой раздвоенности самого Гордеева и единстве его с Карпом Ивановичем!..

Гордеев еще чувствовал холод полированной ручки, тяжесть дубовой двери. Это поражало больше всего: то, что с Гордеевым произошло во сне, было в действительности!..

В семье рассказывали о прадеде Карпе Ивановиче, казаке, учителе трехклассной приходской школы. В свое время Карп Иванович участвовал в турецкой войне, мерз на Шипке в снегах. И прадеды Карпа Ивановича были казаками, бежавшими после отмены Юрьева дня на Дон, когда южные степи назывались еще Диким Полем. Воевали с татарами, с царской службой, вылавливавшей беглых крестьян, пахали землю. Гордеев тоже

казак. Но сейчас другое время, другая жизнь: Гордеев пятьдесят лет как в Сибири, академик и совсем редко наезжает на Дон, в родные места.

Но вот — привиделось.

Так думал Гордеев сначала, когда его посетил первый сон.

Небо погасло, рассыпалось звездами. Совсем как в тайге... Гордеев стоит под заснеженными соснами.

Потом он идет назад, приглядываясь к тропинке, — в лесу темно. Почти сталкивается с парой, идущей навстречу.

— Максим Максимович, вы?..

— Ах! — слышится второй голос.

Гордеев узнает Юреньева, лаборанта, и Лизу, своих сотрудников.

— Думаем — кто это? — Юреньев останавливается.

— А вечер-то, вечер!.. — щебечет Лиза.

В лесу уже не вечер — ночь.

— Проходите. — Гордеев уступает тропинку.

Выходит на тротуар. До дома три квартала. И пока идет, Гордеев вспоминает, что было дальше.

Был второй сон — в ту же ночь, что и первый, под утро.

Улица. Широкая, бесконечная под ослепительным небом. Толпа: мужчины, женщины, дети. В середине толпы верховые, с пиками, с шашками наголо, телега, запряженная двумя парами лошадей.

— Везут! Везут!

Из дворов, из мазанок по сторонам улицы выглядывают старики, старухи:

— Везут!..

Гордеев, он же одновременно Федька Бич, в толпе вместе с ребяташками-сверстниками, с казаками, и желание у него одно: взглянуть на человека в телеге. Из толпы слышится:

- Степан, батюшка наш!
- Тимофеевич!..
- Ну, ну! — Конвой тесен, грозитя плетками.
- Степан Тимофеевич! — Толпа напирает.

А у Гордеева — подростка Федьки — одно желание: хоть глазом взглянуть на человека в телеге.

- Кормилец наш!..
- Сторонись! Сторонись! — Казаки на лошадях прут на толпу.
- Вороги! — несется им в лица. — Погодите ужю!..
- Кто там? — Хорунжий впереди круто поворачивает коня.

— Степан Тимофеевич! — взрывается над толпой.

Казаки взмахивают шашками, люди шарахаются в стороны. И тут Федька на мгновение видит человека, распластанного в повозке: руки привязаны к брусам по сторонам, ноги к нижним доскам. Но его лицо!.. Изуродованное, синее от побоев, рот — кровавая рана! И только глаза — зоркие орлиные очи — оглядывают толпу, конвой. Им не больно, глазам, хотя тело — сплошной ушиб. Они ободряют людей, зовут. На миг встречаются с Федькиными глазами. И — чудо: конвой, разгоняя людей, расступился, Федька остается один на один с этим горячим взглядом. Бросается к телеге, вцепляется рукой в деревянный брус.

— Степан Тимофеевич! — Бежит рядом с телегой.

Глаза атамана темнеют, приближаются к глазам Федьки — голова поднимается с окровавленных досок. Губы шевельнулись:

— Живи!..

Удар плетью ложится на спину Федьки, разрывает рубаху. Другой конвойный за шиворот отдирает Федьку от телеги, швыряет в толпу.

Гордеев просыпается весь в поту.

Федька Бич! Это же Федор Бичев, прашур Карпа Ивановича! На Дону есть и хутор Бичев. Может быть, Федор основатель хутора?.. Так и идет линия: Федор

Бичев, Карп Иванович. Бабка Гордеева урожденная Бичева, мать из той же семьи. И только он, Максим Максимович,— Гордеев по отцу.

Второй сон ошеломил ученого еще больше, чем первый. Яркостью картины, правдивостью бытия. Гордеев твердо верил: все это было. И сейчас верит. Было с ним и ни с кем другим!..

В то же время Гордеев ищет причину снов. Сопоставляет события, факты: непроветренный шкаф, лаборатория, разговоры сотрудников. Свой разговор с Константином Юреньевым.

Двадцать первый опыт в лаборатории проводил Константин. Работал с вытяжным шкафом. Все это отражено в лабораторном журнале. Пользовался нитроцезином. Но почему об этом в журнале ни слова?..

Когда Гордеев вызвал Константина к себе, тот казался смущенным.

— Вы мне не доверяете? — спросил он Максима Максимовича, едва шеф заговорил о вытяжном шкафе.

Вопрос был нелеп. Секунду Гордеев смотрел на лаборанта. Лицо Юреньева покрывалось красными пятнами:

— Максим Максимович!..

— Ну что вы, голубчик,— начал успокаивать его Гордеев.— О недоверии нет и речи!

У Юреньева отлегло. Но упрямая складка между бровей говорила, что лаборант не успокоился, и Гордеев, искренне жалея сотрудника, прекратил разговор.

В конце работы, однако, Юреньев сам подошел к нему:

— Я что-нибудь сделал не так, Максим Максимович?

— Надо проветривать вытяжной шкаф,— сделал ему замечание Гордеев.

Кажется, Юреньев ожидал чего-то другого. Но ничего другого Гордеев ему не сказал. О нитроцезине не сказал тоже.

— Простите меня, Максим Максимович. Я вас понял,— извинился Юреньев.

Таковы сны. А может, не сны? Может, реакция организма на перенесенный инфаркт? Бред, который пришел и пройдет бесследно?.. Гордеев отрывается от воспоминаний, сворачивает с тротуара и, усталый, идет к своему крыльцу.

Дома жена, Екатерина Игнатьевна, и двенадцатилетний сын Геннадий смотрят телевизор и на возвращение отца не обращают внимания.

— Катя,— говорит Максим Максимович,— я отдохну в кабинете.

Жена, не отрывая глаз от экрана, отвечает:

— Чай будет через полчаса.

В кабинете Гордеев вынимает из портфеля лабораторный журнал, кладет на стол.

Но сам он к столу не садится, ходит по комнате из угла в угол. Что-то его беспокоит.

Не сны, которые он только что вспоминал. Не записи о двадцать втором опыте. Беспокоит что-то неоформившееся, неосознанное. О неоконченном докладе Совету? Нет. О Юреневе?

Гордеев замедляет шаги, останавливается посреди комнаты. В голову лезут обрывки фраз, впечатлений. Нет — не о Юреневе. И все-таки... ищет, нащупывает Гордеев мысль,— неосознанное относится к лаборатории и к работе.

Подходит к креслу, садится. «А вечер-то, вечер!..» Это сказала Лиза на тропинке в лесу. «Максим Максимович, вы?» — Юренев, тоже в лесу. Гордеев окончательно теряет появившуюся в голове мысль.

Зажечь свет? Гордеев не зажигает. В темноте легче сосредоточиться. Тускло светит окно, выходящее в парк, в лес. Гордеев не отрываясь смотрит в синеву ночи.

— Максим Максимович!..

Это Юреньев — в лаборатории. Гордеев тогда преврал его на полуфразе.

Что хотел сказать лаборант?..

— Макс,— в двери Екатерина Игнатьевна. Щелкает выключателем.— Чай готов.

— Спасибо.— Гордеев поднимается с кресла, подходит к столу, где на подносе дымится чай.

— Спасибо,— повторяет он, хотя Екатерины Игнатьевны в комнате уже нет: она опять в гостиной у телевизора.

Гордеев выпивает чай, садится наконец за журнал. Все здесь прочитано, вызубрено сто раз. Однако?.. Гордееву вспоминается вязкий приторный запах: нитроцезин!..

Максим Максимович поднимает голову: вот что его беспокоит. Сны и нитроцезин!.. Препарат вызвал необычайные сны! Может, случайность?.. Но, позволь, говорит сам себе Гордеев: не было нитроцезина — не было снов. Появился нитроцезин — появились сны. Вывод?

До вывода еще далеко, но Гордеев чувствует, что нашел правильный путь. А если правильный — надо действовать. С минуту Гордеев сидит, полузакрыв глаза, ищет решение. Двадцать третий опыт он сделает с нитроцезином сам. Рискованно? Да. Но решение принято.

Ложась спать, Гордеев принимает таблетку валидола: в сердце покалывало.

Наутро оказалось, что предстоит срочное совещание в Новосибирске. Когда Гордеев пришел на работу, машина ждала его у подъезда. Ученый подсадовал, что опыт, который он во всех деталях обдумал вчера, откладывается. Лучше было бы проделать опыт на свежую голову. Но время не ждало. Гордеев велел приготовить все для опыта, перечислив под карандаш лаборантам приборы и препараты, которые будут необходимы.

— Четыре грамма нитроцезина,— добавил он в заключение.

Список составлял Юреньев, при упоминании о нитроцезине он вскинул глаза на Максима Максимовича.

— Четыре грамма,— подтвердил тот, поднимаясь с кресла, чтобы идти.

Естественно, лаборанты знали содержание опыта, но никогда до этого шеф не требовал столько нитроцезина: для опыта требовались десятые доли грамма. Зачем столько понадобилось сейчас, вызвало у лаборантов недоумение.

— Максим Максимович,— спросил Юреньев,— кто вам будет помогать — я или Сердечный? — кивнул на товарища, присутствовавшего при составлении списка.

— Ни вы, ни Сердечный,— ответил Гордеев.— Работу буду проводить я сам.

Лаборанты кивнули и, пока Максим Максимович шел к двери, смотрели ему вслед, озадаченные.

— Что это значит? — спросил Сердечный, когда шеф покинул лабораторию.

— Не знаю,— ответил Юреньев.— В последнее время он, кажется, никому не доверяет.

— Нам? — спросил Сердечный.

— Мне-то, во всяком случае! — в сердцах ответил Юреньев.

— Так, та-ак... — протянул Сердечный.— А почему он берется сам?

— Тебе до этого что за дело? — ответил Юреньев, и на этом разговор прекратился.

Однако Юреньев слишком резко, по мнению Сердечного, оборвал разговор. Это могло быть от дурного настроения у товарища; мало ли что — Лиза неделю ходит заревавшая. Может, у них не ладится.

Но Сердечный хорошо знал очередность: двадцать третий опыт должен проводить он. Почему шеф сам берется за это дело?

Совещание в городе было рутинным, и Максим Максимович, примостившись в уголку зала, почти не слушал ораторов. Думал о работе, о предстоящем опыте, о жене. Екатерина Игнатьевна моложе Гордеева на двадцать лет — бывает же такое несчастье... Довольствовалась академическим пайком, зарплатой Максима Максимовича, поездками на курорт. Растила сына, безвольное существо, далекое от отца и двигавшееся по орбите вокруг нее. Реальными заботами о муже у нее была фраза: «Чай будет через полчаса» — и таким же реальным действием, когда она по истечении тридцати минут приносила в кабинет мужа стакан горячего, но скверно заваренного кипятку. Завтракал, обедал Максим Максимович в академической столовой вместе с лаборантами и сотрудниками соседних лабораторий. Поэтому, наверно, Максима Максимовича особенно не тянуло домой, в уют, который он тоже особенно не ценил.

Потому и с этого совещания, хотя уже был конец дня, Гордеев поехал прямо в лабораторию.

Здесь все было готово: реактивы, посуда, журнал для записей, в закрытой пробирке — нитроцезин, щепоть желтых полупрозрачных кристаллов.

Работа Максиму Максимовичу предстояла привычная. Цель опытов была в получении радикала, капли жидкости, сконденсированной в пробирке. Поскольку компоненты и дозировка веществ менялись, радикал по концентрации никогда постоянным не был. Тут же анализировался на присутствие в нем вещества, которое должно было стать основой лечебного препарата — анаркотина, как его уже называли в лаборатории. Если этого вещества оказывалось на миллиграмм больше, чем в предыдущем опыте, работа считалась удачной. Если меньше — очередной опыт проводили с иной дозировкой исходных веществ. Проводили работу поочередно: опыт Юреньева был предыдущим по отношению к опыту Максима Максимовича. Опыт Сердечного — последующим.

Работа обычная, и сейчас Максим Максимович делает ее механически.

Проходит час, полтора. Заветная капля жидкости получена. Анализ показывает: радикал есть. Но в таком мизерном количестве, что им можно без сожаления пренебречь.

Но сегодня Гордеев работает не для конечного результата. Когда опыт закончен и горелка в вытяжном шкафу еще горяча, Максим Максимович бросает на раскаленный металл щепотку желтых кристаллов и закрывает клапан в потолке вытяжного шкафа. Дверцы, наоборот, он оставляет открытыми и через минуту ощущает приторный запах нитроцезина. Некоторое время сидит неподвижно и, только убедившись, что порошок испарился, кладет перед собой лабораторный журнал, описывает проделанный опыт. Он еще не уверен, опишет или не опишет нехитрую манипуляцию с нитроцезином. В конце концов то, что он делает, незаконно. Подвергать себя опыту с опасным веществом непозволительно, размышляет Максим Максимович.

И еще он размышляет над моральным правом ученого распоряжаться собой. Примеров в науке Гордеев знает сколько угодно: профессор В. А. Штоль в Цюрихе исследовал на себе препарат LSD, американский врач Смит ввел в кровь яд кураре; Григорий Минх, Илья Ильич Мечников привили себе возвратный тиф... Иногда опыты оканчивались удачно, иногда трагически. Есть риск и здесь, в опыте с нитроцезином. Но ведь в прошлый раз с ним, с Гордеевым, ничего плохого не случилось. Сердце? — вспоминает он, так оно болело у него раньше, болит сейчас. Обычная болезнь, успокаивает себя ученый. Нитроцезин здесь ни при чем. Сны — это другое дело. Надо понять, откуда они. Виновен ли в их появлении нитроцезин. Если причина в нем, — открывается новая область исследований. Какой ученый устоит перед обещающей перспективой? Даже, если рискованно и он драгоценный для страны академик? Даже, если у акаде-

мика больное сердце?.. И еще раз, в конце концов — на опыт он идет добровольно!

За этими размышлениями, не замечая того, Максим Максимович склоняет голову на стол, на скрещенные руки, уходит в забытие.

Очнулся он от множества голосов:

— Хула! Хула! — слышалось рядом. И вдали повторялось: — Хула!

Секунду он еще боролся со сном, но вблизи, прямо в ухо ему крикнули:

— Гали!

Это было его имя, и он вскочил на ноги.

Перед ним горел синий просвет — выход из пещеры. Туда бежали люди и, на мгновенье высветившись на солнце, пропадали в сиянье дня.

— Хула! — кричали уже снаружи.

Гали, он же Гордеев, понял, о чем кричат, и ринулся из пещеры.

Солнце на миг ослепило его, он прикрыл глаза рукой, а когда отдернул руку, увидел долину, зелень трав и кустов и в начале долины, там, где сходятся крутые холмы, увидел стадо мамонтов.

Он тоже закричал: «Хула!» — метнулся назад в пещеру, откуда выбегали мужчины с топорами в руках, нашарил у стены, под шкурой, на которой он спал, топор и опять выбежал из пещеры.

Тут уже началась охота. Старый Хак разделил мужчин на две группы. Одной группе он указал на кусты, поднявшиеся по склонам холмов, мужчины, пригибаясь к земле, побежали в кустарник и мгновенно исчезли в нем. Другую группу мужчин он оставил при себе. Гали попал в эту группу и отлично знал, что происходит и что он вместе с другими будет делать сейчас. Потом Хак крикнул несколько слов женщинам, и те стай-

кой метнулись тоже в кусты, и Гордеев знал, что они посланы набрать веток и хворосту.

Между тем Хак, махнув рукою мужчинам, стоявшим в ожидании возле него, крупным шагом двинулся от пещеры вправо, где долина сужалась и через горловину смыкалась с другой долиной, которая от пещеры была скрыта скалами и по-над горами тянулась дальше.

Мужчины бежали за Хаком, размахивая топорами, но уже не кричали, на это была подана команда старым вождем — охотничьей операции в этой части долины должна была сопутствовать тишина.

Охотники обогнули скалу и, занимая места цепочкой, перекрыли горловину живым кордоном. Гали оказался в середине цепочки, и тут его остановил Хак:

— Ур!

Это значило: стань, тут твое место. И это означало другое, и Гали подчинился властному окрику и понял, что ему надо делать.

Он врубился топором в почву и стал долбить небольшую траншею — шага четыре в длину. При этом он долбил не просто, чтобы сделать канаву, — цель у него была другая: сделать канаву так, чтобы одна ее сторона была пологой, а другая подсекалась под дерн, образуя козырек над выдолбленным проемом.

Тем временем женщины выскочили из кустарника с охапками веток и понесли их по цепочке мужчинам, которые нетерпеливо ожидали сушняк, переминались с ноги на ногу.

Гали глядел, чтобы ему попались самые крупные ветки со смолистой сухой хвоей и знал, для чего это нужно. Кроме того, он видел, что ближайшие охотники от него по левую и по правую руку стояли на большем расстоянии, чем дальше по обе стороны цепочки; там они стояли почти рядом друг с другом, и почему это так, Гали понимал тоже. Старый Хак торопил женщин, и кучки хвороста перед охотниками росли на глазах.

Гали выдолбил топором канаву, удовлетворился ко-

зырьком, который нависал на одной ее стороне, начал закладывать под козырек хворост и ветки.

Долина вся была перед ним, и стадо мамонтов — их было восемь или девять, за работой тут считать было некогда, — паслось по брюхо в траве; это опять удовлетворило Гали: животные опасности не чуяли.

Но вот женщины вернулись в пещеру и вынесли оттуда огонь. Побежали вдоль ряда охотников, каждому бросили горящую ветку.

— Гары! — крикнул Хак.

Охотники, каждый под своей кучей хвороста, кинулись раздувать огонь. Гали тоже стал раздувать огонь в канаве под козырьком.

Как только показались дымки, в противоположном конце долины, за спинами пасущихся животных послышались крики. Это охотники из первой группы, пробравшиеся кустарником в обход, спугнули животных и направили их на линию разгоравшихся костров.

Все это так и должно было быть, Гали одобрил действия соплеменников. И сам он знал, какую роль должен сыграть в охоте. Он лег на землю плашмя и, подтянув ветки под козырек из дерна, яростно дул в огонь. Пламя в маленьком подземелье разгоралось с трудом. Но это так и надо было, — краем глаза он наблюдал за животными.

Стадо на минуту остановилось, смешалось и двинулось к горловине. Его пугал крик охотников позади, и оно двинулось туда, где криков не слышалось. Подслеповатые звери еще не видели пламени, в ярком солнце оно почти не было заметным; и стадо, ускоряя шаг — вот уже бегом, — направилось к горловине.

Гали, напрягая легкие, яростно дул под козырек. Пламя постепенно разгоралось, но не вырывалось наружу, только дымок вился над канавой.

Между тем костры по цепочке по правую и по левую руку Гали пылали в полную силу, а стадо мчалось уже в галоп. Но вот животные заметили огонь, опять смеша-

лись, но остановиться уже не могли. И тут начала действовать ловушка, которую им приготовил Хак.

Животные не побежали на огонь — двинулись в разрыв между кострами, где над землей стоял синий туман.

— Гары! — закричал Хак лежавшему на земле Гали. Тот дул под козырек изо всех сил.

— Га-ары!.. — завопил Хак.

Ветки в канаве наконец вспыхнули, и Гали увидел, что стадо мчится на него. Впереди тряся огромной горой вожак, клыки его процеживались сквозь высокую траву, хобот поднят, пасть открыта, мутная слюна тянулась из нее — бег утомил животное. Но Гали было не до этого. Цель! — думал он, и когда мамонт был от него в пяти, в четырех шагах, Гали выхватил из канавы самую большую горящую ветку, прыгнул наперерез вожаку и метнул кусок пламени животному в пасть.

Гигант точно наткнулся на стену, встал на дыбы и, взмахнув в небе громадным хоботом, как подкошенный рухнул на землю.

Гали схватил топор и первым перерубил ему сухожилие на задней ноге. Другие охотники рубили сухожилия на остальных трех ногах. Стадо повернуло назад и помчалось навстречу орущим загонщикам.

Проснулся Гордеев все в том же положении — со склоненной на руки головой. В лаборатории было темно — за окном ночь.

Подняв голову, Гордеев несколько минут был в том далеком первобытном мире, который еще не ушел из его сознания. Видел гиганта-зверя, рухнувшего на землю, охотников, кровь, хлеставшую из разрубленных сухожилий. Слышал одобрителный крик Хака: «Ай-я! Ай-я!» — и, когда, оторвавшись наконец от стола, вздохнул, ощутил, кажется, запах дыма, травы.

Но нет, он был в лаборатории, в своем кресле. Протя-

нул руку к выключателю, зажег свет. Вытяжной шкаф оставался открытым, журнал для записей тоже: «Опыт двадцать третий». Гордеев захлопнул шкаф и закрыл журнал. Поднялся с кресла.

Как он вышел из института, как шел по улице, он не помнил. Перед глазами то и дело возникала разверстая пасть гиганта-зверя, в которую он швырнул горящую ветвь. Как просто оказалось справиться с мамонтом. Животное рухнуло от охватившего его шока!

Гордеев не удивлялся спокойствию, мужеству Гали, схватившемуся со зверем один на один. Так и должно быть, рассуждал он, не замечая, что так же рассуждал Гали. Сейчас это не поражало ученого так, как оно поразило во сне с Карпом Ивановичем. Эксперимент завершен удачно, подтвердил сделанное открытие. В чем оно? В том, что все прошлое с нами и живет в нас. Карп Иванович, мальчик Федька, далекий Гали — все это линии эволюции и все заложено в подкорковых тайниках мозга. И это значит, что перед человечеством открывается его прошлое!

Вернувшись домой и отказавшись от ужина: «Макс, чаю?» — Гордеев закрылся в кабинете, сел за стол и писал до утра. Исписанные листы складывал в папку, лежавшую тут же, в открытой столешнице.

Гордеев торопился, как охотник, напавший на свежий след. Если бы в эти часы кто-нибудь заглянул через его плечо, он увидел бы, что речь идет не только о нитроцезине. Ряды длинных формул по органической химии, по синтезу новых веществ тянулись в рукописи на целые строки, выстраивались в колонки. Но ученому этого было мало. Гордеев снимал с полок справочники по фармакологии, физиологии, излагал на листках математические выкладки и опять возвращался к химии. Десятки символов, радикалов следовали в его формулах один за другим, и — парадоксально! — немало места здесь отводилось металлам: калию, бериллию, цезию. Казалось, какое это имеет отношение к физиологии? Но

все в формулах было связано взаимно, зависело одно от другого.

Два раза ученый сменил стерженьки в автоматической ручке, складывал и ровнял исписанные листы. Утром он почувствовал слабость, но продолжал писать, пока не закончил работы и не завязал папку тесемками. Опять отказался от чаю и, чтобы развлечься, походил по комнате. Недолго однако, опять сел за стол, положил перед собой список работников лаборатории, несколько раз просмотрел его, подчеркнул одно из имен, повторив при этом вполголоса: «Конечно, конечно!..» Список с подчеркнутым именем тоже положил в папку,— для этого снова пришлось ее развязывать и завязывать. Кто-то позвонил ему, но Гордеев снял трубку и положил ее подальше от аппарата. Снова взялся за справочники по физиологии, химии.

К обеду почувствовал себя плохо, в три часа пополудни Екатерина Игнатьевна вызвала «скорую помощь».

— Второй инфаркт,— сказал врач. И уже в коридоре, куда, не отставая ни на шаг, проводила его Екатерина Игнатьевна, обронил на ее вопросы: — Третьего он не переживет.

В больнице Максим Максимович лежал, вытянув руки поверх одеяла, тяжело дышал и почти не открывал глаз. Врачи после каждого обхода, беззвучно прикрывая в палату дверь, качали головами, и это свидетельствовало о том, что Гордееву плохо.

На четвертый день, однако, пришло улучшение, и Максим Максимович попросил вызвать к нему Юрьеву.

— Нельзя,— пытались отговорить его врачи, но Гордеев настаивал:

— Надо.

Юрьева вызвали.

— Поезжайте ко мне, голубчик,— сказал ему Гордеев,— возьмите в выдвижном ящике стола папку. Она там одна. Привезите.

Юреньев привез папку, передал ученому в руки. Тот указал ему на табуретку рядом с кроватью, и, когда Юреньев сел, Максим Максимович сказал:

— Простите меня за тот разговор в лаборатории. Я был грубоват с вами.

— Максим Максимович!..

— Вот, вот,— поддержал его Гордеев,— вы мне хотели что-то сказать.

— Хотел,— ответил Юреньев.

— Говорите сейчас.

— Вам не тяжело будет слушать? — осторожно спросил Юреньев.

— Мне уже ничто не тяжело,— ответил Гордеев.

Разговор у них продолжался час сорок минут. И был таким же удивительным, как все, что случилось с Гордеевым за последнее время.

— Я злоупотребил нитроцезином,— признался Юреньев.— Это безнравственно, понимаю, но все началось случайно: обронил несколько кристаллов в огонь...— «Так и должно было быть»,— говорили глаза Гордеева, и Юреньев с неловкостью школьника отвел взгляд в сторону. Максим Максимович молчал, ждал продолжения.— Было это в тринадцатом опыте,— вернулся к рассказу Юреньев,— и сразу начались галлюцинации, я бы сказал — цветные и звуковые сны. То я видел себя мальчишкой, купающимся в реке с ватагой сверстников-сорванцов, мог бы назвать каждого по кличке или по имени, хотя, признаться, давно всех забыл. Видел себя танкистом в бою на Волоколамском шоссе. Но это был не я — мой отец. И в то же время отец был я. Видел Москву при Дмитрие Донском, строил Кремль, и Кремль был белый — из белого камня.

— Это меня заинтересовало,— продолжал Юреньев.— Я повторил проделку с нитроцезином в двух последующих опытах. Галлюцинации повторились. Меня потянуло к нитроцезину. И это меня испугало: не становлюсь ли я наркоманом? Лиза обеспокоилась, плачет... Но

когда я попробовал вдыхать нитроцезин дома, над газовой плитой, галлюцинации прекратились. При ближайшем опыте в нашем вытяжном шкафу они пришли вновь. В чем дело, подумал я. Провел опыт в соседней лаборатории, у Григорьева, — галлюцинации не появились.

Гордеев был крайне заинтересован рассказом Юреньева, даже выражал нетерпение.

— Возвратился к нашему шкафу, — продолжал Юреньев, — галлюцинации пришли вновь.

— Да, — кивнул головой Гордеев.

— И тогда я пришел к мысли, — сказал Юреньев, — что нитроцезин в опытах — не главное.

— Совершенно правильно, — подтвердил Максим Максимович.

Минуту он лежал с закрытыми глазами. Потом спросил:

— Что же, по-вашему, главное?

— Компоненты, которые сопутствуют нитроцезину.

— Уточните.

— Калий, хлор, — начал перечислять Юреньев. — Цезий...

Гордеев кивал на каждое слово, и когда Юреньев остановился, сказал:

— В определенных пропорциях.

— Вопрос... — начал было Юреньев.

— Именно — вопрос, — закончил его мысль Гордеев. — В каких пропорциях. И еще в том, что нитроцезин — лишь катализатор.

На какое-то время они замолчали. Затем Гордеев взял папку, лежавшую в головах, рядом с подушкой, и сказал:

— Константин Петрович, я ухожу. — Юреньев содрогнулся от этих слов. Гордеев заметил: — Не надо. Мы все не вечны. — Тут же добавил: — Вечны наши дела.

На мгновение в палате повисла тишина. Юреньеву казалось, что он слышит биение своего сердца и биение

сердца Гордеева, которое отсчитывает последние удары. Так умирают великие, подумал Юреньев. Но ему не хотелось верить в кончину Максима Максимовича, в то, что через день, через два он уже не увидит Гордеева, не услышит его голоса. Это было страшно, и Юреньев ощутил внутренний холод. «Что делать? Что делать?..— вертелось у него в голове.— Крикнуть врачам?»

Но Гордеев еще не сказал всего.

— В этой папке,— он продолжал держать папку в руках,— мое завещание. Я догадывался,— при этих словах Гордеев хотел улыбнуться, но улыбки не получилось, только кожа побелела вокруг его губ.— Догадывался... о ваших опытах. И о ваших снах. Потому что все это произошло со мной. И не могло не произойти с вами...

Максим Максимович на секунду умолк, и было непонятно, намеренная эта пауза или от боли в сердце. Но Гордеев справился с собой, протянул папку Юреньеву:

— Работы здесь много. Но она теоретически обоснована. Здесь перспективы, формулы. Вы молоды, вы доведете все до конца. Это надо обязательно сделать.

Юреньев взял папку, сказал:

— Спасибо.

В дверь уже несколько раз пытались войти, но Гордеев жестом останавливал врачей и отправлял назад.

Юреньев перекладывал папку из руки в руку и повторял:

— Спасибо, Максим Максимович.

Они говорили еще, еще, и теперь все время в их разговоре мелькали названия химических элементов и радикалов.

Ушел Юреньев, когда Гордеев сам отослал его.

— Успеха,— сказал он, и это было его последним словом.

В ночь ему стало хуже. Кружилась голова, накатывали волны беспамятства. Врачи суетились над ним, ставили капельницу, вводили камфору, но Гордеев не открывал глаз. Он был в пещере, ходил по ней, садился к костру, ел мясо, зажаренное на углях. Рядом с ним сидели и ели мясо люди, которых он называл по именам — Аху, Клак. После еды он пошел в угол пещеры и лег на шкуру медведя — ики, — он знал название зверя. Почувствовал, как у него звенит и кружится в голове. На миг перед глазами прояснилось, он повернул голову, увидел вход в пещеру, клочок неба. Ему захотелось туда, в долину, на зеленый ковер, где пасутся могучие клыкастые хула. Захотелось увидеть солнце.

Но пришел мрак.

НЕССИ

— Знаете, чем это кончилось?

На площадке маленькой пересадочной станции шла обычная жизнь: приходили пассажиры, брали билеты, динамик оповещал об очередных рейсах. Те, кому было рано, ждали, говорили об автобусах и поездках. Вокруг газона играли дети. Мы со случайным пассажиром тоже говорили об автобусах — наши опаздывали. Вдруг собеседник резко переменял разговор:

— Хотите, расскажу все, как было?

Рядом с ним на скамье лежал акваланг и плетеная проволочная корзина, сквозь ячей которой можно было рассмотреть электрический фонарь, мотки капронового шнура, тушенку, хлеб. Что он хотел рассказать — дорожную историю, автобиографию? Мне надо было на Блэк-он-Форд — местечко в глубине Грампианских гор, — к профессору Берну, шекспироведу. Судя по переписке, у него что-то новое о Шекспире, и я воспользовался командировкой, чтобы навестить Берна и попутно взглянуть на Шотландию. Может быть, собеседник хочет рассказать о Шотландии?

— Расскажу, — повторил он. — Хотя по этому поводу неохотно развязываешь язык. Не очень-то приятно, когда наперед знаешь, что тебя назовут лгуном.

Потянулся за сигаретой, вынул ее из пачки, наполовину видневшейся из нагрудного кармана, и закурил.

— История, скажу вам,—невероятная. Как все в этом круговороте, связанном с Несси.

На секунду остановился, поглядел, какой эффект вызвало громкое имя. Я повернулся к нему лицом.

— Интригует? — засмеялся он. — Вы из Швеции? Может, из ФРГ?

— Русский,— сказал я. — Из Москвы.

— Все равно,— стряхнул он пепел на землю, себе под ноги,— Несси знают во всех частях света.

Я продолжал смотреть на него.

— Джон Миллтон,— представился он. — Адъюнкт Абердинского университета,— слегка поклонился. — Но историю с Несси я не выдумал. Я пережил ее.

— Если можно,— сказал я,— чуточку яснее.

— Вы давно в Англии?

— Две недели.

— О макете Несси, который возили по городам, знаете?

— Слышал,— вспомнил я что-то прочитанное в газете.

— Да...— сказал Миллтон. — Сделали каучуковый бурдюк, приладили к нему лапы, голову с длинной шеей, взгромодили на трейлер и возили по городам.

На мгновенье смолк, пожевал губами вроде бы в нерешительности и добавил:

— А Несси-то оказалось две.

— Как... вы сказали? — спросил я.

— Ну, не две — появилась вторая.

— Позвольте...

— Вторая Несси,— повторил Миллтон. — Живая.

— Не может быть! — воскликнул я в искреннем убеждении.

— Может! — заверил Миллтон.

Если это не бред, мелькнуло у меня в голове, то очень плохая шутка.

— Как хотите,— Миллтон угадал мою мысль. — То, что я рассказываю о Несси,— правда. И произошло это

здесь, в Грампианах,— Миллтон кивнул в сторону гор.

Я был обескуражен. Лихорадочно рылся в голове, отыскивая среди вопросов и восклицаний нужное.

— Как же это случилось?— не нашел ничего другого.

— Видите ли,— ответил Миллтон,— по призванию я натуралист. Изучаю фауну северных областей Королевства. Но всю свою сознательную жизнь я сосредоточил на поисках Несси. Нет ни одного озера в Шотландии, которого я не видел бы, не исследовал. Я верил. И я нашел ее, мою Несси!

Сказано это было спокойно, категорично, ни одна морщинка не дрогнула на лице Миллтона. Но что сказано? «Мою Несси!..»

При этом Миллтон не казался мне сумасшедшим. Крутой лоб, серо-голубые глаза, тонкие губы в улыбке. Ничего необычного не было в Миллтоне. Необычным был рассказ, который он продолжал.

— В прошлом месяце я получил известие, что в окрестностях Хиллсборо, в тридцати километрах от Торренса, объявилась пара журавлей-альбиносов. Ни один зоолог не устоит, поверьте, чтобы не взглянуть на этих чудесных птиц. Через несколько дней я уже бродил по болотам Хиллсборо, заручившись комнатой у местного пастора: «Живите сколько хотите!»

Хиллсборо оправдывает свое название — холм среди заболоченной местности. Дорога к местечку отвратительная, битая. А тут начались дожди. Но мне это безразлично, дожди, я увлекся поиском журавлей. Уходил с утра, возвращался вечером, словоохотливый пастор лопался от нетерпения поболтать со мной, но я валился в постель, продолжая думать о журавлях.

Так, наверно, я пропустил бы самое значительное событие в своей жизни.

Как-то после вечернего чая пастор с видом чрезвы-

чайной заинтересованности развернул на столе газету — ему очень хотелось поговорить.

— Что там? — спросил я: надо же быть вежливым, наконец.

— Несси, — ответил пастор, — взгляните-ка!

С фотографии, вскинув голову над толпой, но не приземляя взгляда, смотрела Несси. В поднятой голове, в изогнутой шее чувствовался порыв, динамика, кожа блестела под солнцем, ноздри раздуты — все было как настоящее, хотя тут же показан тягач и трейлер, на котором стоял макет. И еще привлекало, даже потрясало в гибкой шее, в поднятой голове какое-то ожидание, напряженность, как будто животное не смотрело на толпу, не видело ее, а вслушивалось в призыв или само всем своим напряженным телом звало кого-то.

— Ну как? — восторженно спрашивал пастор.

Но я всматривался в строки под фотографией, где сообщалось, что проездом по реке Слайд в Торренс доставлен макет легендарной Несси. Макет выставлен на центральной площади города на два дня — указывались числа июня, — после этого будет увезен в Южный Уэльс.

Газета вчерашняя, как раз я был занят в Хиллсборо поиском журавлей, время ушло, завтра макет увезут из Торренса.

— Как мне выехать в город? — вскочил я из-за стола.

— В город?.. — Пастор недоуменно поглядывал на газету и на меня — ах, как ему хотелось обсудить новость.

За окнами шел дождь, сгущались сумерки.

— Никуда вы не уедете, — ответил пастор. — В деревне одна автомашина, которая не пройдет по дороге в такую слякоть.

— А лошади?

— Ни одной, — решительно ответил пастор.

Но я уже был у вешалки, схватил дождевик и шляпу.

Сходя с крыльца, я заметил на часах время — половина восьмого вечера. Ничего, успокаивал я себя, шесть часов хода, и я буду в Торренсе. К утру буду в Торренсе.

Пришлось, конечно, попыхтеть, но во втором часу пополудни я вошел в город.

Все дороги ведут в Рим, а в наших городах — к центру. Я не сомневался, что выйду на площадь к Несси, увести ее могут только утром.

Сгустилась тьма, улицы были пусты, город вымер в предчувствии грозы и во сне. На западе один за другим мелькали сполохи, вот-вот гроза обрушится на дома, на деревья. Скоро ли площадь?

Площадь открылась при вспышке молнии — тягач, автотрейлер, на площадке силуэт Несси. Нет, нет, — две Несси! Или у меня двоится в глазах? Или я ослеплен молнией? Но при следующей вспышке я различил: две Несси!.. Одна на трейлере, другая возле. И... — боже мой! — эта вторая Несси двигалась!.. Я остановился, протер от вспышки глаза — наваждение?.. С неба мигнуло вновь — несколько вспышек последовало одна за другой, и тут я рассмотрел Несси на трейлере со вскинутой шеей и другую Несси, которая терлась, как это делают лебеди в ласке, о шею первой. Это было скользкое нежное движение, прикосновение живой шеи к макету, были призыв и настойчивость к ответной ласке. Вспышки следовали одна за другой. Я видел, как шея Несси коснулась спины, бока неподвижной громады. Еще, еще, голова подалась к голове, будто заглядывала в глаза: ну, что же ты...

Я стоял, окаменев, а животное терлось о макет, подталкивало — очнись!

Последовало несколько мгновений темноты, а потом опять вспышка — и все та же игра животного с мертвой глыбой. Оба зверя были огромны. Молнии выхватывали их из тьмы, делали, кажется, еще большими. И я ощутил страх. Я был в двадцати ярдах, не дальше, от трей-

лера и от живой Несси, а она все призывно подталкивала макет, и это было страшно, это был обман, которого не понимала настоящая Несси. Мертвый макет она принимала за друга. Почему тот не отвечал?.. Наверно, животное толкнуло сильнее, потому что при следующей вспышке у макета отвалилась шея, а еще при следующей перед животным была грудa хлама. Темнота скрыла, что произошло потом, но я услышал глухой вскрик животного, перешедший в стон боли, недоумения.

Снова вспыхнуло небо, и я увидел, как животное отшатнулось от кучи обломков. В следующую секунду оно отшатнулось от трейлера и, как мне показалось, застыло в растерянности. Потом животное отстранилось от трейлера и побежало прочь. Меня тоже сорвало с места. «Несси!» — крикнул я и кинулся по улице вслед.

— Несси!.. — В темноте слышал перед собою шлепанье лап по лужам, — впечатление такое, что вскачь неслась лошадь-тяжеловоз, — когда же молнии вспарывали небо, видел, как на бегу дергалась шея Несси, поворачивалась в стороны голова и как молнии отражались в глазах чудовища. Зачем я бежал? Я не отдавал себе в этом отчета. Бежал и кричал: «Несси!»

Подходили и уходили автобусы. Негромкий голос бормотал из динамика о приходе машин и отбытии. Моего автобуса не было. Автобуса Миллтона тоже. На площадке, усыпанной желтым песком, бегал мальчик лет четырех-пяти, возил игрушечную машину. Я смотрел на рассказчика и думал, как прижать Миллтона к стенке. Убедительные жесты, искренний тон не убеждали меня. Фантазер, думал я, выдумщик. Ну, погоди! Одна мысль уже зацепилась в моем мозгу: «Доказательства». Потребую от Миллтона доказательств, как только мне надоест слушать.

— Разве не глупо кричать, звать по имени? — продолжал Миллтон. — Несси неслась вприпрыжку, топоча

лапами. Хвост рассекал лужи, так что вода выплескивалась на тротуары.

— Несси!..

Я не спрашивал себя, зачем преследую животное. Может быть, сознавал, что ничего подобного в мире нет и не будет. Я видел живую Несси, не хотел ее упустить. Бежал за ней, пока мы вместе не оказались за городом.

Гроза стихла, наплывали туманы. Подвернулся проселок, мы шли друг за другом, пока не забрезжил рассвет.

Несси завертела головой, зафыркала. Рядом оказалось озерцо, заросшее камышом. Несси повернула к нему, полезла с берега в гущину. Я направился вслед, но, запутавшись в стеблях, остановился. Поднялся во весь рост, пытаюсь заглянуть в камыши. Заросли были высокими, я ничего не увидел. В камышах продолжался шорох, движение. Не сбежит ли Несси?

Некоторое время я прислушивался к сопению, бульканью. Потом движение прекратилось. Достаточно рассвело, и я решил посмотреть, как устроилась Несси. Вода была мне по грудь, и, раздвигая камыши, я двинулся наугад. Ни тревоги, ни опасности я не чувствовал — ничего, кроме ила под ногами и холода. И любопытства. Наивно говорить об этом теперь, но любопытство толкало меня как мальчишку. Сколько я прошел — десять шагов, двадцать? Почти столкнулся — уперся грудью в голову Несси. Увидел глаза. Они были так близко, что я мог прикрыть их ладонями. Но я встал, чуть наклонившись к ним, и смотрел в зрачки. Они были огромные, черные — чернее ночи, и в них жила... трудно выразить словами, надо увидеть, какая усталость жила в этих глазах!

Миллион веков, сонмы ушедших, исчезнувших жизней, катастрофы, ужас небытия смотрели из глаз животного, переливались мне в душу, заставив остановиться сердце. Мгновение я не мог дышать, замер. Может, это было не мгновение — век, но я, наверно, умер бы

перед ужасом этих глаз, если бы в них не было другого — покорности. Животное лежало, зарывшись в ил, вытянув шею. Над водой поднимался горб морщинистой кожи, шея вытянута ко мне. И во всей позе — и в глазах тоже — была такая покорность и такое одиночество и тоска, что чувство страха мгновенно ушло, сменившись жалостью. Я стоял, глядел и, когда наконец осознал значимость встречи, пришел в себя — не посмел нарушить покоя животного. Сомкнул камыши и пошел назад, на берег.

Лег на траву передохнуть, успокоиться. Огромность события не умещалась в мыслях и в чувствах. Вопросы всплывали один за другим, кололи и жгли, будто мне под череп запустили ежа. Откуда Несси? Как оказалась в городе? Как теперь быть, что из этого выйдет? Тише, успокаивал я себя, думай!

Макет по Слайду привезли пароходом. Естественно, его не спрячешь в каюте и даже в трюме. Макет был на палубе, и Несси увидела его. Из реки? Скорее всего, и поплыла за ним. Что ее толкало, инстинкт? Несси вышла на берег, очутилась на площади. Нуждаясь в ласке, стала сама ласкать макет, не понимая, что это игрушка. Пережила ужас, когда игрушка сломалась, кинулась прочь. Тут я увязался за ней, оба оказались за городом, подвернулось случайное озерко. Животное устало или, чувствуя жажду, потянулось к воде. А что дальше, что дальше? Сердце закатывалось у меня от этого вопроса. Сколько опасностей подстерегало животное в нашем мире. Как уберечь Несси, куда увести, спрятать? Разве спрячешь такую громадину?..

Между тем проселок у озерка оживал. В Торренс потянулись телеги с овощами и пешеходы. Я глядел на них и не замечал. В голове вопросов не убавлялось.

— Что поймал? — Кто-то обо мне подумал — рыбак.

Я не ответил, но спросил в свою очередь:

— Хлеб есть?

— Есть.— Прохожий опустил на траву рядом.

— А сигареты?

Тот отсыпал из пачки дюжину сигарет.

Все это молча — я боялся, что голоса потревожат Несси. К счастью, человек оказался неразговорчивым.

— Бывай,— сказал он на прощанье.

К обеду мне удалось уснуть.

Разбудили меня странные звуки: кто-то невдалеке плевался. Слышалось шуршанье, чавканье и плевики. С минуту я слушал, не понимая, где я и что вокруг. Несси! — вскочил. Шлепнул плевок и еще плевок.

Я соскользнул в воду,— по колена, по пояс,— раздвинул тростник. Несси срывала узкие жесткие листья, перетираала их — нижняя челюсть двигалась вправо, влево — и, высосав сок, выплевывала жвачку. Увидя меня, не прекратила занятия — потянулась за листьями. Пожевала и выплюнула.

— А...— сказал я. Камыш не подходил ей к обеду.

Минуту я стоял, раздумывая; как об этом не догадался раньше?

— Пойдем! — сказал я решительно Несси.

И Несси пошла. Сыграло ли тут роль внушение или мой решительный тон? Или Несси поняла, о чем я хотел сказать?

Шли по дороге. Теперь я впереди. У меня был план: до Каледонского канала миль двадцать пять. Канал соединяет озера Лох-Лохи и Лох-Несс. Вот и определился наш путь. В какое другое место я мог увести Несси?

Дорога обогнула озерко, открылся поселок. Надо было остановиться, подумать, как показаться на люди,— но было поздно. Не дальше как в двадцати шагах навстречу шли двое: низенький, толстый, с трубкой в зубах, и другой, повыше, с обвязанной теплым платком щекой.

Сердце у меня обмерло: что-то будет?

— Кого ведешь? — спросил меня толстый, с трубкой, когда мы подошли ближе.

— Несси,— ответил я, пришлось приостановиться.

— Ха!..— сказал толстяк, губы его расплылись в улыбке.

Второй, обвязанный, спросил:

— Еще кто будет?

— Как — кто? — не понял я.

— Кинг-Конг, например,— ответил обвязанный.

— Вы что, не верите? — спросил я.— Живая Несси!

Толстяк вынул изо рта трубку и сказал:

— Каучуковая...

— Мозги у тебя каучуковые,— ответил я.

— Мозги настоящие,— возразил толстяк.— А такие штучки мы уже видели.

— Акулу, например,— подсказал обвязанный.— Гло-тает целые корабли.

— Во-во,— подтвердил толстяк.— Осьминоги космические еще...

Готов поклясться — мужчины не были пьяными. Но от их суждений я растерялся.

— Живая Несси! Не видите?

Толстяк сунул трубку в зубы и вместе с дымом выдохнул:

— Не обманешь — не продашь.

— Пойдем,— обернулся я к Несси.

Прохожие молча смотрели нам вслед. Когда я оглянулся через минуту — продолжали свой прежний путь.

«Однако»...— подумал я. Мне было радостно, что встреча прошла легко. Но меня и задевало — не поверили.

Тут мы вступили в поселок. Несси надо было кормить, и я прикидывал, как это сделать. Вечер был будничный, люди работали на огородах; с противоположного конца улицы — поселок вдоль улицы просматривался весь — входило стадо овец.

Миновав два-три дома, мы остановились у обширного огорода. Старик и двое парней убирали капусту.

— Можно у вас купить капусты? — спросил я через изгородь.

— А это кто? — спросил старик, показывая на Несси.

— Она хочет есть, — ответил я.

— Резиновая?

— Живая!

Старик, вслед за ним парни приблизились к изгороди.

— Сколько потребуешь? — спросил один из парней, облакачиваясь на изгородь.

— Не знаю, почему капуста.

— Да нет, — возразил парень. — За представление.

Меня принимали за балаганщика!..

Старик между тем швырнул на дорогу вилок капусты. Несси выкинула голову на разом утончившейся шее — овощ хрустнул в ее зубах.

— Я же говорил — резиновая, — сказал старик.

Подошли соседи. Смотрели, как Несси хватает вилки, работает челюстями. Комментировали:

— Кибернетика...

— До чего ведь дошли. Как настоящая!

— Настоящая и есть! — попытался я пробить стену недоверия.

На меня даже не глянули.

— Куда у нее девается? — спрашивали.

Сами себе отвечали:

— Соломорезка.

— Сам сделал? — обратился ко мне старик. Одобрил: — Ловкач!..

Другие возражали:

— Провинция. То ли дело Кинг-Конг...

«Грамотей!.. — возмущался я про себя. — Насмотрелись по телевизорам на сверхобезьяну, механическую акулу...»

— В общем, не плохо, — сбалансировали наконец мнение. — Откуда ты? — И меня, похоже, заметили.

— В Торренс привезли на трейлере... — начал я.

— Это мы видели,— возразили мне.

— Вся Британия видела!

Подошли овцы, потянулись к капусте. Несси защелкала зубами и зашипела.

— Звуковой эффект...— заметил парень, швыряя очередной вилочек.

Кто-то повторил, как вначале:

— Кибернетика...

Плату за капусту с меня не взяли.

— Хорошо, хорошо,— отвел деньги старик.— Спасибо за развлечение.

Под собачий лай мы с Несси покинули поселок.

Вообще, собаки надоедали нам больше всего. Да еще мальчишки.

— Эй! — кричали.— Почему у твоего верблюда один горб?..

Мальчишки принимали Несси за живое существо. Собаки в этом не сомневались.

Что касается самой Несси, то более спокойное животное трудно себе представить: шла за мной, поглядывала по сторонам. Изредка шикала на собак — свысока. Кличку поняла сразу. Заботу мою чувствовала, сама ни о чем не беспокоилась — быть бы сытой. Больше: эксплуатировала меня — корми, пои, охраняй,— превратила в пажа при своем вельможном высочестве...

Приходили и уходили автобусы, бормотал динамик над дверью. Миллтон завладел моим сердцем. Но не сумел завладеть умом. В голове, в самой глубине мозга, стучало: «Доказательства?..» Стучало и замирало. Хотелось слушать этого человека.

— В Торренсе,— продолжал рассказ Миллтон,— как я позже узнал из газет, горевали над резиновым бурдюком. «Вандализм!» — решили единодушно, сели и укачали с пустым трейлером. Через какое-то время прошел слух, что Несси видели в сопровождении человека, про-

ходили они фермерским краем, питались капустой. Но, господи, кто же поверит слухам, если на самом озере Лох-Несс сделаны сотни фотографий животного и все эти фотографии признаны ученым синклитом поддельными?.. Вот если бы Королевскому Географическому обществу подали Несси на блюде, с мочеными яблоками, с укропом, да позволили разрезать ножом, посмотреть, что там, внутри,— это был бы научный факт. А так — ни фотографии, ни кинокадры, ни подводная съемка не кажутся убедительными. Куда уж слухам, что человек путешествовал с Несси, питался капустой?.. Никто не хотел верить, чтобы не выставить себя в смешном виде. Мне, с моей удивительной Несси — она и сейчас у меня перед глазами,— изложи я эту историю под присягой, наверняка бы приклеили ярлык клятвоотступника.

Миллтон покрутил головой, давая понять, что ярлык клятвоотступника ему не подходит, и продолжал:

— Мы со зверюгой между тем продолжали путь к северу. На привалах я приучал Несси к себе. Несмотря на громадный рост и устрашающий вид, скотина была добродушной. Когтистые лапы, длинный, до четырех метров, хвост — самые энергичные части ее тела. Корпус, возвышавшийся на ногах, был рыхлым, мягким, с непомерно старой, на взгляд, морщинистой кожей, буро-коричневой на спине, серой на брюхе. Шея... Лебединая шея! Голова, маленькая, продолговатая, достойно венчала шею. Два маленьких выступа по сторонам — зачатки рогов? Пасть неширокая, треугольная. Плезиозавр? Плиозавр?.. Что-то было от этих доисторических. Но и что-то другое — нестрашное. Даже понятное — коровий характер, что ли? Особенно когда ела: схватит там, схватит тут...

Дальше в горы местность была безлюднее, и это было лучше для нас обоих. Несси начала уставать, прихрамывала. Приходилось останавливаться, отдыхать в верещатниках. Лучше и потому, что не было зевак — откровенных глупцов и нахалов. В поселках нас неизмен-

но окружала толпа и — как будто все были заговоренные — принимала Несси за ловко сделанную механическую забаву.

— Дядя,— спрашивали меня,— сколько ты ухлопал на нее денег?

— А можно ей сигаретой в нос?..

Поначалу я обижался, сердился, а потом подобрал палку против любителей тыкать сигаретой в нос: попробуйте!

— Странная вещь — человеческое восприятие мира,— отклонился немного Миллтон.— В городе макет произвел психологический взрыв: люди без ума мчались взглянуть на Несси. В деревне, наоборот, приняли за куклу, за робота. Это меня поначалу злило и возмущало, потом я решил: зачем переубеждать, что Несси живая? Пусть думают что хотят.

К концу третьего дня мы дошли до Чармен-ривер. Несси будто бы ждала большой воды, с наслаждением фыркнула, окунулась. Купалась она и раньше в озерах, в речках и всегда с удовольствием. Тут она выбралась на середину реки и поплыла по течению.

Я заметил на отмели лодку, прыгнул в нее и поплыл вслед:

— Не хочешь ли убежать?..

В ответ лишь всплески да вздохи животного. Я греб, ориентируясь на лебединую шею, на голову, поднятую высоко над водой.

Чармен-ривер впадает в Каледонский канал. К вечеру мы пронырнули под железнодорожным мостом. До канала оставалось с десятков километров, и я с тревогой думал, что будет с нами,— на канале шлюзы. Беспокойнее становилась и Несси. Может, ее тревожило то же, что и меня — как пройти?

Оказалось — другое. Около полуночи, когда уже показались огни Инвергарри — наверное, плотина гидроузла,— Несси вылезла на берег и буквально по нюху

нашла ручей, пробивавшийся в зарослях вереска. Ринулась по ручью, шумно втягивая ноздрями воздух.

— Куда? — Я вслед за ней.

В ответ — треск и шорох кустарника.

— Куда?..

И тут в трех шагах на пути открылся вдруг светлый квадрат, из палатки вышел мужчина. В руках он держал ружье.

Несси ломилась вперед, трещал валежник. Мужчина заметил меня.

— Пастух? — спросил он.

— Пастух, — ответил я.

— Что гонишь?

— Коров...

В зарнице — начиналась гроза, — осветившей очки незнакомца, охотничье кепи, лес, стоявший недалеко, мужчина заметил движущуюся гору. Вскинул ружье, выстрелил.

Прыжком я сшиб его наземь. Ружье отлетело в сторону, звякнуло металлом о камень. Наугад я ударил по лицу, белевшему в темноте, по очкам.

— Джейн! — завопил мужчина: он не ждал нападения.

Я ударил еще раз, получил ногою в живот. Попытался вскочить, но мужчина, пришедший в себя, схватил меня за рубаху. Из палатки показалась женщина.

— Я поймал его, Джейн! — Мужчина держал меня за рубаху.

— Джим!.. — закричала в ужасе женщина.

Дождаться большего я не стал. Рванулся — подол рубахи затрещал, остался в руках противника. Я отскочил в сторону.

— Джейн... очки... — Мужчина встал на колени, шарил в траве — было видно при свете, пробивавшемся из палатки. Женщину я не разглядел, кинулся прочь.

— Очки, Джейн!.. — последнее, что я услышал.

Потом грянули выстрелы — два, три. Били в темно-

ту, мне вслед. Стреляла женщина или ослепший Джим — пули со свистом промчались выше, задевая кроны деревьев.

— Негодяи! — Меня трясло. — Убийцы!..

Бежал на шум впереди, где Несси пробивалась через кустарник.

— Негодяи! — повторял на бегу. — Тарзаны!

Миллтон волновался, рассказывая о встрече с охотником. Потянулся в карман за сигаретой, вынул зажигалку. Чиркнул раз — не зажглось. Второй — не зажглось.

— У вас есть что-нибудь? — спросил он.

— Спички.

Закурил, отдал мне коробок.

— Это была ночь, — вернулся к рассказу. — Хлестал дождь, надрывались молнии, пытаюсь раздвинуть мрак. Несси лезла вверх по ручью. Я, не отставая, — за ней. Ручей втянулся в ущелье, стало еще темнее. Животное пыхтело, принюхивалось, даже стонало, переваливая тушу через завалы камней. Я спотыкался, падал в темноте, молился, чтобы не переломать ноги.

Утро застало нас высоко в горах. Боже мой! Лапы Несси кровоточили. На боках, на брюхе царапины. Один из рогов сбит, едва держался на клочке кожи. Мое состояние было не лучшим: ботинки — вдрызг, ноги, когда я приостанавливался, дрожали. Зубы стучали от холода.

— Куда ты?.. — в отчаянии взывал я.

Животное хромало, дыхание его срывалось. Наконец, перевалив через особенно большую глыбу, Несси упала, вытянув шею, хватая из ручья воду.

— Боже мой! — повторял я. — Куда нас занесло?

Обошел животное. Опасался, что Несси ранена в ночной схватке. Нет. Сопляки из палатки не охотники — дилетанты. В животе, однако, побаливало — саданул меня этот Джим. То-то у них теперь разговоров...

Несси лежала пластом. Больше всего пострадали у нее лапы. Когти сломались, из-под каждого текла кровь. Я стянул с себя рубахи — верхнюю, наполовину изодранную, нижнюю, — разорвал на полосы, стал перевязывать Несси лапы.

— Потерпи, — приговаривал я. — Отдохни.

Наверное, ей ничего не стоило отбросить меня лапой прочь, раздавить, как грушу. Бок чудовища возвышался надо мной на два метра. Я был козявкой, копошащейся возле Несси. Вредной козявкой — причинял ей беспокойство. Что она думала, почему терпела меня рядом с собой? Почему приняла мое присутствие? Но я перевязывал раны, и Несси это приняла. Лишь изредка кожа ее подергивалась от боли — какой я хирург? — или от нервной дрожи.

— Потерпи, — повторял я.

Сбитый рог болтался на лбу, беспокоил животное. Капельки крови подбирались к глазам.

— Больно тебе... — Я попытался перевязать голову Несси и сделал это неосторожно. Несси встряхнулась, рог оборвался, отлетел в сторону, в камни.

— Ах ты, беда моя!..

Но тут Несси поползла вверх, теряя одну за другой окровавленные тряпки, спадавшие с ее лап, как шелуха.

— Несси! — Я побрел вслед за нею.

В дневное время мы отдыхали в кустарниках. Я надеялся, что будем отдыхать и здесь, среди скал. Однако Несси упрямо ползла вперед.

Я не знал, что цель, к которой она стремится, близка. В ста метрах за поворотом ручья открылась пещера. Несси втянула в нее огромное тело, как в тубу. Здесь мы и отдохнем, подумал я, проходя вслед за Несси.

Пещера была неглубокой. Рассеянный свет заливал ее всю. Но и сухого места в ней не было. Поток, выходясь из-под скалы, разливался, кипел, вода шла круга-

ми. Однако это не смутило животное: Несси плюхнулась в воду, с наслаждением погрузилась в омут. Наверное, мне следовало сделать то же самое, потому что Несси повернула ко мне голову, ждала. Я стоял у входа в пещеру. «Прыгай, что же ты?» — казалось, говорил взгляд животного. Несси помедлила с полминуты. И тогда я понял, что это конец пути. Голова Несси все еще качалась над водой, но я не шел, не прыгал в омут. «Ну?..» — Она даже раскрыла пасть. Я стоял неподвижно.

Несси погрузилась в пучину.

— Вот и все,— закончил повествование Миллтон. Подождал, что я скажу.

Я не знал, что сказать и что думать. В фантастику можно верить или не верить. Да и зачем? Верить надо в реальность. Все эти треугольники, тарелки, Несси — мираж, не больше. Вот кругом тишина, никаких страстей. Мальчишка по-прежнему возит на веревочке синий автомобиль — игрушку. И макет — выдумка, и рассказ — выдумка. Какая там Несси?..

Миллтон заговорил опять:

— Несси не покинула меня, не сбежала — пришла домой. Как — это вопрос. Где этот дом — тоже вопрос.

Взглянул на акваланг, на сумку с консервами. Решительно поднял голову:

— Надо спуститься в омут. Поток наверняка соединяется с озером Лох-Несс. Озеро способно прокормить до сотни животных. Но где их пристанище? Где-то они должны жить, размножаться. Умирать, наконец. Ни один труп не всплыл на поверхность озера. У них есть резервация. Может быть, полость внутри земли, система пещер. Может, жюльверновский подземный мир существует? — Миллтон взглянул мне в глаза.

— Никакого другого мира не существует,— сказал я в ответ.— Да и Несси... разрешите мне усомниться, Миллтон.

— Нет,— ответил Миллтон, встав со скамьи и поднимая рюкзак,— объявили автобус на Инвергарри.— Мир существует. И Несси тоже — м о я Несси.

Неприятно он сказал эти слова, с небрежением ко мне: слушал человек, слушал...

— Все-таки, Миллтон,— говорил я, пока он взваливал на спину рюкзак.— Согласитесь, что нельзя так просто поверить в эту историю.

— М о я Несси! — упрямо повторил Миллтон.

Тогда я сказал то, что давно вертелось на языке:

— У вас нет доказательств. Представьте хоть одно доказательство, и я вам поверю.

Миллтон повернулся и молча пошел к автобусу.

«Шарлатан...— подумал я, потянулся в карман за папиросами, в другой за спичками.— Краснобай! Каких только прошелыг не встретишь в дороге!..»

Автобус стоял с открытой дверью, ждал пассажиров. Миллтон был уже на полдороге к нему, как вдруг обернулся и, снимая поклажу с плеч, пошел обратно ко мне. Я молча ждал. Миллтон положил рюкзак на скамейку, порылся в нем, вынул небольшой сверток в газетной бумаге, протянул мне.

— «Доказательства...» — ядовито сказал он, подражая моей интонации.— Вот вам, возьмите! — протянул сверток.

Взвалил на плечи рюкзак и, уже поворачиваясь к автобусу, на прощанье добавил:

— Милый скептик...

Я проследил его путь, пока он не скрылся в двери, и развернул сверток. Внутри оказался рог. Станный рог, который нельзя было сравнить ни с каким другим рогом: не колющий бычий, не закрученный спиралью бараний, не боевой рог носорога. По цвету рог был эбеново-черным, по форме напоминал гигантский, трех с половиной дюймов длины, муравьиный окостеневший усик, глянцевитый, слегка утолщенный к вершине. Но еще удивительней был клочок кожи у основания рога,

тоже черный, эластичный, блестящий. Несомненно, рог отломлен недавно: его основание было розовым от невысохшей крови. Кому принадлежал этот рог?..

Меня тряхнуло всего. «Несси!..» — отозвалось в голове голосом Миллтона.

Я поспешно вскинул глаза. Автобус тронулся, пошел вдоль бордюра. В широком, начищенном до блеска окне я различил Миллтона. Лицо его было холодным, презрительным. Но это маска, не больше. В чертах его я успел прочесть боль и горечь утраты — потери, которая так неожиданно и незаслуженно оказалась в моих руках.

— Миллтон! — Вскочил я со скамьи. — Миллтон!

Но автобус выкатил на шоссе и набрал скорость.

ЛЕБЕДИ С БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ

I

Горный снег бел и певуч, на поворотах парусом
встает за спиной. Слалом — спорт мужественных. Кра-
сивый спорт!

— Григори-ий!.. — Инна проскакивает мимо, как ве-
тер.

Григорий поворачивает ей вслед. Прямо перед ним
башни обсерватории, река Хан-Гулак, долина, зажата
крутыми горами. Дальше — ночь, с востока идущая по
вершинам. Ночь приходит в горы неравномерно: в доли-
не сгущает сумерки, из ущелий поднимается черная,
точно сажа.

— Григори-ий!

Инна — младший сотрудник обсерватории, словенка
из Братиславы. В Хан-Гулаке на практике. Признает
только имя Григория и не хочет выговаривать — Кон-
стантинович.

Григорий спускается по ее следу. Инна смеется. Под-
нимает туристский «Блиц». Снежинки у нее на плечах
и на шапочке розовые. Хочется потрогать их — теплые?..
Но Григорий не осмеливается этого сделать. Берет из
ее рук аппарат, уходит на лыжах вниз.

Оборачивается — Инна летит по склону. В небе над
ней оранжевый зонт. Это Багира, семитысячник Запад-

ного хребта. Висит над долиной, как мазок акварели. Григорий вскидывает навстречу «Блиц».

— Не надо! — Инна прикрывает лицо рукой.

Но аппарат уже щелкнул.

— Зачем вы?.. — Глаза у Инны большущие, синие.

Дальше они идут рядом, Григорий и практикантка. На небе зажигаются звезды, тоже теплые в бархатной синеве.

— Звезды — как люди, — говорит Инна. — Только живут не по-нашему долго...

Григорий не отвечает девушке. Смотрит на нее сбоку: Инна красива.

В поселке, у ступеней обсерватории, Инна спрашивает:

— Вы верите в лебедей?

Григорий застигнут врасплох. Сказка о лебедях родилась здесь, в Хан-Гулаке. Кажется, стоила жизни директору обсерватории Фирсову, Павлу Васильевичу. Из-за этого Григорий приехал сюда. «Разберитесь...» — сказали ему в Москве. Но Григорий не успел разобраться. Комета Плея, которую он исследовал, все еще держит его в руках, книга о ней не закончена.

— А вы верите? — спрашивает он Инну.

— Верю.

В Хан-Гулаке Инна четыре месяца. Григорий и того меньше — два. И, кажется, любит ее.

В кабинете Григорий садится за письменный стол. Сегодня он свободен от вахты. У главного телескопа Гуранов. По праву директором обсерватории быть Гуранову, а не ему, Григорию Слегу. Но все сложилось иначе.

Из Бюраканана, где Григорий работал руководителем группы, его вызвали в академию в январе. Москва встретила Григория вьюгами и плоским холодным солнцем, которое он не любил. Москву Григорий не любил тоже: здесь началась и здесь кончилась его жизнь с Элиной.

Прожили они меньше двух лет, и их ничто не связало. Элина любила театр, кинофестивали, могла высидеть на шести сеансах подряд... Сейчас Элина с артистом кино. И как ни огромна Москва, пока Григорий был в городе, он постоянно ежился: не встретить бы их вдвоем.

Элину Григорий не встретил, а в академии у него был разговор:

— Погиб директор Хан-Гулакской обсерватории.

— Павел Васильевич?..— Григорий знал Фирсова.— Отчего?

— Никто толком не знает. Фотографировал чистое небо. Последним его словом было — лебеди.

— Лебеди?..

— Это и удивительно. Поезжайте директором в Хан-Гулак.

— Но там Гуранов!

— Гуранов не верит в лебедей,

— Кто-нибудь верит?

Впечатление от разговора складывалось такое, что в лебедей верят в Москве.

— Поезжайте. Разберитесь на месте.

В Хан-Гулаке Григория встретила тишина. И растерянность — в обсерватории. Сотрудники были подавлены трагическим случаем. Гуранов отмалчивался. На прямой вопрос о лебедях, упомянутых Павлом Васильевичем, глядя из-под лба, сказал:

— Утопия...

Инна долго молчала и только на нетерпеливое Григория: «Будет ли кто-нибудь говорить в обсерватории?» — ответила:

— Думаю, это правда.

— Павел Васильевич прав?

— Думаю,— повторила девушка.— Но я ничего не знаю.

Архивом Павла Васильевича Григорий занимается второй месяц, не отрываясь, однако, от своей книги. С Инной его сблизили слалом, прогулки в горы. Гри-

горий ждал, что она заговорит о лебедях, но Инна молчала и только сегодня спросила, верит ли он в лебедей. Отчего ему верить? Никаких доказательств нет.

И не будет. Он приехал ловить Синюю птицу. Хороша романтика в двадцать лет, для младшего сотрудника Инны Гранек. А здесь нужен следователь. Или психолог. Почему погиб Павел Васильевич? В душевную болезнь Фирсова — в обсерватории был и такой разговор — Григорий не верит. Но фотографировать чистое небо!..

Разгадать тайну не под силу Григорию. Надо было отказаться от поездки. В Бюракане у Григория хорошая работа, друзья. А здесь молчаливники: Сергеев, брат и сестра Сурковы — все ходят, набравши в рот воды.

Григорий выдвигает нижний ящик стола: последнее, что осталось еще не просмотренным из архива Павла Васильевича. Здесь письма.

В Хан-Гулаке Григорий чувствует себя неуютно. Вроде бы не у дел.

И он недоволен собой, Хан-Гулаком. Недоволен, что приходится разбирать бумаги, касаться жизни, бывшей далеко от него и угасшей трагически. Не ему совать нос в эти дела. И в обсерваторию — тоже.

Одно к другому Григорий откладывает чужие письма: из Москвы, Пулкова, Варшавы и Лондона. Вся жизнь Павла Васильевича — в астрономии: письма из академий, обсерваторий. Вот письмо из Японии... Вот чистый конверт. В нем тоже письмо. Заметки, написанные карандашом... Григорий разглаживает листки, но глаза его уже прикованы к строчкам: «Лебеди появились вместе с кометой Плея...» Лебеди!.. Григорий придерживает листки, словно боится, что они улетят.

— Можно войти?

Это Инна. Она несколько раз повторяет:

— Можно войти, Григорий?..

Прежде Инна не приходила без вызова. Но Григорию некогда удивляться.

Инна нерешительно остановилась у двери. Хочет что-то сказать? Спрашивать Григорию неудобно. И некогда: позади нее лаборант Сергеев — принес проявленную фотографию, еще влажную.

— Что вы сняли, Григорий Константинович? — спрашивает он. — Ножницы?..

Инна берет фотографию из его рук. Секунду рассматривает ее, рвет на клочки.

— Не надо было фотографировать, — говорит она.

Сергеев стоит смущенный, он еще не успел опустить руки.

Григорий смотрит на все это из-за стола. Он успел заметить: Инны на фотографии не было. Что-то другое блеснуло на влажном картоне. Два косо поставленных паруса?.. Чепуха какая-то — паруса!

II

Записки ученого Григорий и Инна читают вместе. Она ни о чем не спросила. Но Григорий не отослал ее — указал на стул. И сейчас вслух слово за словом он читает написанное:

«Ночь на пятое декабря, — рассказывал Павел Васильевич, — выдалась ясная, с крупными звездами. Установив телескоп на переменную близ Капеллы Возничего, я вышел на башню обсерватории. Острый месяц опускался к горам, коснулся Багиры. Тень упала на левый, на правый берег реки, залила астрономический городок. Остались только звезды на небосводе. Да ветер: погода менялась. Я хотел уже возвращаться вниз, как вдруг увидел на снегу искры, вернее, звезды. Они шевелились, мерцали, так же как на небе. Я встряхнул головой: какие звезды могут быть на земле?.. Глядел и не мог разобраться в своих ощущениях: кажется, испугался. Потом кинулся вниз. Спускаясь по лестнице,

поминутно оглядывался. Звезды дрожали и шевелились.

С террасы я еще видел их, но, когда спустился на землю, звезды от меня заслонил пригорок. Я побежал через поле, поднялся на пригорок. Россыпь звезд была здесь — под ногами. И здесь был ветер — начинался буран.

И тут я услышал голос:

— Не подходи, человек.

От неосторожного движения я сполз по откосу на берег.

— Ты ломаешь мне крылья! — сказал тот же голос.

У меня зашевелились под шапкой волосы. Я видел обрыв, заснеженную реку, но звезд, которые только что были, не стало. Голос сказал:

— Не бойся. Я погибаю.

Тогда я спросил, почти крикнул:

— Кто ты?..

Прошла пауза, показавшаяся мне вечностью, прежде чем я услышал:

— Невидимый...

— Здесь были звезды, — сказал я невпопад. — Где они?

— Отражение звезд у меня на крыльях, — последовал ответ. — Ты их не видишь снизу.

Надо мной, кроме неба и ветра, ничего не было.

— Протяни руку.

Я протянул руку. Ощутил что-то легкое, податливое.

— Вот ты какой... человек, — сказал голос.

— Откуда ты? — спросил я, ошеломленный.

— У звезды Бетельгейзе семнадцать планет. Я оттуда.

— Почему ты знаешь названия звезд? Их придумали люди!..

— Мы это знаем.

Можно было подумать о мистификации. Но я поверил в планету звезды Бетельгейзе.

— Мы знаем,— продолжал голос,— языки далеких цивилизаций, судьбы галактик. Знаем прошлое и можем предвидеть будущее. Ветер убьет меня...

— Как вы попали к нам? — Он все говорил «мы».

— С кометой Плея.

В ущельях выла, металась буря.

— Это конец,— сказал Невидимый.— Я не сумел трансформироваться. Я стар. Молодым это легче. Прощай.

— Чем помочь тебе?

— Возьми пластинку,— в руках у меня оказался продолговатый предмет.— Из нее ты узнаешь все. Она тоже невидимая и тоже, как я, исчезнет. Ничего нет постоянного. Ты ничем не поможешь мне.

Снежный шквал обрушился на долину, ветер отодвигал от меня Невидимого.

— Как твое имя? — крикнул я.

— Орос.

— Ты не один? Кто еще?..— Я задыхался, снег лепил мне в лицо.

Но ответ я расслышал:

— Илу...

Пластинка была теплой, в ней шли химические или ядерные процессы, и абсолютно прозрачной. Держишь в руках — видны ладони, морщинки на сгибах пальцев. Наверно, легко было потерять ее, и, чтобы этого не случилось, я завернул ее в полотенце. Остановил телескоп, выключил приборы в обсерватории, поднялся к себе в комнату. Но как ни вертел пластинку, как ни пытался заглянуть в середину через плоскости, ребра, ничего различить не мог. Это было невидимое ничто, загадка. Орос предупреждал, что пластинка исчезнет. Может быть, она

таяла в руках, как сухой лед?.. Тут я успокаивал себя: способ понять, что скрыто в пластинке, несомненно, прост. Иначе Невидимый не дал бы мне ее. Но как найти этот способ? Я опять принимался вертеть пластинку, вглядываться в нее. Тщетно! Сел в кресло к столу, зажал пластинку в руках. Настенные часы отбивали секунды. Пластинка грела мне руки, я задремал.

И увидел сон.

Странный сон — неземной: планету, закованную в льды, засыпанную снегами. Обдутые ветром хребты, вулканы. Ни клочка зелени, ни следа, проложенного ногами животных. И все-таки жизнь здесь была. Каким-то образом я понимал ее, сравнивал и сопоставлял с земной. Жизнь на Земле вышла из океана. На планете. — я понял, что это планета Ороса, — не было океана. Органические молекулы из вулканов попадали в азотисто-аммиачную атмосферу, всплывали в верхние слои, к солнцу. Жизнь развивалась, непохожая на земную, крылатая, почти невесомая. Питание получала из атмосферы, тепло — от красного солнца. Тела плавали свободно, как облака. Не было городов. Атмосфера была всеобщим домом.

Жизнь была высокоорганизованная.

Невидимые — невидимые они только для нас, может быть, лучше было бы назвать их Крылатыми — развили в себе способность улавливать теле- и радиопередачи из космоса, усваивать их, расшифровывать и понимать мысли. Научились записывать знания в кристаллах сгущенного водорода. Я видел в пластинке формулы: всемирного тяготения, кривизны и прерывистости пространства... Невидимые посещали другие планеты, могли трансформироваться, принимать облик других существ и образ их жизни. Знали о Земле, ждали случая побывать на ней. Случай представился — комета. Орос и Илу улетели на ней. Комета должна была пролететь близко от Земли.

И вот — встреча. Я взволнован, стыжусь за растерянность перед Невидимым. Не спросил Ороса, как они живут на планете, обществом или поодиночке? Мало ли чего не спросил!.. Когда я очнулся за столом, пластинки в руках не было — растаяла. Я схватил карандаш, записал формулы, какие видел в пластинке, — вот они...

С этого утра моя жизнь превратилась в поиск. Орос погиб, но Илу должна быть здесь. Может быть, где-то близко. Вспоминая вид оледеневшей планеты, хребты, я предположил, что наши высокогорья самое подходящее место для обитания Невидимых. Равнины, дымная атмосфера над городами противопоставлены им. Илу могла быть над Антарктидой, над Гималаями — столько высокогорных мест на Земле, — но я верил, может быть, хотел верить, что Илу здесь.

Выхожу каждую ночь, зову. Ползаю по сугробам, по кручам берега, надеясь наткнуться на крылья.

Гуранов спросил, что означают мои ночные прогулки. Я ответил, что обдумываю статью.

— О помутнении спектра туманности М-15? — Мы совместно занимались этой туманностью.

— О лебедях, — вырвалось у меня.

— О лебедях?.. — Гуранов обиделся. — Вы шутник.

Я, наверно, рассказал бы ему об Оросе, не приди мне в этот момент новая мысль. Фотография! Там, где бессилен глаз, может помочь съемка. Я начал фотографировать небо. Дни проводил на башне, ночи в лаборатории.

Сто, двести снимков не дали ничего. Где-то на третьей сотне в объектив попало крыло. Может быть, часть серебристого облака? Легко принять желаемое за действительное! Но я верю. И хочу найти Илу.

Вчера на Волчьих холмах повстречал Инну Гранек. На лыжах она забирается в заповедные уголки.

- Вы ничего не видели? — спросил я ее.
- Что я должна видеть, Павел Васильевич?
- Сам не знаю, — ответил я.
- Вы озабочены? — Инна поняла меня женским

чутьем.

— Можете поверить в инопланетных пришельцев? — спросил я девушку.

Инна смутилась:

— Я еще так мало знаю...

— И что пришельцы на нас не похожи? — продолжал я.

— На кого же они походят? — спросила Инна.

— Скажем... на лебедей.

Инна Гранек не сказала, что я шутник: практикантка директору такое не скажет. Но в ее глазах, поднятых на меня, было столько смятения, что я ничего не придумал лучшего, как сказать ей:

— Прощайте, Инна...

Она спускалась с холма, а я думал, что сотрудники скоро начнут считать меня сумасшедшим.

Все же я продолжал искать. Ходил по реке к подножьям Багиры. Здесь я услышал плач женщины.

Было это вечером первого января. Наступила оттепель. Небо висело серое, с низкими облаками. Я спешил вернуться в обсерваторию. На минуту остановился, мямл сигарету. По обе стороны поднималось ущелье, место было глухое. Вдруг в воздухе над собой я услышал шорох. Поднял голову: не ползет ли по склону снег. И услышал плач — тонкий звук, прерываемый всхлипываниями. Я застыл, выронив из рук спички. Спустя минуту плач повторился, но уже выше и дальше.

— Илу! — ринулся я по ущелью. — Илу!..»

Григорий собрал листки, положил опять в конверт. Инна сидела, закрыв лицо руками:

— Орос!..

Григорий секунду смотрел на девушку.

— Почему Орос? — спросил он. — Погиб Павел Васильевич.

— Ты ведь недавно здесь!.. — Инна поднялась и пошла к двери.

Впервые она обратилась на «ты» к Григорию. Но это лишь вскользь задело его. Мысли Григория были заняты другим.

— Есть еще Илу, — сказал он. — Ее надо найти.

Как слепая, Инна шарила у двери, отыскивая ручку. Григорий, боясь, что она уйдет, не выслушав его до конца, сказал, будто надеялся, что она поймет его и поддержит:

— Я найду ее!

Инна ответила, все еще стоя лицом к двери:

— Не ходи на Багиру...

— Почему?

Девушка обернулась: глаза ее были сухи, но в них стояла тревога.

— Или возьми меня с собой...

И, найдя наконец ручку, скрылась за дверью.

III

Оставшись один, Григорий еще раз перечитал записки Павла Васильевича. Все здесь было необычным.

И комета Плея была необычайной — кому, как не Григорию, знать об этом.

Открыл комету южноамериканский астроном Плей. Тотчас она приковала к себе внимание. Траектория ее была настолько пологой, что, казалось, вышла из бесконечности. Комета, определили сразу, не из Солнечной системы — из неизвестных далей. Появилась на нашем небе впервые, ни в каких каталогах не значилась. «Космический хищник, — запестрели газеты тревожными заголовками. — Ужас!..» Вопрос стоял о столкновении ко-

меты с Землей. Масла в огонь подливал Плей. «Комета имеет субсветовую скорость,— писал он.— Масса, сосредоточенная в ничтожно малом объеме, превосходит лунную в восемь раз. Ядро окутано облачной атмосферой, не исключено — ядовитой».

Прогнозы астронома насчет скорости и атмосферы кометы были верны. По инерции мысли, принималось на веру и все остальное из предсказаний Плея. Ужас усугублялся тем, что комета буквально росла на глазах — это говорило о ее исключительной скорости. Требовались выдержка и трезвый голос советских ученых, чтобы предотвратить панику. Увереннее всех говорили ученые Бюракана, группа Григория. Комета является следствием взрыва сверхновой, утверждал Слег: осколок плотного вещества, вышедшего из недр звезды. Скорость кометы характеризует интенсивность процессов внутри сверхновой. Вещество, освобожденное от давления, меняет структуру, освобождает легкие газы — водород, метан. Вопрос о столкновении кометы с Землей нуждается в уточнении. Сколько было уже таких прогнозов!

— Атмосфера Земли вспыхнет как факел! — предупреждали пророки.

Зрелище было страшным: хвостатый багрово-синий дракон опоясывал небо. Хвост кометы был виден даже в дневное время. Ученые отметили приливные явления в атмосфере, беспокойство птиц и животных. Несколько дней над Землей пылали нестерпимо яркие зори.

Григорию казалось, что он знает о комете все. Пишет о ней, привез с собой газетные вырезки и статьи — все о комете. Но главное — и необычайное — пришло к нему сейчас, в записках Павла Васильевича.

— Илу,— повторяет он.— Илу...

Прячет листки в нижний ящик, выходит из кабинета. Направо, в конце галереи, лестница на башню обсерватории, там же выход из здания. Налево дверь в круглый зал. Секунду Григорий медлит. Потом идет

налево. В эту ночь ему не уснуть. И оставаться одному невозможно.

Зал темен, как беззвездная ночь. Но это после ярких ламп галерей. Через минуту Григорий замечает тусклый свет двухвольтовой лампочки, Гуранова, склоненного за столом над бумагой.

— Андрей Селимович! — окликает он.

Гуранов занят. Он всегда занят. Откровенного разговора между ними так и не состоялось. Все, что Григорий знает о трагедии Павла Васильевича, рассказано другими — Сергеевым, Инной. Павел Васильевич погиб пятого января в метели, разыгравшейся над долиной. Когда его принесли на носилках, он был еще жив. Доклад о случившемся составил и отослал в академию Гуранов. Он закрыл старику глаза, услышал от Павла Васильевича последнее слово о лебедях.

— Андрей Селимович! — Григорий подходит к столу. Двойной астрограф возвышается над Гурановым стволами, уходящими, кажется, в бесконечность. Купол замкнут, но, судя по свежему морозному холоду, Гуранов только что делал наблюдения и сейчас записывает в звездный журнал итоги. Григорий ждет, пока он закончит. Под лампочкой, прикрытой плоским, как сковорода, абажуром, виднеются журнал, руки Гуранова.

Наконец Андрей Селимович кончил записывать. Поднял голову. В сумеречном, застывшем от холода свете Григорий пытается разглядеть лицо астронома, но видит только смутную маску с темными провалами глаз.

— Как это произошло? — спрашивает Григорий.

Маска в темноте шевельнулась, исчезла: Гуранов опустил голову.

— Откровенно, Андрей Селимович...

Гуранов отвечает медленно, через силу:

— Перестаньте меня мучить вопросами. Вы всех тут замучили, Слег. Вы астроном или следовательно?

— Но...

— Никаких «но», Григорий Константинович. Вы не хотите понять, что я работаю с Павлом Васильевичем со дня основания обсерватории.

— Вы сказали — работаю...

— Да, работаю, Слег! Для меня он не умер. Он в каждом приборе. Он доставал их сам, устанавливал. Рычаги управления еще теплые от его рук. А вы только ходите, спрашиваете. У него была забота в последние дни. Большая забота, как он сам большой ученый. Мне бы десятую долю этой заботы.

— Может быть, вы не помогли Павлу Васильевичу?

— Он ничего не говорил, — угрюмо отвечает Гуранов. — И вам ничего не сказал бы, Слег... — Лицо-маска опять появляется в сумраке. — Это его тайна.

— А... Инна? — спрашивает Григорий.

— Инна хороший работник. Порой мне кажется, что о звездах она знает больше любого из нас. Кроме того, она... отличная лыжница.

Ирония последней фразы не ускользает от Григория. Но, когда он выходит из зала, Андрей Селимович опять отворачивается к столу. Гуранову, как и всем здесь, в обсерватории, по-человечески тяжело.

У себя в комнате Григорий пытается восстановить разговор с Инной, с Гурановым. С Инной все неожиданно, Явилась без вызова — раньше этого не было. Разорвала фотографию, обидела Сергеева. Григорий доверил ей записки Павла Васильевича. Гуранову ничего не сказал, а ей доверил. Почему он доверил ей?.. И потом: предупреждение не ходить на Багиру. Инна жалеет его, Григория? Опасается? В глазах у нее был страх. Пережили они тут немало страха... А почему: «Возьми меня с собой...»? И почему вдруг на «ты»? Доверил ей тайну, и это их сблизило?

Григории думает о командировке сюда, в Хан-Гулак,

о комете. Сколько еще работы над книгой... И опять — Инна: «Не ходи на Багиру...»

Засыпая, Григорий решает окончательно: Инну с собой он не возьмет.

Утром он вышел один. Как искать, не имел представления. Звать?.. Но искать надо — долг перед Павлом Васильевичем.

Пошел по берегу Хан-Гулака. Крутые осыпи, камни. Это произошло здесь?.. Григорий на миг останавливается: как это было? Ветер несет поземку. Григорий идет навстречу ветру и снегу. Снег — это хорошо, рассуждает он, снегопад может помочь. Лебеди — странно: почему не приходит другое слово, а только это? — материальны. Всякое тело имеет форму. Форма может как-то проявиться. Если наткнешься на то, что ищешь... Мир велик. Велика долина реки. Наткнуться можно только случайно. Мало шансов на такой случай.

Но Григорий идет. Работа приучила его к упрямству. Безымянную звездочку, блестку, приходится наблюдать в телескоп годами. Терпения Григорию не занимать.

Река по правую руку. Буду возвращаться — будет по левую, отметил Григорий. Может быть, перейти реку? Ветер настойчиво дул в лицо. В круговерти ничего не было видно — ни гор, ни противоположного берега. Как бы не заблудиться, опасался Григорий. Временами он останавливался, вглядывался в метель. Пусто. Григорий никогда не охотился. Тут представил себя охотником. Забавно, нет ружья за плечами. Вдруг какое-нибудь зверье?.. И почувствовал: кто-то за ним следит. Идет. Полно, сказал он себе. Но за ним кто-то шел — слышны шаги. Григорий обернулся.

— Вы все-таки пошли? — Инна догоняла его. — Один?..

Она была на лыжах. На плечах другие — его, Григория, лыжи.

— Возвращайтесь! — сказала она.

— Инна!..

— Возвращайтесь! Видите, какая метель!

— Зачем ты пришла? — спросил Григорий.

— Зачем вы пошли один?

Метель сыпала, сыпала снег. Ничего не было видно, кроме снега.

Возвращались они след в след. Ветер толкал их в спину.

Через два дня она догнала его на Волчьих холмах.

— Возвращайтесь!

Григорий был раздражен:

— Кто же будет искать?

— Не ищите ее здесь.

— А где?

— Вернемся...

Договорились: через день воскресенье — выйдут на поиск вместе.

В обсерватории заметили походы директора и то, что всякий раз Григорий Константинович возвращался с Инной. Наверно, ждали объяснений. Давать объяснения Григорий не торопился. Составлял докладную в академию, частью докладной были записки Павла Васильевича. О том, что начал поиск Илу, Григорий тоже писал. Все надо было продумать, аргументировать, чтобы не казалось фантастикой. Как ни расположены были в Москве к Павлу Васильевичу и к нему, Григорию Слегу, подтверждение легенды о лебедях всполошит всех. И формулы. Формулы!..

Докладную он обсудит в понедельник с работниками обсерватории. Сегодня суббота. Григорий у телескопа. Завтра они с Инной пойдут к Багире.

Григорий глядит на часы: семь минут первого.

— Сегодня. Уже воскресенье.

IV

Но воскресенье началось по-другому. Лыжи, ледорубы, веревка — все уже было собрано: двух дней достаточно, чтобы подготовить поход. Выйти на поиск решили до солнца, путь на Багиру неблизкий. Когда Григорий вставал, в окнах уже синело. Собраться к выходу хватило четверти часа. Рюкзак на плечи (завтракать с Инной они будут в пути), дверь на замок — и готово!

Но когда Григорий поворачивал ключ, в коридоре открылась другая дверь. Коридор небольшой, разделял две квартиры — директора и Гуранова. Андрей Селимович стоял в своей двери с газетой в руках.

— Слег... — окликнул он Григория.

Григорий обернулся, задел рюкзаком о стену.

Гуранов подал ему газету. В правом углу внизу отчеркнута красным заметка. Газета четырехмесячной давности.

— Прочтите, — сказал Гуранов.

Заметка сообщала об авиационной катастрофе над Татрами. Самолет, направлявшийся в Советский Союз, разбился в тумане, налетев на скалу. Пассажиры погибли. Среди них младший секретарь посольства Иржи Маречек, астроном Инна Гранек... Последнее тоже подчеркнуто красным.

Григорий поднял от заметки глаза. Гуранов сказал:

— Инна Гранек.

— Однофамилица? — спросил Григорий.

— Обратите внимание... — Гуранов нетерпеливо кивнул головой.

— Зачем?... — Григорий хотел сказать, мало ли бывает несчастных случаев. Гуранов перебил его:

— Инна приехала к нам в тот же день — четырнадцатого ноября.

— Вы считаете ее шпионкой? — спросил Григорий.

— Она слишком много знает о звездах, чтобы быть просто шпионкой, Григорий Конstantинович.

— Бросьте! — Григорий сунул газету в руки Гуранову.

— Слег!..

Григорий уже открывал входную дверь.

Спускаясь с крыльца, думал: не охотник ли Гуранов за ведьмами? Газета могла дать неверные сведения...

В душе поднималась злость против Гуранова.

Но неприятное чувство тут же растаяло. У калитки его ждала Инна.

— Бежим! — торопила она. — Уже шесть часов!

Март на высоте четырех тысяч метров — зимний месяц. Зори как свежие яблоки: румяные, чистые.

— А небо, Гриша!..

Небо близкое, стеклянное — могло бы звенеть, если бы до него дотянуться и постучать. Солнце не торопилось вставать, плыло за хребтами, зажигая, как факелы, то одну, то другую вершину. Вместе с рассветом появлялись тени — синели, густели на скалах, падали вдруг в ущелья.

— Ты сегодня такая радостная! — сказал Григорий. На миг перед ним встал Гуранов, газета, исчерканная карандашом. Спросить у Инны, как она попала сюда? В газете сказано, что Инна Гранек погибла. Инна Гранек?.. Чушь какая-то!

— Люблю все красивое, — говорит Инна, — небо, солнце. Хорошая планета — Земля!

— Есть, наверно, другие прекрасные миры... — сказал Григорий.

— Есть!

Они спустились в распадок, шли берегом сухого ручья, пробираясь сквозь низкие, взъерошенные ветром кусты. На них смерзшиеся ягоды облепихи.

— Как называются эти бусы? — спросила Инна.

— Облепиха, — засмеялся Григорий.

Думал, что Инна ответит, улыбнется. Но девушка остановилась:

— Не хочу идти на Багиру!

— Почему? — Григорий удивился смене разговора и настроения.

— Илу там нет.

— Павел Васильевич слышал ее в ущельях.

— Гриша... — В голосе Инны предупреждение. Багира не нравилась ей.

— Пошли! — Григорий двинулся дальше.

К подножью они добрались в десять часов. Ущелья чередовались нагромождением скал, кручами — место было угрюмое. На какое-то мгновение Григорий подумал, что Инна права, не стоило забираться вглубь. Все чаще они останавливались, прислушивались. Может быть, крикнуть: «Илу!» Присутствие Инны сдерживало Григория. Похоже будет на бесплодные призывы Павла Васильевича. Но ведь плач Павел Васильевич слышал здесь!

Выбравшись на кромку ущелья — по одну сторону ущелье, по другую снежная крутизна, Григорий и Инна остановились на отдых. Достали из рюкзаков еду, термос с горячим кофе.

— Как ты себе их представляешь, — спросила Инна, — Ороса, Илу?

— Двое любящих друг друга существ.

— Почему любящих?

— Чтобы отправиться в такой путь на Землю, надо не только доверять друг другу, надо любить.

— А если Орос ученый, а Илу его ученица? Как ты и я. Мы пошли в опасный район — значит, тоже любим друг друга?

Григорий посмотрел на нее.

— Любим? — настаивала Инна.

В мыслях Григорий не раз признавался, что любит Инну. Однако заговорить открыто...

— Хочешь, чтобы я сказала, да?..— спрашивала Инна.

Григорий попытался переменить разговор:

— Почему плакала Илу?..

— От одиночества.— Инна ответила коротко, отвела вопрос Григория. Ждала ответа на свой вопрос. Ждала — не то слово: требовала. Глядела в лицо Григорию и требовала.

— Хорошо, я скажу.— Григорий не опустил глаз под взглядом Инны.— Я люблю тебя.

— Тогда возвратимся,— сказала Инна.

— А как же Илу?

— Не надо ее искать.

Странная сила убеждения у этой девушки. Григорию не хотелось возражать ей.

Шли назад той же дорогой, по кромке ущелья. Снежный откос нависал над ними стеной. Инна шла впереди легко, уверенно. Или это была минута бесконечности — альпийская веревка висела у Григория на плече.

Но мысль об Илу не оставляла его. Глядя сверху на лабиринт трещин и пропастей, Григорий не удержался, крикнул в их глубину:

— И-лу!..

Инна резко обернулась к нему. В то же мгновение послышался треск и медленно, на какую-то долю секунды бесшумно, снежный наст начал коробиться, свертываться в гармошку. Пахнул белый дымок, снег осел под Григорием. Сверху, гудя, уже катилась лавина. Удар швырнул Григория в пропасть. Голова его запрокинулась, тело обожгла боль. Теряя сознание, Григорий увидел над собой огромные крылья. И глаза Инны, вставившие небо. Глазам он не удивился. А крылья... Он видел их на фотографии, которую принес в кабинет Сергеев. Не паруса, как ему показалось,— крылья!

Когда вернулось сознание, Григорий опять увидел ее глаза перед собой. В них было смятение, понял ли Григорий, кто она. И если понял, что будет теперь? Оттолкнет ее?.. Или ей самой уйти от него?

Григорий понял:

— Ты — Илу.

Приблизил ее к себе. И когда их дыхание смешалось, Григорий знал, что ничего дороже этой девушки у него нет и не будет. Он сказал:

— Останься.

СОДЕРЖАНИЕ

Тамала	5
Краткий визит	22
Год, который не пришел к людям	41
Эхо	58
Продавец снов	73
Николай Чудотворец	103
Домой	128
Прорыв	145
Родился мальчик	168
Домик и три медведя	181
Гарсон	198
Судный день Юджина Мэллта	219
Гали	238
Несси	260
Лебеди с Бетельгейзе	280

Грешнов М. Н.

Г 81 Эхо: Науч.-фантаст. рассказы.— М.: Мол. гвардия, 1988.— 301 [3] с., ил.— (Б-ка советской фантастики).

ISBN 5-235-00694-1

В научно-фантастических рассказах, вошедших в книгу, писатель раскрывает социально-психологические особенности научных открытий, пытается найти решение многих морально-этических проблем современности.

Г 4702010200—305 146—88
078(02)—88

ББК 84Р7

ИБ № 5446

Грешнов Михаил Николаевич

ЭХО

Заведующий редакцией В. Щербаков

Редактор Т. Журавлева

Рецензент А. Ефимьев

Художник А. Катин

Художественный редактор В. Федотов

Технический редактор Н. Носова

Корректоры М. Пензякова, Л. Четыркина

Сдано в набор 05.04.88. Подписано в печать 13.10.88. А 01172.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,3. Усл. кр.-
отт. 13,65. Учетно-изд. л. 13,5. Тираж 100 000 экз. Изд. № 944.
Заказ 8—160. Цена 85 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь», ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252119, Киев-119, ул. Пархоменко, 38—44.

ISBN 5-235-00694-1

В 1988 ГОДУ
В СЕРИИ
«БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
ВЫХОДЯТ КНИГИ:

Андрей Аникин.
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ.

Север Гансовский.
ИНСТИНКТ?

Олег Мороз.
ПРОБЛЕМА СЕТИ.

Александр Тесленко.
ИСКРИВЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО.

Евгений Хрунов, Левон Хачатурьянц.
ЗДРАВСТВУЙ, ФОБОС!

Зиновий Юрьев.
ПОВЕЛИТЕЛЬ ЭЛЛОВ.

85 коп.

МОЛОДОЯ ГВАРДИЯ

